

Тюменский научный центр
Сибирского отделения РАН

Финансово-инвестиционная
корпорация

ЦЕНТР
ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

«ЮГРА»

ЭТИКА УСПЕХА

Вестник исследователей, консультантов и ЛПР
Выпуск 5

КРЕДО И КОДЕКС ВЛАСТИ

РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО

Соредакторы:
Редколлегия:

В.И.Бакштановский, В.А.Чурилов
Г.С.Батыгин, Ю.В.Казаков, С.Керр
И.М.Клямкин, А.Ю.Согомонов,
Ю.В.Согомонов, В.И.Шпильман

Тюмень – Москва 1995

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Российское президентство: дух и модели 5

Метафизика успеха: российское президентство как феномен непонятый и непознанный

А.С. Ахиезер, *Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*

Россия - Власть – Президентство..... 7

Г.С. Батыгин, *Институт социологии РАН*

«Парадокс Руссо» и рациональная легитимация президентской власти 12

И.Г. Яковенко, *Институт национальных проблем*

образования Министерства образования РФ

Институт президентства и массовое сознание: новый облик власти в

модернизирующемся обществе 18

Этос успеха: российское президентство и российская культура

А.Ю.Согомонов, *Институт социологии РАН*

Российское президентство как самовозрастание

амбивалентности власти 24

В.И. Бакштановский, *Финансово-инвестиционная корпорация*

"Югра", **Ю.В. Согомонов**, *Владимирский государственный*

технический университет, **В.А. Чурилов**, *Финансово-инвестиционная*

корпорация "Югра")

Этика политического успеха: миссия и кодекс

российского президентства 29

Л. Радзиховский, *депутат Государственной Думы*

Российское президентство: образы и имиджи 42

Л.Я. Гозман, *Московский госуниверситет*

Российское президентство: психология принятия и отторжения..... 47

С.А. Киселев, **А. Мурсалиев**, *"Московские новости"*

Президенты в поисках утраченной легитимности 53

Homo ludens: правила игры в российское президентство

Б.Г. Капустин, *Фонд Горбачева*

Грядущие выборы и правила шумпетерианской

демократии (часть первая)..... 64

В. Кувалдин , <i>Фонд Горбачева</i> От полупрезидентства - к суперпрезидентству	70
В.Т. Третьяков , <i>"Независимая газета"</i> Российское президентство и общественное согласие	75
Д.Е. Фурман , <i>Институт Европы РАН</i> Является ли российское президентство гарантом общественного согласия и стабильности?	83
О.В. Киселев , <i>Мосимпэкс</i> Случилось то, что случилось. Российское президентство как субъект и объект влияния.....	87
Ю.В. Казаков , <i>Фонд защиты гласности</i> Публичное пространство как "заповедник" гражданского мира	94

Модели успеха: российское президентство в контакте постсоветской реальности

Л. А. Аннинский , <i>журнал "Родина"</i> Какого президентства достойна Россия? Amor fati, или кто сядет к нам лицом	104
А.М. Салмин , <i>Российский общественно-политический центр</i> Российское президентство: природа и проблемы	110
И.М. Клямкин, В.В.Лапкин , <i>Фонд "Общественное мнение"</i> Российское общество: стихийный поиск формулы согласия (статья вторая).....	114
Д. В. Ольшанский , <i>Центр стратегического анализа и прогноза</i> Какое президентство победит в России?	120
А.С. Панарин , <i>Институт философии РАН</i> Какое президентство ждет Россию?	126
Б.Ф. Славин , <i>Газета "Правда"</i> Нужно ли президентство в России?	134
А.И. Ковлер , <i>Институт государства и права РАН</i> Какое президентство легально в России?	136

Новое поколение выбирает успех?

Г.Э. Бурбулис , <i>Гуманитарный и политологический центр "Стратегия"</i> Президентство выбирает новое поколение	143
М. В. Масарский , <i>Международная ассоциация руководителей предприятий</i>	

Новое президентство: обновление или смена?149

В.И.Бакштановский, А.Ю.Согомонов, В.А.Чурилов

От дискурса к идеологической концепции (вместо послесловия).....162

Центр прикладной этики, 1995

625000 Тюмень, а/я 1230, Центр прикладной этики; тел/факс: (3452) 24-02-26
103070 Москва, Старая площадь, 10/4, «Югра»; тел/факс: (095) 206-03-57

Российское президентство: дух и модели

Вестник "Этика Успеха" приступил к реализации проекта "Кредо и Кодекс российской власти".

Редколлегия предстоит создать целевую творческую группу, предметом рефлексии которой станет российская власть в ее институциональном и культурном измерениях.

Редколлегия рассчитывает на то, что *намеренно* неспециализированная рефлексия культурного поля российской власти (отказ от узкодисциплинарных подходов, стилей и методов анализа) будет способствовать приближению к тому, что так необходимо нашему обновляющемуся обществу - широко разделяемому мировоззренческому пониманию и объяснению того, какие изменения происходят и какие должны произойти в обществе и в политике России на пути обретения ею нового культурного состояния.

Редколлегия не хотела бы, чтобы результатом коллективной рефлексии стал лишь некий "текст", выстроенный либо в категориях "заоблачных" рассуждений о том, какой "должна быть" российская власть (нормативная рефлексия), либо в технологических терминах экспертизы российской политической "кухни" (рефлексивный гиперреализм).

Редколлегия надеется, что название проекта «Кредо и Кодекс...», как идеологическая сумма ценностных оснований и "правил игры" для российской власти, явится одновременно и специфическим **предметом** авторских размышлений, и особым **углом зрения**. Это, как нам кажется, уберезит проект, с одной стороны, от рафинированного теоретизирования, с другой - не даст скатиться к выхолощенному технологизму.

Редколлегия рассчитывает на идеологический *прагматизм* коллективной рефлексии, выраженный, прежде всего, в самом подходе к явлению, в парадоксальном взгляде на рутинную действительность, в критике предрассудочных толкований, экспертиз и аналитики. В то же время редколлегия ориентирована на тематическое продвижение дискурса на тему российской власти от гиперперсонифицированного к институциональному подходу к феномену, подходу, разумеется, не лишенному живого интереса к персонам.

И, наконец, редколлегия не скрывает надежды на выработку коллективными усилиями языка идеологического самовыражения и самопрезентации власти.

Наш проект не имеет ни политического "заказчика", ни идеологических установок, и, что, пожалуй, самое главное, никакого заранее предписанного результата. Пафос проекта прост и скромен: он ориентирован на инициирование культурно-идеологического диалога общества и власти, и не суть важно, какие конкретные фигуры уже заполняют (или заполнят завтра) пространство российской политики.

Ожидаемый продукт коллективной рефлексии - элементарные частицы новой мировоззренческой доктрины российской власти, предъявленные "до востребования" - в режиме Римского клуба - модернизирующемуся российскому обществу.

* * *

Отчетливо осознавая безграничность своих исследовательских амбиций, редколлегия приняла решение начать проект с рефлексии того явления, которое, как нам кажется, политически наиболее значимо и наиболее органично российскому обществу и культуре, а именно - с феномена **российского президентства**. (Последующие выпуски Вестника будут посвящены феноменам "Депутатство", "Избиратель", "Судейство", "Губернаторство", "Чиновничество", "Четвертая власть").

Не очевидно ли, что президентство - краеугольный институт российской государственности? Таковым оно является сегодня, с большой вероятностью таковым и останется в ближайшей исторической перспективе.

Отсюда несложно вывести: "что?", "как?" и "кто?" относительно президентства в России - принципиальные вопросы ее политической судьбы. Естественно и желание общества разобраться в этом явлении, выработать язык взаимопонимания, призвать власть "играть" по определенным и адекватным культуре политическим правилам, сделать президентство ясным и прозрачным, предсказуемым и открытым для изменений.

Общество для президентства или президентство для общества? Это отнюдь не праздная дилемма политической трансформации российской государственности. И от нее не уйти с помощью "хитрого" решения "как то, так и другое".

Конституция не дает нам и толики того, что мы хотим знать о российском президентстве. Многие, комментируя словосочетание "российское президентство", делают основной акцент на первой части этой лексической конструкции, полагая, что *российскость* и есть его первичная характеристика. С их точки зрения этот феномен не имеет ни прямых, ни косвенных аналогов в мировой демократической практике, конституционные формулы о президентстве и содержат в себе мало специфического по сравнению с другими национальными моделями президентства. Другие комментаторы в этом словосочетании перемещают акцент на вторую часть лексической конструкции, утверждая, в частности, что российское и, например, американское, президентство на практике имеют куда больше сходного, чем различающего.

И первый, и второй вариант рефлексии политического феномена "российское президентство" выстраиваются в алгоритме кодифицирования данных и построения теории *единичного факта*. При этом склонность к утверждению *уникальности* может подтолкнуть исследователя к обоснованию своей теории историческим опытом страны и ее культурным наследием. Склонность же к обнаружению *универсальной* природы этого феномена стимулирует обращение к мировому опыту президентства.

Вне зависимости от того, какую из этих познавательных позиций занимает исследователь, мотивировка его интереса к теме не может, на наш взгляд, не основываться на презумпции того, что:

(а) профессионального эксперта методологически характеризуют интуиция и прозрение, способность и склонность к универсализациям и обобщениям того, что представляется здравому смыслу лишь единичным фактом;

(б) в преддверии предвыборного марафона стремление разобраться в том, что в ближайшем будущем станет предметом политического выбора, окажется неэффективным и даже обманчивым, если "что?" не будет перевешивать вопрос "кто?";

(в) каждый шаг на пути понимания феномена и есть одновременно выработка общественно-идеологической **доктрины** российского президентства как набора требований и критериев оценки того, "Что?" (и "кто?") есть, и того, "Что?" (и "кого?") предстоит выбрать;

(г) ограничиваясь уроками уже имеющегося опыта на тему "кто?", мы вновь обрекаем общество на игру в "русскую рулетку", лишая граждан **понимания** и потому взвешенного выбора, обрекая электорат на аффект и случайные решения.

Редколлегия Вестника "Этика Успеха" обратилась к ряду известных российских исследователей, аналитиков, экспертов с предложением выступить на его страницах в соответствии с предложенной инициаторами проекта рефлексивной проблематизацией. При этом мы сохранили традиционную рубрику вестника, трансформировав ее под содержательную разработку программы проекта. О результатах первого опыта такого рода судить читателю.

МЕТАФИЗИКА УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО КАК ФЕНОМЕН НЕПОНЯТЫЙ И НЕПОЗНАННЫЙ

В чем метафизика высшей исполнительной власти в России?

В каком смысле российское президентство является феноменом российской политической культуры, а в каком - чисто политической или общественной институцией?

Достаточно ли единичного опыта президентства для построения более или менее универсальных концепций российского президентства?

Эти и схожие базовые вопросы определяют рамки экспертной рефлексии о метафизических основаниях российского президентства.

А.С.Ахиезер

Россия - Власть - Президентство

Проблема президентской власти в России представляет собой частный случай проблемы отношения народа и власти. Именно на такой широкой основе могут рассматриваться суть и перспективы президентства. Понимание этой проблемы требует анализа ее предыстории, истории отношения народа и первого лица (независимо от его конкретного титула) в государстве. Прошлое глубоко вошло в нашу жизнь, превратилось в элемент повседневности президентства, нашего отношения к нему.

Если проблема президентства для страны сравнительно новая, то проблема легитимности первого лица существует с момента образования государства. На ее фоне президентство - очередное звено бесконечной цепи истории российской высшей власти.

Исторически проблема легитимности складывалась не как юридическая, а как проблема массового признания ее народом, его согласия на эту власть, как имеющую некоторую высшую санкцию. Сакральная санкция получила свое выражение, например, в представлении о "природном" царе, который имеет знаки на теле. В этом смысле Пугачев, который показывал рубцы на коже, мог рассматриваться как природный, а Борис Годунов, который был всего-навсего братом жены последнего царя, "природным" царем не признавался.

Были и другие критерии, прежде всего нравственного характера. Царь должен был "всех равнять", т.е. гарантировать справедливость в ее массовой интерпретации. В противном случае он становился "неправедным царем", антихристом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В России почти всегда высшая власть носила или сакральный характер, или была властью земли, вече, принявшая в XX веке форму власти Советов. Впрочем, власть земли, земщина также носила сакральный характер, но эта сакральность была языческой. Она получила свое выражение в языческой идее "власть народа - власть Божья", в которой можно видеть воплощение архаичного отождествления тотема и древнего первобытного сообщества.

Сакральность князей определялась вначале тем, что они были "даждьбожьими внуками", т.е., по сути, тотемами. После принятия христианства князья, а затем и цари, получали высшую сакральную санкцию от церкви, от Бога. В атеистическом советском обществе власть постепенно перешла к первому лицу, генеральному секретарю, чья власть также была сакральна, и это была языческая сакральность. Она была санкционирована высшей "исторической необходимостью", которая раскрывалась наукой и философией, т.е. земными людьми. Но сами эти люди рассматривались как носители высшего, сакрального знания, высшей правды и истины. Одновременно легитимность власти генсека шла и из принципиально иного источника. На его власть экстраполировались ценности, представления, связанные с первым лицом архаичного локального сообщества, например, с батюшкой. В синкретическом локальном сообществе он рассматривался как тождественный тотему и сообществу.

В этой смешанной, гибридной легитимации не было места для реально избираемого на конкурентной основе Президента. Божьего помазанника, тотема, батюшку не выбирают из нескольких кандидатов. В крайнем случае, за первое лицо можно проголосовать, когда нет конкурирующих кандидатов, реального выбора, как это было при советской власти. Тогда эта процедура выглядит как некоторый массовый ритуальный акт признания сакрального лица. Данные опросов показывают, что лишь 9% респондентов назвали среди наиболее важных прав человека право избирать своих представителей в органы власти. (1)

Откуда же в России взялся институт президентства, исторические корни которого весьма проблематичны? Существовал еще один важный фактор – либерализм, для которого характерна попытка обосновать новую модель высшей власти, не сакрального характера. Либерализм развивал точку зрения, согласно которой народ, каждый гражданин - реальная субстанция государства, высшей власти и сам в состоянии периодически, по определенной, достаточно строгой легитимной процедуре выдвигать людей, включая высшее должностное лицо, способных управлять обществом.

Разумеется, в России, с ее сильнейшей народнической традицией преклонения перед народом, либерализм порой принимает извращенные архаичные формы. Однако взгляды либералов пользовались в стране слабой поддержкой масс. Приход к власти либералов в феврале 1917 года не изменил ситуации, не стал свидетельством решающего и прочного перелома в массовых настроениях в пользу либералов. Достаточно сказать, что красные победили в гражданской войне, опираясь на массовую враждебность к "кадетам", т.е. российским либералам, которые в глазах народа выглядели главными виновниками всех бед. Гражданская война и террор, казалось, на вечные времена уничтожили либерализм и либералов. Однако чудо свершилось: СССР в последние годы своего существования, а затем и Россия стали президентскими государствами либерального типа.

Какова же природа той легитимности, которую предлагает либерализм в России? В принципе, она кажется вполне "естественной", хотя естественность - очень зыбкое представление. И сами либералы не всегда верят в то, что их представление о легитимности естественно для всех. Когда во времена монархии они стремились к утверждению своих идеалов, то далеко не всегда боролись за полноправное народное представительство. Например, поздний Б.Н.Чичерин предлагал лишь дополнить Государственный совет избранными от дворянства и земства. За этим стояло понимание того, что всеобщее избирательное право в неграмотной крестьянской стране вряд ли будет легитимным. Нельзя было ожидать, что достаточно большое количество людей признает ценности права. Вместе с тем либеральные идеалы, включающие в себя стремление к демократии, не позволяют рассматривать либерализм в России, как продолжение традиции древней вечевой "демократии". Этот вопрос требует особого рассмотрения. Однако опыт России достаточно ясно показывает, что отношения между либерализмом и вечевыми ценностями могут доходить до состояния гражданской войны в моменты мощной активизации архаичных сил.

Президентство (как и вообще все демократические институты) не могло бы появиться в нашей стране без новой версии легитимности. Ее специфика в том, что она шла из разных источников. Прежде всего, следует указать на рост в стране утилитаризма. Специфика утилитаризма заключается в следующем: он медленно утверждает в обществе представления о том, что явления оправданы, легитимны своей пользой, т.е. могут быть средством для исторически сложившихся целей соответствующего субъекта. Значение утилитаризма в истории культуры заключается, в частности, в том, что он создает легитимность не сакрального типа. На этой основе власть легитимизируется не сакральностью, а ее полезностью, т.е. аргументом, что без власти невозможно достичь обычных целей, которые субъект рассматривает для себя как естественные и важные. Власть – защитница определенного порядка от хаоса, гарант получения определенных благ. Ожидание благ от власти постепенно превратилось в России в обычай.

Советская власть подхватила патерналистскую традицию российской власти. Считалось, что и освобождение крестьян, и полученная при этом земля, и различные "послабле-

ния", о которых всегда мечтало крестьянство, шли от высшей власти, от царя. Советская власть вообще все, что народ получал, рассматривала как свою заслугу, как результат своей заботы. Упадок советской системы, начавшийся в результате крушения сталинского тоталитаризма, также означал ослабление сакральности власти. После смерти Сталина новые вожди пытались опираться на авторитет партии, что в России неизбежно вело к десакрализации власти: начальство рассматривалось как враждебная сила, как собрание жуликов, носителей всех пороков.

В этой ситуации обращение к либеральным ценностям, включая и президентство, выглядело как попытка обратиться к новому "естественному" источнику легитимности. Нельзя сказать, что это было чистой фикцией. Во-первых, определенное влияние либерализма в стране означало, что существовали люди, которые вкладывали в новые политические институты либеральное и демократическое содержание, рассматривали власть как легитимную в зависимости от соблюдения определенной процедуры ее формирования. Но это был лишь один элемент некоторого эклектического набора разных типов отношения к власти, идущих от различных эпох, даже различных цивилизаций.

Определенные сложности возникают при оценке легитимности современной президентской власти в России. Общая атмосфера, в которой формировалась власть на последнем этапе существования СССР и в постсоветское время, существенно отличалась от советской, была во многом ей противоположна. Реакция наступила после краха режима, основанного на насилии, на вмешательстве в повседневную жизнь. Люди, независимо от своих политических убеждений, перестали поддерживать и воспроизводить в своей повседневной деятельности этот порядок насилия над собой. Началось то, что социологи называли *приватизацией* - повышением ценности личной жизни, семьи, благ, отторжение от абстрактных ценностей коммунизма, от построения в будущем идеального общества, от ценностей защиты правды на далеких и неизвестных землях, за которые страна не только не получила ничего и даже не услышала элементарного "спасибо", но понесла огромные материальные и людские потери. Это стимулировало отход от абстрактных идеалов народной правды и, одновременно, утилитарное отношение к власти, стремление к ее очеловечиванию - в смысле отзывчивости по отношению к повседневным нуждам (здесь явно сквозила смесь традиционной приверженности к патернализму и сочетающегося с ним в этом пункте умеренного утилитаризма). Либерализм предоставил для воплощения этих идей язык и образцы.

Так почему же высшая власть приобрела форму президентства, а не, например, коллективного руководства? Эта форма имела и имеет достаточно глубокую традицию в России, начиная от сельского схода до боярской думы и политбюро. Но этой традиции противостоит другая, на которой основывалась княжеская и царская власть. В соответствии с ней высшая власть - эмоционально зримый субъект, который вступает в эмоциональный диалог с народом хотя бы по возможности, потенциально, ритуально. Этот сакральный субъект должен обладать всеми признаками личности, так как в архаичные времена он вообще был единственной личностью, единственным источником инноваций, единственным носителем высшей правды. Власть может вступить в контакт с людьми как очеловеченная, что, впрочем, не мешает ей быть сверхчеловеческой, т.е. сакральной. Тем не менее, здесь заложена возможность гуманизации власти, т.е. придания ее сверхчеловеческому характеру человеческого, и возможность изменения отношения первого лица к рядовому человеку, т.е. снижение значимости монолога власти, возрастание значимости диалога.

Таким образом, культурное наследие современной высшей власти, которое досталось нашему Президенту, представляется весьма противоречивым. Оно затрудняет, а то и вообще исключает возможность однозначных, прямолинейных ответов на вопросы о сути современного российского президентства. Чтобы эта констатация не казалась попыткой скрыться от сложных проблем за завесой многозначности, обратим внимание на особенность судьбы первых лиц Российского государства в XX веке. Их уход со сцены, если он осуществлялся насильственно, обычно не встречал сопротивления сторонников, в том числе и ближайшего окружения.

Вспомним Николая II, от которого отступились все, включая великих князей, армию, народ, что позволило его безнаказанно уничтожить. Вспомним Ленина, который, хотя и умер своей смертью, тем не менее, фактически находился под домашним арестом, что было возможно из-за равнодушия его окружения. Вспомним Горбачева, который был устранен вместе с государством, при полном отсутствии даже символического противодействия с чьей бы то ни было стороны. Факт с точки зрения здравого смысла поразительный.

Феномен можно объяснить лишь глубоким кризисом государственности России (независимо от ее формы: самодержавной или советской). О глубине кризиса (понимание которого должно было бы объединить всех - красных и бывших, демократов и патриотов) мы не решаемся думать, так как, следуя архаичной манихейской традиции, предпочитаем отнести наши беды на счет конкретных виновников, наделяя этих - всего лишь людей - властью демиургов.

Вторая, не менее важная, особенность судьбы первых лиц России в XX веке заключалась в том, что их уход сопровождался качественным изменением в управлении страной, коренным или, по крайней мере, существенным сдвигом в организации, в нравственных основаниях государственного управления, что дважды приводило к разрушению государства. Устранение и Николая II, и Горбачева означало гибель государственности, что по обычным меркам - можно рассматривать как две национальные катастрофы. Смерть Ленина ознаменовала переход к крайнему авторитаризму, превратившемуся в тоталитаризм. Уход Сталина способствовал возникновению системы коллективного управления, установлению власти олигархии, включая власть местных элит через совнархозы. Уход Хрущева совпал с наступлением умеренного авторитаризма, а Брежнева - с попытками вернуться к власти земли.

Почти органическая связь превратностей личной судьбы первого лица с глубокими поворотами в развитии страны подтверждает мысль о глубочайшем кризисе государственности. Кризис испытывают сами его основы, от которых нас не избавили ни авторитаризм, ни коммунизм, ни земщина, ни коллективное руководство, ни тоталитаризм, и пока что не избавил либерализм.

В этой фантастической по мировым меркам ситуации трудно говорить о том, что в российском президентстве нет существенных отличий от моделей иных стран и народов. Однако это не полный ответ на вопрос о том, почему высшая власть получила форму президентства. Уже говорилось, что среди многих вариантов легитимности, подпирających президентство, есть и либеральный пласт, либеральные модели, попытки определенной части общества сдвинуть президентство к его либерально-правовому варианту. Игнорировать это обстоятельство столь же ошибочно, как и отрицать значение для института президентства утилитаризма, древних традиций.

В России первое лицо всегда олицетворяло принцип власти, расположенный в диапазоне между соборно-коллективистским и авторитарным полюсами, возможно, переходящим в тоталитаризм. Возрастание сложности и внутренней напряженности власти еще в прошлом веке привело к тому, что смена первого лица, естественная или насильственная, служила сигналом к поиску более эффективной нравственной основы для управления. Поэтому новое первое лицо обращало свое критическое жало против своих предшественников.

Впрочем, бывали и исключения. Ленин возглавлял страну на трех различных этапах (локалистский разгул до начала гражданской войны, умеренный авторитаризм военного коммунизма и попытка воплощения некоторого идеала всеобщего согласия на этапе нэпа). Никому из правителей России подобное не удавалось. Ельцин получил власть под лозунгами либерализма. Сумеет ли он ее удержать, если в стране усилится стремление к авторитаризму?

Сегодня нет ответа на этот вопрос. Ясно другое: в России личность первого лица органически связана со спецификой нравственных оснований власти, которые не остаются неизменными. Существует и ленинский опыт - способность к самоотрицанию ценностей, провозглашенных первым лицом. Отсюда понятна тяга аналитиков к персональным разработкам

кам там, где, казалось бы, нужен институциональный анализ. Разумеется, всякая односторонность плоха. Нельзя игнорировать тот факт, что в конечном итоге специфическое значение личности Президента должно иметь не только культурно-историческое, но и институционально-историческое объяснение. Иначе говоря, аналитики не могут игнорировать специфическую роль первого лица в России и в политических институтах. Достаточно упомянуть такие явления, как самозванство или двоевластие.

В России формула отношения к первому лицу обычно имеет два крайних и взаимоисключающих друг друга выражения: либо "долгой", либо "нет альтернативы". Значение роста утилитаризма и, разумеется, либерализма проявляется в том, что формула поддержки Президента возникает или в результате стремления провалить других кандидатов, или поддержать стабильность власти.

Представление об отсутствии альтернативы имеет в России определенный специфический смысл. С уходом первого лица обычно меняется курс власти, снижается стабильность. В России всегда имело место еще одно важное обстоятельство - дефицит квалифицированных людей, способных управлять государством. Всякая перетряска приводит к власти людей, обычно не имеющих достаточного опыта для столь специфического дела, как управление страной в целом. Это также порождает страх перед сменой первого лица, которая в России часто равносильна государственному перевороту.

Разумеется, это не вся истина. Либеральная составляющая выдвигает принципиально новые отношения к проблеме, куда включаются и такие элементы, как необходимость периодической смены первого лица для повышения ответственности правящей элиты, борьбы с коррупцией, притока новых идей, состязательности программ и т.д. Фактически, здесь особый либеральный проект президентской власти. Думаю, его существование и реальная возможность укрепления влияния в обществе - великое благо для страны. Он постоянно указывает на альтернативу нашей дезорганизации и архаичным принципам и формам жизни, опирается на мировой позитивный опыт и отвечает определенным потребностям страны и либеральным традициям. Но у складывающегося либерального проекта есть недостаток: он часто строится на слишком абстрактных суждениях, не опирается на реальный анализ ситуации и поэтому может вступать в противоречие с тем, что достаточно большому числу людей кажется "естественным". Как быть в этой ситуации - особая проблема, выходящая за рамки статьи.

Защищаемое здесь представление о сути российского президентства имеет особенность: оно двойственно, носит внутренне расколотый характер. Это следует понимать в том смысле, что нравственное основание, легитимность президентства не однозначны. В России его признание лишь отчасти опирается на право и законность, а отчасти - на идущие из глубин истории представления о функциях и нравственном значении первого лица, как бы оно не называлось. Эти два разнородных, по сути дела несовместимых, пласта нравственности вряд ли могли бы существовать в рамках решения единой задачи, если бы между ними не развивался, не укреплялся промежуточный пласт массового утилитаризма. Именно он играет роль балансира и амортизатора.

Двойственность, наличие третьего элемента открывают возможности для существования различных моделей российского президентства, которые могут отличаться разными пропорциями его нравственных ипостасей, вплоть до абсолютизации одной из них и игнорирования других. Психологически и гносеологически это можно понять.

Это не значит, что все односторонние модели с научной и нравственной точки зрения равноправны. Остается научная задача формирования модели президентства, учитывающей ее неоднозначное, расколотое основание, которое, увы, не зависит ни лично от Президента, кем бы он ни был, ни от ученых. Эта возможная модель должна включать представление о меняющемся в истории соотношении между массовыми социокультурными базами каждой из ипостасей (традиционно-вечевой, либеральной и утилитарной) в зависимости от глубоких массовых культурных процессов, протекающих в обществе. Ученые, разумеется, участвуют в этом не только как граждане, но и как специалисты, носители

постоянно углубляющего знания. Расширение и углубление этого знания - фактор сдвигов в массовой нравственной базе, хотя наша общественная наука подчас доходит до рядовых граждан сильно разбавленной расхожими интеллигентскими представлениями. Тем не менее, в конечном итоге формирование научных представлений действует в направлении сдвигов в сторону либерализма. Одновременно наука действует и в направлении изменения содержания самого российского либерализма, в направлении его отхода от абстрактности и доктринерства.

Наука теснейшим образом связана с печатным словом, обращенным уже не только к коллегам, но и к тем, кого принято называть рядовыми гражданами. Ученый своими высказываниями пытается сдвинуть (пусть это удастся лишь на ничтожную величину) и массовые представления о сути президентства в России. Наука, кажется, не очень довольна сложившимися массовыми представлениями о президентстве: в них много эмоций, много равнодушия и легковерия, несбалансированного скептицизма и абстрактной вражды к власти как таковой. В этой ситуации трудно выработать реальную максимально общепризнанную модель президентства, которая должна стать основой для конституционно - законодательного его формирования.

На пути к этой общепризнанности - раскол между меньшинством, с его тягой к либеральной интерпретации, и большинством, подсознательно тяготеющим к различным вариантам традиционализма. Для формирования в этих условиях единой модели, которая, по сути, должна быть расколотой, но содержащей в себе представления о путях преодоления раскола, необходимо накопление знаний не только о президентстве, но и о динамике массовых и элитарных представлений о нем. В то же время необходимо углублять институциональный подход к президентству, а это возможно с помощью анализа массового сознания. Знание массовых представлений о власти позволит понять, что именно препятствует сегодня совершенствованию институционального подхода.

1. Ю.А.Левада. Между авторитаризмом и анархией: российская демократия в глазах общественного мнения // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995, N 2.,с.8).

Г.С.Батыгин
"Парадокс Руссо"
и рациональная легитимация президентской власти

Редко какой-либо западный иллюстрированный еженедельник выходит без рассказа об ужасах "российского двора". Российская периодика также переполнена неофициальными сведениями о частной жизни политиков. Самый благодарный источник интригующих сюжетов - манера поведения и личные пристрастия первого лица в демократическом российском государстве. Однако дело не в лицах. Они приходят и уходят, а институт президентуры остается и должен функционировать в нормальном режиме - быть гарантом респектабельности и легитимности политической власти.

Президентура как институт верховной политической власти отличается от обычной бюрократической должности доминированием личностного компонента - его можно с некоторой степенью условности назвать харизматическим, в той мере, в какой решения, принимаемые президентом, имеют законодательный характер. Это обстоятельство выводит президентуру за рамки ординарной бюрократической рутины и, действительно, создает некоторую амбивалентность - президент как бы возвышается над аппаратом хотя бы тем, что наделен правом контроля над соблюдением конституционных норм. В этом отношении он - полномочный представитель народа. С одной стороны, он имеет право сказать: "Государство - это я", с другой - служит гарантом народного волеизъявления. Такого рода "амбивалентность" создает конфликт между экстатическим призванием вождя народа (который, как поэт, немного не в себе) и холодной расчетливостью чиновника. Совмещение этих двух начал проблематизирует рациональную легитимность президентской власти.

Ответ на вопрос, сформулированный руководителями проекта "Кредо и кодекс российской власти" ("Какой идеал рациональности заложен в президентстве?") может быть сформулирован следующим образом: "Рациональность президентуры заключается в преобразовании "воли народа" в легитимные политические действия". Техника такого преобразования связана с перевоплощением политического деятеля. Он должен играть одновременно две несовместимые роли и, может быть, служить двум господам: народу и государству. Разумеется, во всех аналогичных ситуациях приходится одному господину поклоняться, а другого ненавидеть.

Проблема рациональной легитимации заключается в признании социального института правомерным, соответствующим фундаментальным ценностным основаниям, в конечном счете оправданным и справедливым. Первоначальное значение термина "легитимность" соотносилось с признанием законнорожденности как царственных инфантов, так и обычных людей (разумеется, если у их родителей подразумевался какой-либо общественный статус). М.Вебер акцентировал логическое, рациональное содержание легитимности институтов власти, их соответствие основоположению всеобщего законодательства - категорическому императиву. С этой позиции легитимность государственных учреждений, форм государственного правления, норм права и морали может быть поставлена под сомнение и тогда призрачным становится само их существование - остается лишь недоразумение и преходящий исторический казус.

Публичная казнь короля Карла I Стюарта состоялась 30 января 1649 года. Мушкетеры не смогли ей помешать. С этой казни, собственно говоря, и начинается политическая история Нового времени, когда возникли новые социальные "реальности", в корне изменившие традиционные представления о личности и обетовании носителя верховной власти в государстве. Одна из таких "реальностей" - гражданское общество, противостоящее государственной власти и представляющее собой определенным образом организованную массу, которая, как и всякая масса, обладает "силой", способной возносить людей на вершину власти. Сама же власть по сравнению с этой силой превратилась в нечто словесно-эффемерное и, чтобы восприниматься как настоящая, должна была доказать свое право на выражение воли народа. Отныне общество встало перед дилеммой: признать народную демократию хозяином жизни, либо отстаивать незыблемое для традиционного мирозерцания убеждение в божественном происхождении власти и рассматривать особу монарха как священную и неприкосновенную. Английские демократы, - среди них центральную роль играл Джон Милтон - утверждали, что власть порождается "снизу" - из гражданского общества и должна осуществлять волю народа. Их противники легитимисты (наиболее последовательно легитимистские взгляды выражал епископ Ричард Камберленд) настаивали на естественной "верховой" природе власти.

Вопрос о том, заложен ли в президентстве высший смысл рациональности российской политической культуры, неоднозначен. Дело не столько в президентстве, сколько в традиционной для российского политического менталитета исключительной миссии "Первого лица", будь это самодержец, генеральный секретарь или президент. Его миссия или, точнее сказать, призванность соотносится с отчетливо локализованной "эпохой" в жизни страны. Эти эпохи могут быть уверенно квалифицированы как исторические, поскольку выступают в качестве материала для биографии "Первого лица". "Тэтчеризм", "New Deal", "холодную войну" можно соотносить с именами Е.Тэтчер, Ф.Рузвельта, Г.Трумэна и Д.Эйзенхауэра, но эти направления в политике нельзя назвать эпохами и, тем более, результатами исторической миссии. В России, вероятно, "опричнина", "сталинизм", "оттепель", "застой", "перестройка" и, наконец, "демократизация" должны изучаться как факты биографии великих исторических деятелей. Кажется, Карлейль в данном вопросе имеет преимущество перед Плехановым, но оба они сходились в том, что никто из легитимных (аутентичных) государственных деятелей не был шутом гороховым и не претерпевал кризис легитимности, утверждая ее либо народным признанием, либо силой.

Кризис легитимности национально-государственных политических институтов начался, вероятно, с самого их рождения в эпоху новоевропейских революций, когда "естественное право" разгулявшихся детей восторжествовало над священным правом отца обладать властью. До этого традиционный для просвещенческой идеологии вопрос: "Государь для народа или народ для государя" решался в пользу государя. Помимо теологических у монархистов были и аргументы "естественного" порядка: власть государя как помазанника Божьего выше всех частных интересов. Поэтому воля суверена служила основанием для легитимации правовых установлений: "Voluntas regis - suprema lex". Государство воспринималось в данном контексте как высшая цель и высшая ценность, а все остальное - лишь как средство для его осуществления. (1) В сентенции Людовика XIV "Государство - это я" не было самодурства, но только уверенность, что личность короля растворена в высших государственных интересах до такой степени, что, по словам Н.И.Кареева, в государстве все, включая содержимое карманов подданных, является собственностью монарха. Такого рода убеждения могут воплощаться в жизнь и при республиканской форме правления. Разумеется, никакого "общества" вне государства не существовало, - именно к тому, "досовременному" периоду можно с достаточным основанием отнести тезис о "высшем аморализме власти", который приписывается Н.Луману.

Принципиальный перелом в политической истории произошел тогда, когда возник вопрос о личных ("естественных") качествах, обосновывающих право первого лица - фигуры неординарной - быть первым среди равных. Тогда появились поводы для моральных оценок власти. Российская история не отличается в данном случае от западного прогрессистского движения, если не придавать значения мистической вере в избранность миропомазанника ("Прогневали мы Бога, согрешили: / Владыкою себе цареубийцу / Мы нарекли", - говорит пушкинский Пимен). Фактически новоевропейский политический менталитет озадачил себя на столетия простым вопросом: кто властвует? Институт "Президента" - простого человека, уполномоченного подлинным властителем - народом возглавлять коллегиальный орган управления ("президиум") и признаваться выразителем воли народа, отныне заключал в себе неразрешимое противоречие: с одной стороны надо вершить власть, руководствуясь соображениями профессионализма и рациональности, с другой - необходимо поддерживать позицию "выразителя" даже тогда, когда выражать нечего. Эта эпифеноменальность, разорванность и обреченность на лицедейство, вероятно, присущи всем людям, вошедшим в историю в качестве "политических деятелей". Однако проблема коренится не в их личных качествах (усилия охлоса смешать с грязью потерявших силу или ушедших вождей столь же бесполезны, сколь их превознесение в газетных передовицах) и не в профессионализме - политика все-таки своеобразная профессия. Народ - суверен смотрится в своих лидеров и президентов как в зеркало, не желая признавать в них свой облик. Проблема заключается на самом деле в мифе о "народном суверенитете", который лежит в основе мифологического сюжета о народном избраннике, воплощающем в себе хтонические иррациональные свойства национального самосознания.

Может быть, имеет смысл напомнить, что сама идея народного суверенитета - т.е. права народа управлять собой - возникла как реакция на разрушение авторитарных институтов власти со стороны самого авторитарного из этих институтов. В том же году, когда Лютер предстал перед канониками на съезде в Вормсе, великий магистр только что созданного Ордена Иисуса дал обет быть рыцарем Святой Девы Марии и отстоять власть католической церкви. Обет иезуитов заключался в бедности, celibate и повиновении, а также в активной работе в миру. Они поставили целью всюду преследовать ненавистную реформацию и, поскольку практиковали "хождение в народ", выдвинули идею "народного суверенитета", ставшая впоследствии основой новоевропейского либерализма. В соответствии с принципом народного суверенитета, светская власть может быть лишена сакральной легитимации, если она отпадает от церкви, либо не соответствует соображениям "народного блага". В этом случае властитель превращается в тирана, заслуживающего смерти. Так произошла удивительная встреча двух принципиально враждебных политико-теологических доктрин: право

народа было провозглашено критерием легитимной власти и реформаторами, и иезуитами. И в том, и в другом случае критическая атака была направлена на разрушение традиционных социальных порядков.

Изменилось и традиционное аристотелевско-томистское представление о власти как внутренне присущей человеческому сообществу силе - энтелехии, оформляющей "социальное тело". В либерально-демократической трактовке власть стала выводиться из принципа индивидуальной свободы, свойственной "естественному состоянию" - по Мильтону, государственная власть возникла вследствие грехопадения и вражды между людьми. Главная мысль заключается в том, что власть получает свою легитимацию исключительно от индивидов, свободных по природе, но вынужденных вступить в общественный союз. Правители - лишь уполномоченные народа. Однако они присвоили себе право неограниченного господства, придумав титулы, сословные привилегии и право наследования. При этом они утверждают, что обязаны отчитываться только перед Богом, а не перед народом. Уполномочив определенных лиц осуществлять управление союзом, народ заключил с ними контракт, предполагающий соблюдение взаимных обязательств. Но в результате злоупотреблений властью естественный договор между народом и короной был нарушен и свободные подданные превратились в рабов. Отсюда возникает право и даже обязанность убить тирана, как это неоднократно делали славные герои Греции и Рима. Закон выше короля - таков вывод демократического публициста.

Быть российским президентом - это не профессия, а судьба личности, не понятой черствыми современниками. В этом, собственно говоря, и состоит "парадокс Руссо": чувство, самоотвеженный порыв к свободе и сострадание должны воплотиться в структуры власти. Это невозможно, но миссия вождя народа заключается как раз в осуществлении невозможного. Впервые в литературе Просвещения Руссо представил человека как существо страдающее и из страдания и жалости вывел сострадание - чувство социальности и основу всякого порядка. Но естественные для человека любовь, сочувствие и сострадание вытесняются холодным рационализирующим рассудком. Идеал "прекрасной души" отступает перед деспотизмом государственной машинерии. Но народовластие все же возможно там, где сохраняется личная свобода граждан, объединенных общим нравственным волеизъявлением. Народ всегда чувствует добро, но лишен способности к тонкому политическому рассуждению. Для этого нужно лицо, обладающее сверхчеловеческой силой проникновения в бесхитростное народное сознание. Вождь видит человеческие страсти, но сам их не испытывает и обладает великим даром творить законы, подчиняющие "народ" верховной воле. Одно условие: это "верховное лицо" должно быть великим политическим деятелем.

Легитимность верховной власти может вытекать не только из идеологических, правовых, моральных или генеалогических соображений. Важнейшим источником легитимации является сила принуждения. В этом отношении гениальная догадка М.Ольсона о том, что азиатская версия государственного правления зарождалась как вид рационализированного бандитизма, не лишена оснований. (2) Но даже либеральные политические доктрины не могут игнорировать центральную роль репрессивного аппарата для поддержания свободного социального порядка и принципа равных возможностей. Не подлежит сомнению, что всякая демократия лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться.

Власть прежде всего - сила. Сила как основа рациональной легитимации верховной власти подразумевает контроль над всеми сферами общественной жизни, осуществляемый во имя (хотя бы мистифицированных) общественных интересов. Если же власть президента ограничена рамками внутри и межгрупповой борьбы в политическом бомонде даже с использованием правоохранительных органов и войск, тогда сила являет собой не критерий легитимации, а антиобщественный фактор. Если рассматривать с этой точки зрения политическую ситуацию в России 1990-х годов, то нельзя не принять в расчет, казалось бы, парадоксальное наблюдение авторитетных экспертов, которые считают, что "законы, указы Президента абсолютно бессильны перед беспределом бюрократии". (3) Это, в частности, означает, что бюрократический аппарат - оплот рациональной политической власти - фрагмен-

тирован и фактически перестал быть бюрократическим аппаратом. Более того, эксперты свидетельствуют об антиправовой и криминогенной деятельности государства. (4) Вероятно, отсюда следует вывод, что институт президентской власти в современной России перестал существовать в своей легитимной форме и вместо него действует "президентская группировка", которая заинтересована в сохранении своих позиций и которая, скорее всего, предпримет для этого все что нужно и не нужно.

На протяжении последних лет наблюдается устойчивое снижение популярности российского президента. В используемой ВЦИОМом десятибалльной шкале динамика этого показателя выглядит следующим образом: январь 1992 года - 4,5; июнь 1993 - 3,8; июнь 1994 - 3,7; сентябрь 1994 - 3,6; ноябрь 1994 - 3,4; февраль 1995 - 2,9. Начиная с февраля 1994 года Президент стал функционировать в "зоне недоверия" - число полностью не доверяющих ему превысило число полностью доверяющих. Аналитики констатируют "сдвиги в сторону снижения легитимности президентской власти". (5) Закономерным итогом такого кризиса могло бы стать чрезвычайное развитие событий, если учитывать обвинения в адрес Президента по поводу отсутствия у него политической воли, пассивности в наведении порядка, а также склонность людей, занимающих шаткие позиции в структурах верховной власти, к авантюристическим акциям чрезвычайного характера. Все это дает основания для жесткого и недвусмысленного вывода, что "Ельцин в политическом отношении представляется политическим трупом, в котором уже произошли необратимые, исключаящие возрождение к нормальной демократической деятельности процессы. Это означает, что дальнейшая эволюция режима будет диктоваться логикой самосохранения правящей верхушки, предполагающей сворачивание механизма выборов как единственного способа мирной передачи власти из рук в руки". (6)

Существенным симптомом кризиса власти является падение доверия к политическим и социальным институтам. Относительным доверием по данным опросов пользуются лишь православная церковь (48%), средства массовой информации (26%) и армия (39%). Органы власти, в том числе Президент, поддерживаются незначительным количеством взрослого населения. Когда же критерием легитимации институтов верховной власти становится "нравится/не нравится" возникает проблема паблисити, решаемая средствами массовой информации. Власть приобретает в этом случае склонность к артистизму и увлекательным действиям.

Основной источник рациональной легитимации верховной власти - поддержка со стороны электората. Выведение легитимационного критерия верховной власти из индивидуального волеизъявления предполагает соответствующую методику калькуляции индивидуальных "воль" при определенных допущениях. На этом основано влиятельное направление в современной политической науке - теория общественного выбора (public opinion choice) или "новая политическая экономия". (7) В отличие от традиционной оценки политика как носителя высокого государственного начала и в силу этого отстраненного от "земных" забот, предполагается, что в основе рационального поведения и политиков, и бюрократов, и избирателей лежит следование их собственным интересам. Политики уже занимаются не "царственным плетением" в платоновском смысле, а политической конкуренцией, сопоставимой с рыночным обменом. По А.Даунсу политик предлагает определенную программу подобно тому, как торговец предлагает набор товаров, а избиратели имеют возможность выбрать то, что им больше всего нравится. В рамках данной теории получен вывод, что из двух конкурирующих кандидатов, большую вероятность победить на выборах имеет тот, чья программа и имидж ближе к предпочтениям среднего избирателя. В стабильной политической системе такая модель объясняет динамику политических программ. Однако и здесь остается неясным, почему "средним партиям" трудно сохранить контингент своих избирателей, который является по преимуществу перетекающим. Если же политическая система не отличается стабильностью, теория эгоистически ориентированных политиков тоже работает. В качестве заинтересованных индивидов они преследуют не столько политические, сколько самостоятельные цели, например, переизбрание на государствен-

ную должность и получение максимального количества благ. (8) В этом отношении самой рациональной стратегией является стратегия *parvenu*, рассматривающих власть как быстро пустеющую кормушку. Данному направлению противостоит так называемый "нирвана-подход", восходящий к кантовской идее "всеобщего законодательства", в основе которого лежит постулат об отсутствии у политических деятелей эгоистической мотивации.

В принципе, государственная власть существует не для того, чтобы нравиться, но, коль скоро либеральная политическая доктрина трактует президента как выразителя интересов народа, этот критерий легитимации можно игнорировать только в случае перехода власти к хунте. Личные квазихаризматические качества, как правило, являются результатом политического и культурного мифотворчества, но заслуга крупного государственного деятеля состоит в том, чтобы поддерживать и воспроизводить свой "символический ресурс" в том числе посредством отказа от всего "человеческого". Даже акцентированная пропаганда высоких человеческих качеств направлена на возвышение "деятеля" над грехами рода человеческого. "Сравнительные жизнеописания" и последующие свидетельства о великих, убеждают в том, что они умели превратить человеческое в политическое.

В свое время неординарные личные качества будущего российского Президента, его бесстрашие и безудержность сделали его символом "неформального" противостояния образованного общества аморальной партократии. Естественно, что укрепившись в кабинетах Кремля, неформалы перенесли туда манеру неформальной безудержности и перманентного скандала. Следствием этого процесса стали активное "группообразование", цепная реакция конфликтов, имеющих в своей основе отношения личной зависимости и покровительства, активное разнонаправленное давление на "избранников народа" всех уровней - от президентского до районного. Действительно, имеются основания для вывода, что реальными структурными единицами, образующими ткань властвующей элиты, являются клиентелы или "команды", положение которых всецело зависит от влиятельности и популярности их лидеров. (9)

Таким образом, вряд ли есть основания говорить о сформировавшемся в современной России институте президентской власти. Проблема заключается в том, что президентура - лишь один из элементов политической системы, которая в значительной степени сохраняет патримониальный характер (10), связанный с личным покровительством и личной зависимостью участников политических мероприятий.

1. Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М.: Т-во "Печатня С.П.Яковлева", 1904. С.196.

2. Olson M. Dictatorship, democracy and development // *American Political Science Review*. Vol. 87. No. 3. September 1993. P.568.

3. "Круглый стол" - Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека // *Государство и право*. 1994. N 10. С.5.

4. Там же. С.12.

5. Седов Л.А. Партии, лидеры и институты в период чеченского кризиса // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень / Всероссийский центр изучения общественного мнения; Междисциплинарный академический центр социальных наук; Академия народного хозяйства*. М.: Аспект-Пресс. 1995. Март-апрель. N 2. С.12.

6. Седов Л.А. Цит.соч. С.14.

7. Downs A. *Economic theory of democracy*. Boston: Cambridge University Press, 1957.

8. Обзор соответствующих политологических концепций содержится в статье: Швери Р. Теории рационального выбора // *Социологический журнал*. 1995. N 2.

9. Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // *Полис*. 1994. N 6. С.59.

10. Масловский М.В. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // *Социологический журнал*. 1995. N 2.

И.Г.Яковенко
Институт президентства и массовое сознание:
новый облик власти в модернизирующемся обществе

В массовое сознание россиян понятие "президент" вошло в 1989 году, на закате перестройки. Важно, что институт президентства получил легитимацию в недрах советской эпохи, явив собой завершающее порождение. По существу, президенты и съезды депутатов СССР обеспечили континуитет исторического развития, плавно перехватив власть из рук угасшей КПСС. Крах властной вертикали, последовавший после августовского путча 1991 года, обнажил новую государственно-властную структуру, узловым пунктом которой выступал Президент.

С самого начала Президент воспринимался как атрибут государственности, знак суверенитета, некоторой полноценности и перспективы независимости от имперского центра. Свидетельство этого - эпидемия выборов президентов в союзных республиках и автономиях. Однако до августа 1991 года это в значительной степени было политическими и культурными играми. Реальное наполнение новообретенных политических форм наступило с началом новой эпохи. Этот чрезвычайно сложный, многогранный, во многом ключевой процесс имеет множество аспектов.

Проблема может быть рассмотрена с точки зрения культуролога. В такой исследовательской перспективе значимыми окажутся мифология и идеология новой власти. Предстоит ответить на вопрос о том, как в сознании общества закрепляется новая реальность - российское президентство? Какими социально-психологическими и культурными коллизиями это сопровождается? Как идет формирование новой доктрины российской власти, соответствующей нынешнему этапу модернизации?

Начнем с того, что политические инновации или заимствуемые реалии политической жизни утверждаются в обществе в рамках своеобразного, внутренне противоречивого двусоставного процесса. С одной стороны, значительная часть общества, ориентированная на традиционную культуру, осознает новые политические институты через устойчивые традиционные модели. Для людей этого типа Президент страны - всего лишь новая номинация генсека. Точно так же их деды ассимилировали в своей картине мира вождя мирового пролетариата. В этой ментальности царь, генсек или президент равнозначны, а каждая новая номинация наделяется традиционными коннотациями носителя высшей сакральной власти. Это один полюс, соответствующий низовому уровню народной культуры.

Традиционная трактовка власти имеет свои особенности. Она существует на уровне устной коммуникации, чрезвычайно устойчива, склонна определять ожидания и оценки достаточно широких масс и проникать "вверх", в сферу современной культуры. Иными словами, влиять на уровни идеологии и политической практики.

В рамках мифологического видения власть понимается как вечная и неизменная сущность, подверженная некоторым циклическим изменениям. Традиционная культура трактует власть как сакральную. Последняя - всемогуща, носит патерналистский характер, владеет всем, в том числе и жизнью своих подданных и т.д. Сакральная власть авторитарна, предполагает растворение отдельного субъекта в целостности традиционного мира. Традиционная культура видит мир как единое синкретическое целое. Ее социальный идеал: единение "народа" - народ понимается как гигантский внутренне однородный крестьянский мир - и высшей власти.

Наконец, традиционный человек не осознает и не принимает политические институты как самостоятельную ценность. Для него социальная функция неотделима от личности, а все проблемы сводятся к проблеме правителя. В этой системе координат суть произошедших в нашем обществе перемен сводится к тому, что на месте Горбачева оказался Ельцин. А все наши беды и радости заданы личностными и профессиональными качествами российского Президента.

Здесь мы сталкиваемся со средневековой по своим глубинным основаниям народной культурой. Понятно, что в традиционной модели нет места ни самому гражданскому обществу, отделенному от политической системы и конституируемому общением своекорыстных индивидов, ни политическим институтам этого общества. Изнутри традиции ни сама модель социальности, ни стоящая за ней политическая философия не могут быть ни приняты, ни поняты.

На другом полюсе, где доминируют современная европейская культура и ценности модернизации, складывается совершенно иная трактовка института президентства. В этом слое российского общества традиционные и архаические модели миропонимания подавлены либо полностью изжиты. Общество и его политические институты познаются и оцениваются в категориях современной политической теории. Здесь институт президентства трактуется в соответствии с европейской политической традицией – той традицией, в которой сложился данный институт. Механизм российского президентства конструируется в опоре на прецеденты и устоявшуюся политическую практику ведущих стран "мирового сообщества". Эта система координат принадлежит Новому времени, опирается на рационалистическую философию, дискурсивное мышление, неотделима от письменной культуры.

Мы обозначили два полюса, две крайние позиции. Полагать, что современное общество состоит из носителей таких столь различающихся типов сознания и ими исчерпывается, было бы глубоким заблуждением. В реальности, между крайними позициями располагается широчайший слой опосредований. Основная масса наших соотечественников тяготеет к одному из этих полюсов, сохраняя элементы альтернативной культурной системы.

Создается парадоксальная ситуация, когда в одном и том же человеке сосуществуют фрагменты противоположных культурных ориентаций. Впрочем, это не дает оснований говорить о загадочной и непостижимой русской душе. Такое положение естественно для переходного этапа, когда одна мощная культура сменяется другой, не менее мощной. Пути культурной динамики пролегают через сознание и сердца людей. Но когда в одном человеке уживается средневековый традиционалист и прагматик гражданского общества, – зарождаются сложные коллизии. Такое сознание внутренне дискомфортно. Поведение человека трудно прогнозировать, а сама ситуация малоустойчива.

Вернемся к двум типологиям понимания власти. Они сосуществуют не только в одном обществе, но часто - в рамках одного и того же сознания. А это означает, что между ними по необходимости устанавливается постоянная коммуникация. Но хотя диалог жизненно необходим, разворачивать его бесконечно трудно. Во-первых, стоящему на одной позиции почти невозможно понять стоящего на другой. И, во-вторых, понимание меняет участника коммуникации, трансформирует позиции и в этом смысле отрицает его самого в его исходном состоянии. Это процесс болезненный и даже мучительный. И только необходимость осознать реальность и понимание того, что исходные модели не работают, заставляют нас меняться.

Проблема диалога, о котором идет речь, состоит в том, что народная средневековая и культура Нового времени почти не имеют точек пересечения. Одни и те же вещи участники диалога понимаются по-разному, и в одни и те же слова вкладывают совершенно разное содержание. А потому понимание оказывается невозможным. Об этом писали Ахиезер, Лурье, Усенко. (1) Помимо этого, участников диалога разделяют различные ценности и заданности. То, что кажется жизненно важным для одного, представляется пустым и несущественным для другого. Наконец, они апеллируют к разным авторитетам, различным удостоверяющим процедурам и т.д.

Обратимся к примеру. Для человека традиционных ориентаций такие вещи как нарушения Конституции или буквы закона, действия в обход парламента (или его разгон), противоправный "наезд" охраны Президента на сотрудников фирмы «МОСТ» или откровенная дезинформация из уст крупного государственного чиновника ничего страшного не представляют. В традиционном сознании закон существует для подданных, а власть находится над законом. Народной культуре свойственен так называемый морализм. С такой точ-

ки зрения важно не соблюдение буквы закона - это вещь глубоко второстепенная, а действие "По-справедливости", и "По-совести". Важно не то, нарушен ли закон, а то, способствует ли нарушающее его действие установлению справедливости. Наконец, сакральная власть закрыта от подданных и в своем величии простирается над уровнем элементарных моральных оценок. И если в высших интересах надо соврать, то в дезинформации населения нет ничего плохого.

Совсем по-другому оценивает подобное человек, ориентированный на ценности гражданского общества. Для него закон непреложен, парламентские процедуры непреодолимы, а Конституция священна. Власть подконтрольна обществу и закону. А потому скандальные нарушения закона или этики крупными государственными чиновниками должны вести к немедленной отставке последних или породить правительственный кризис. В результате делается вывод о глубочайших проблемах и институциональном кризисе российского президентства.

Как видим, речь идет о двух совершенно разных сущностях, хотя и та, и другая стороны имеют в виду один объект - нашу современную политическую систему. Но хотя такой диалог временами и напоминает беседу слепого с глухим, он неизбежен; не прекращаясь ни на минуту, он охватывает все общество. Непреложная историческая необходимость требует срочно трансформировать политическую систему, ибо старая оказалась несостоятельной и рухнула. Каждая из сторон вынуждена понимать другую, входить в ее резоны, учитывать их и заново обосновывать свою позицию. В таком взаимодействии и решается задача "притирки" заемных институтов к отечественной реальности.

При этом общее направление движения таково, что традиционная позиция все более размывается и трансформируется. Сегодняшняя российская власть разительно отличается от власти генеральных секретарей. Она вопиюще несопоставима с идеальным образом сакрального владыки, памятным старшему поколению нашего общества. Такие разные реалии, как свобода печати, многопартийная политическая система, частнопредпринимательская деятельность, забастовки, парламент с правом вето на решения Президента, Конституционный суд, постоянно муссируемая в печати угроза процедуры импичмента - все это и многое другое требуют своего осмысления. Эти реалии, так или иначе, ассимилируются массовым сознанием и размывают традиционные модели понимания власти. В результате человек с улицы постигает природу новой реальности, меняет свои представления. А убеждение, что ничего в сущности не меняется, остается данью традиции, своеобразным психологическим демпфером, смягчающим принятие нового.

Трансформация властной системы в России идет от модели сакральной власти к власти - социальному институту. Исходная точка движения (или традиционная модель власти) постоянно влияет на параметры складывающегося синтеза. Политическая система Российской Федерации насыщается авторитарными импульсами, обнаруживает тенденцию к формированию президентской республики с сильным, обладающим широкими полномочиями Президентом. Именно такая модель оказывается компромиссом между старым и новым, который устраивает сегодня большую часть общества.

Такова самая широкая социокультурная рамка, в которой разворачивается становление института президентства, оформляются культурные смыслы, создаются имиджи, зревают мифы. Власть постоянно балансирует на выделенных смысловых полюсах. Она демонстрирует себя как политический институт, но одновременно бережно возвращает харизму президенту. Использует стилистику традиционной власти и временами, как бы забываясь, ведет себя как неограниченная абсолютная власть. В этом выражаются ее переходный характер и своеобразная медиативность, открытость в обе стороны.

Парадокс ситуации состоит в том, что такая внутренне противоречивая позиция оказывается достаточно эффективной и позволяет ответить на ожидания разных слоев общества. Но это заведомо нестабильное, временное положение вещей. Модернизация российского общества и логика становления властных институтов требуют целостных системных

изменений. А такие изменения возможны лишь на путях самого широкого диалога. И, прежде всего, диалога общества и власти.

Институт президентства в России возникает на волне очередного модернизационного прорыва, который обрел формы вестернизации. Каждый виток модернизации направляет Россию в объятия Запада. На этом этапе, в атмосфере единения с общеевропейской традицией, совершаются прорывы и достигаются глубокие структурные изменения. Когда же очередной импульс иссякает и наступает стагнация, Россия все более замыкается, противопоставляет себя остальному миру, культивирует свою исключительность. Идея принятия института президентства и отказ от противостояния, позитивного включения в мировое общество, принятия политических институтов, отработанных европейской цивилизацией, неразделимы. Изначально Президент понимался как знак приобщения к нормальной политической традиции, а, значит, и гарант определенной исторической перспективы.

В ходе перестройки общество пережило глубокую идеологическую инверсию. Одна из главных ее составляющих - упразднение противостояния Западу, крушение мифологии особого пути, как бы этот путь ни назывался. Оглушительный крах социалистического лагеря произвел на граждан неизгладимое впечатление. Россияне разочаровались в образе страны-носительницы исторической альтернативы. Модернизация, понимаемая как приобщение к доминирующим в мире европейским ценностям, - сегодня предмет самого широкого консенсуса. Институт президентства и новая политическая система служат знаком этого исторического поворота и мыслятся его гарантами.

Угасание и смерть советского мифа происходили на фоне порождения новых мифологий. Мифология рынка как табуированной вчерашними силами зла сакральной технологии, способной решить все проблемы и вывести россиян из тьмы прозябания. Мифология возвращения в Европу, приобщения к ценностям и перспективам нормальной западной жизни. Мифологии свободы и демократии. Эти и другие мифы, пришедшие на смену советскому мифологическому комплексу, могут быть объединены в единую мифологию модернизации, которая понимается как движение к нормальной, принятой во всех цивилизованных странах жизни. Эта генеральная идея структурирует и объединяет смысловое поле доминирующей ментальности. Образ и миф Президента вписываются в это поле, находят свои обоснования, теологию, язык описания.

Обращаясь к образу (мифу, конструкту) носителя высшей исполнительной власти в сегодняшней России, мы обнаруживаем отсутствие такового. И здесь необходимо уточнение. В культуре отсутствуют мифологема института, образ социальной и властной роли Президента, но есть мощный, ложный по своей структуре миф Ельцина. То, что политический институт сросся с фигурой Президента и осознается только через него, свидетельствует: традиционное прочтение власти существует и занимает прочные позиции. Этому синкрезису еще предстоит распасться, а пока фигура Ельцина подминает под себя политический институт президентства.

Из этого возможен еще один вывод. Образ интересующего нас социального института не оформлен, привязан к фигуре медиативного, то есть заведомо временного, переходного, культурного героя - Ельцина. А это значит, что концепция президентства дееспособна, открыта для своего наполнения, уточнения и прочтения. Она не окостенела. Связанные с ней культурные смыслы бродят в подсознании общества и требуют своего оформления. Политик, который предложит обществу яркую концепцию института президентства, обречен на успех.

Как известно, в России прежде не было президентов. Всякая инновация, а тем более такая значимая, порождает особую ситуацию. Осваивая новое, людям свойственно искать опору в прецедентах, находить в новом черты привычного, родного - того, что помогает принять, понять новую реальность и двигаться дальше, уточняя и трансформируя привычный исходный образ.

При всей новизне образ президента несет в себе некоторые устойчивые и близкие массовому человеку коннотации. Исторически президентство складывалось как институция,

замещающая персону европейского монарха. Президенты усваивают многие прерогативы, атрибуты и акциденции монархической власти. В известном смысле их можно рассматривать как исполнителей функций конституционного монарха, избираемых на ограниченный срок. Этот аспект президентства близок и понятен традиционному человеку. Президент как единоличный правитель, носитель высшей ответственности, олицетворение власти и государства, символ единства общества - все это смыкается с исконным прочтением власти.

Президентство свалилось на Россию в ходе инверсии. Специфика инверсионной ситуации состоит в том, что сознание, входящее в инверсию, точно и подробно знает то, от чего оно уходит, однако не имеет сколько-нибудь оформленных представлений о желаемой реальности. В тот момент массовый человек знал, что у нас правит генсек, а в цивилизованных странах этой должности соответствует президент. Оформление и наполнение образа президента, становление нормы и даже идеала началось позже и этот процесс далек от завершения.

Внимательный к реалиям политической и культурной жизни человек может увидеть как идет формирование имиджа президентства. Отдельные слова, описательные конструкции, стереотипы подачи, модели поведения и стиля коагулируются в некоторую образно-смысловую нишу, объединенную понятиями Президент и администрация Президента. Образ высшей исполнительной власти "высасывается" из окружающего мира. Выстраивается исходя из того, как это "у них" - и в настоящем, и в героическом прошлом (Трумен, Черчилль). Или в нашем прошлом. Впрочем, российское конституционное прошлое исчерпывается Столыпиным. Но это - уровень образа, формы подачи и явления властного института обществу.

Уровень онтологических оснований мифологии российского президента пока что высвечивает два смысловых ядра. Одно из них - гарант целостности, символ государства. Другое - гарант необратимости инверсии, воплощение демократии, заслон на пути реставрации, преграда для красно-коричневых и т.д. И если первый смысловой блок очевиден, не вызывает никаких сомнений и подчеркивается постоянно, то второй проговаривается не вполне отчетливо и звучит время от времени. Есть и еще одна тонкость. В устах официоза и близкой к нему публицистики гарантом необратимости инверсии оказывается не институт президентства, а лично Борис Ельцин. Потенциального избирателя пугают перспективой если не прямой реставрации, то жесткого авторитарного режима с неясными перспективами. И такие конструкции имеют под собой некоторые основания. Они свидетельствуют о том, что сам институт президентства находится в зачаточном состоянии, не обрел устойчивых, освященных законом и традицией форм и при случае может получить совсем другое наполнение.

Между тем, российское президентство знаменует собой разрыв с советской моделью политического устройства. По смыслу оно предполагает конституционные основы государства, гражданское общество, гарантию соблюдения законности, защиту прав и свобод граждан. И если эти смыслы сегодня звучат приглушенно, то это характеристика нынешних властителей, не более. Педалирование смысловых регистров, естественное для движений либеральной ориентации, обещает серьезные политические дивиденды. Из ситуации правового беспредела и разгула преступности есть два выхода: авторитарный и связанный с утверждением сильного правового государства. Абстрактные с точки зрения массового человека проблемы формирования политических институтов обретают иное наполнение, когда удается связать их с большими точками сегодняшнего дня.

Как говорилось выше, в актуальном пространстве сосуществует два языка описания и две модели понимания власти - традиционалистский, склонный трактовать власть как сакральную сущность, и либеральный, представляющий власть как социальный институт. Соответственно этому, в обществе закрепились две традиции трактовки президентства. Причем сам институт президентства принят обществом, практически все политические силы - за исключением, может быть, монархистов, ортодоксальных коммунистов и других маргиналов - ассимилировали этот институт. Но если само президентство представляется при-

знанным и уважаемым политическим институтом, то его осмысление - предмет политической борьбы. На одном полюсе выстраивается образ президентской власти, включенный в сценарий построения гражданского общества, движения по пути вестернизации. Этот образ не имеет достаточной опоры в исторической памяти, но обещает людям некоторые понятные им актуальные ценности.

На другом полюсе формируется совсем иной образ. Он апеллирует к традиционным ценностям и инстинктам, педалируя привычные коннотации власти. Особый логический акцент делается на слове "российский". Это "наш" российский президент, который железной рукой выведет заблудший народ из болота плутократии к вершинам справедливости и духовности. Данная модель президентства неотделима от различных версий "третьего пути" и других идеологических конструкций, объективное содержание которых сводится к изоляционизму.

Обе концепции президентства вписываются в сценарий модернизации. Но если первая рассматривает ее как движение на путях вестернизации в союзе с мировыми лидерами, то вторая ориентируется на союз со странами третьего мира в позиционном противостоянии Западу. Здесь модернизация мыслится на фоне жесткого дросселирования информационных потоков, избирательного заимствования технологии при сохранении и укреплении традиционных ценностей и "устоев". По своим глубинным характеристикам второй вариант близок к модели модернизирующего развития, которая была реализована в советскую эпоху.

В конечном счете, модель президентства будет задана фундаментальным историческим выбором: развитие в изоляции и противопоставлении себя Западу или развитием вместе с Европой и как часть Европы, - который определит судьбы России на целую эпоху. Ныне конкурирующие образы президентства выступают как моменты в сложной и напряженной идеологической битве вокруг этого стратегического выбора. Возможно, выбор уже сделан. Но до тех пор, пока в обществе есть значительные силы, выступающие за его пересмотр, вопрос не может считаться закрытым.

Сегодня культурные смыслы и оттенки образа президентской власти эксплуатируются эпизодически, бессистемно и недостаточно. Власть не выстраивает мифологию президентства, предлагая взамен мифологию президента. Отдельные смысловые поля - особенно те, которые покрываются традиционным образом власти и несут в себе моменты преемственности, отрабатываются. Другие, связанные с новыми, инновативными коннотациями власти, разрабатываются гораздо меньше. Власть наблюдает за изменением общественных настроений, эксплуатирует те аспекты президентской мифологии, которые представляются наиболее актуальными.

Так в последнее время особый акцент делается на понятии «стабильность». Президент рассматривается как гарант стабильности, верности избранному курсу. Когда же обозначился некоторый крен в сторону "державности", Ельцин и его окружение начали отрабатывать имидж президента - державника, борца за национальные интересы. За этими колебаниями просматривается узкий, тактический кругозор, отсутствие стратегического видения и воли к целенаправленному либерально ориентированному строительству мифологии президентства. Верховная власть не желает нагружать себя излишними коннотациями носителя ценностей гражданского общества и гаранта прав граждан, что потребует от нее слишком многого.

Это открывает для политических сил, вступающих в предвыборную кампанию, широкое поле деятельности. В стране отсутствует целостная, ярко изложенная концепция президентства. Институт президентства, его роль в жизни общества, смысл и цели остаются непрописанными. Обществу требуются мифы президентства. А пока они ни отсутствуют, значимая ниша в культуре остается незаполненной. Тот, кто принесет эти мифы, обретет признательность сограждан.

1. А.С.Ахиезер Россия: критика исторического опыта. М.1991; С.В.Лурье. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994; О.Г.Усенко Психология социального протеста в России 17-18 вв. Тверь. 1994.

ЭТОС УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Акцент на первой части словосочетания «российское президентство» предопределил экспертный поиск и логику вопрошания в рубрике, выстроенной в режиме культурологической рефлексии.

Какие законы российской политической культуры находят свое отражение в феномене российского президентства?

Какие народные образы президентства господствуют сегодня в массовой культуре?

С какими архетипами российской культуры коррелирует президентство?

В чем парадоксы народного принятия или отторжения феномена российского президентства?

В рамках этих и близких к ним вопросов был сформирован культурологический курс темы.

А.Ю. Согомонов Российское президентство как самовозрастание амбивалентности власти

Явления власти в социокультурном смысле конкретнее персон, их воплощающих. В этой логике и российское президентство представляет собой растворенную в социальных отношениях вполне определенную и завершенную идею (модель) господства и подчинения.

Для аналитика, кажется, удобнее и проще иметь дело с единичным опытом властного явления, поскольку личностное начало в нем редуцировано, политические структуры и институты воспринимаются как модельно и типологически законченные и, следовательно, властные проявления легко узнаваемы.

И именно в этом ракурсе несложно понять, что российское президентство представляет собой многосоставное явление, по крайней мере, с точки зрения заложенных в нем идей. Это конкретное явление власти типологизируется в соответствии с той или иной моделью субъективного выражения социальных отношений господства-и-подчинения. Президентство, следовательно, не репрезентирует в себе некой одной - доминирующей - идеи властного выражения. Напротив, модельные субъективные выражения президентства коррелируют с хронологически разновременными культурными формами и политическими типами власти. Однако в формуле "Один президент, но Множество президентов" вторая часть не увеличивается прямо пропорционально числу здравомыслящих граждан страны, а сводится к ограниченному набору бинарных (изредка триадных) культурных образов.

Президентство поэтому легко и адекватно узнается как легальное или нелегальное, легитимное или нелегитимное, демократическое или авторитарное, воплощающее в себе нормы традиционной или современной власти и тому подобное - если абстрагироваться от бесчисленного ряда "народных" и "обыденных" эпитетов и характеристик президентства ("узурпаторское", "законное" и т.д. и т.п.). Бинарная структурация зависит и от исходной нормативной базы, и от теоретического угла зрения.

Впрочем и само российское общество в настоящий момент асинхронно в том смысле, что в нем как бы сосуществуют разные культурно-исторические эпохи, и поэтому неудивительно, что и аналитик неизбежно путается в оценке корректного социального вре-

мени российской власти, которое с его точки зрения все же предопределяет "дух" исторического момента.

Чрезвычайно велико в этой связи исследовательское искушение раскрытия феномена «российское президентство», как явления по преимуществу выражающего тот или иной конкретный тип господства и подчинения, воплощенного в практиках сегодняшнего президентского правления. Попытаемся наметить в публичном дискурсе полярные инварианты типологического восприятия (концептуализации) этого явления российской власти, прибегнув к "образному навязыванию" феномену систематической социокультурной операционализации, доводящей властную природу президентства до последовательно теоретического "абсурда". Впрочем, именно при помощи такой аналитической процедуры мы можем определить два полюсных сценария дальнейшего развития (динамики феномена российского президентства).

Титулярная власть

Заключены ли в российском президентстве некие российские традиции господства и подчинения? Вряд ли возможен однозначный ответ на этот вопрос, если мы не попытаемся обратиться к социологической традиции классификации политических культур, и в первую очередь к теоретическому наследию Макса Вебера.

"Там, где власть преимущественно ориентирована на традицию, но на практике осуществляется исключительно как чисто личностная власть, мы имеем дело с "патримониальной властью" (1).

Термин "патримониальность", характеризующий российское общество и политические традиции *Herrschaft* ("господства"), широко распространен в зарубежной, а частично и в отечественной, руссковедческой и советологической литературе.

В традициях исторической науки XIX века тип "патримониального государства" означал такую систему политического режима, при котором правительственная власть считалась частным владением правителя (К.Л. фон Халлер). В начале XX столетия М.Вебер корректнее определил патримониальность как политическое господство, осуществляемое правителем с помощью лично подчиненного и преданного ему бюрократического аппарата. (2)

Патримониальность не имеет строго выраженной стадийной или культурно-национальной привязки. Теория патримониального господства в равной степени эвристична и в отношении феодального социально-политического режима, и в применении к частным случаям политического строя стран "третьего мира", в особенности Китая и некоторых государств Латинской Америки, и в отношении культуры управления в организациях самой разной социально-профессиональной направленности стран современной демократии. Но популярна эта теория в первую очередь в исследованиях российских (и "советских") социальных и политических практик. И хотя Вебер не злоупотреблял термином в отношении русского общества и русской истории, тем не менее, выдержанные в нейтральном ключе его суждения могут показаться более удачными в теоретическом отношении, чем такие метафористические и эмоционально насыщенные понятия, как "вотчинное государство" или "вотчинное правление".

В данном очерке мы не ставим цели последовательно аргументировать тезис о том, что сегодняшнее российское президентство осуществляет принципы и нормативные характеристики патримониального господства. Упомянем лишь в вольной последовательности и импровизированном изложении базовые черты патримониального господства, в описании которых без труда прочитываются особенности сегодняшней модели российского президентства. Наше последующее изложение, разумеется, в строгом смысле не является следованием веберовской социологии власти.

Патримониального правителя отличает от его современных рациональных, формально-легальных коллег, большой волюнтаризм и "благодать", которой обозначены его слова, действия и поступки. Его власть не является тотальной, ибо он осуществляет свое господство через лично преданную (назначенную) бюрократию, которая как и "патрон" присваи-

вает свои властные позиции и тем самым ограничивает волю правителя, особенно в свободе назначений на должности (в этой логике ясно, что "назначить" на вакантную должность куда легче, чем "снять" ибо после "назначения" должность и позиция бюрократического господства присваиваются их носителем). Патримониальное господство неизбежно ведет к корпоративному правлению или правлению по - особому организованной группы людей.

Патримониальное господство в то же время основывается на логически естественном присвоении всех властных (в том числе и экономических) возможностей, которые открывает та или иная властная позиция. В культурном смысле она становится тождественной иным объектам собственности (присвоения) и равнозначно предметам экономического интереса. Присваивается собственно статус. Корпоративная группа правления становится независимым общественным классом, во главе которого находится патримониальный правитель, одновременно противостоящий и служащий интересам этого класса. В этом смысле, патримониальная власть всегда есть децентрализованное господство. Завершенный процесс децентрализации господства означает специфическое разделение власти между правителем и разными ветвями административной бюрократии, зависимой от всей системы патримониального государства, а поэтому несвободной полностью в социально-политическом отношении.

Регуляции внутри децентрализованного господства осуществляются с помощью специализированных указов правителя или путем властных компромиссов. Лояльность аппарата гарантирует его привилегии, в том числе и право на узурпацию властной должности. С помощью компромиссов определяется также степень свободы правителя в сфере персональных назначений. Присвоение правителем позиции титулярной власти формирует специфическое отношение власти к подчиненным, их правам и свободам. В то же время титулярное положение правителя диктует ему вполне определенный образ жизни и гораздо более четкий поведенческий кодекс, артикулированность которого предопределена обратными ожиданиями со стороны корпоративного класса и "тяглового" населения. Правитель не олицетворяет собой лучших черт "нации", не символизирует ее "дух", не является, соответственно, национальным лидером, словом, - он не герой и не образец для подражания. Его номинация и правление не сопровождаются харизматической аурой, поскольку и его персона суть результат компромисса общества и корпоративного класса власти. Равно и его политика, фискальная в первую очередь, является продуктом внутрикорпоративного компромисса. В хозяйственной сфере патримониальная власть создает "предвосхищаемые" сложности и барьеры, которые легко преодолеваются, и тогда она обращается к излюбленному ею способу социально-экономической регламентации жизни общества - к созданию всевозможных и многочисленных монополий.

"Исторически не существовало чистых патримониальных государств в смысле их совершенного соответствия идеальному типу". (3)

Этой цитатой мы отнюдь не намерены уйти от злободневной задачи понимания властной природы российского президентства. Рассматривая Россию изолировано от внешнего мира, аналитику, склонному вдобавок к культурологическим штудиям, видимо, трудно будет устоять перед эвристическим шармом теории патримониального господства. И ему будет чем оправдать свои теоретические пристрастия.

Начать хотя бы с того, что эта теория в значительной степени обосновывает легитимность сегодняшней модели российского президентства во всех его бесчисленных компромиссах, злоупотреблениях и взаимосвязи с гражданским обществом. В самом деле российское президентство, взятое в его универсально-единичном состоянии, воплощает в себе модель титулярной власти децентрализованного патримониального господства. В этой логике осуществляется соответствующее ему бюрократическое и общественное подчинение - титулярная лояльность со всеми оговорками, внутренними и внешними симуляциями. Подобная логика господства и подчинения не реализуется ни в одном другом феномене российской власти с такой последовательностью и постоянством. Заявленную выше схему теоретического понимания сегодняшней модели российского президентства можно считать

достаточной и корректной только в том случае, если мы рассматриваем российское президентство вне его цивилизационных, временных и глобальных условий.

Титулярная власть в условиях постмодерна

Вряд ли вызовет сомнение утверждение о том, что российское президентство унаследовало от предшествующих исторических эпох важнейшую функцию национального лидерства, выраженную в особом международном статусе российского "правителя" - статусе наднационального лидерства. В значительной степени этот статус предопределяет процесс формирования специфической модели национального президентства. Самодержец, Генеральный секретарь, и Президент неизбежно играет роль международного "гегемона". Иными словами, зависимость российского "правителя" от системы международных отношений существенно выше аналогичной детерминации у всей плеяды постсоветских президентов и, соответственно, у него иные международная ответственность, риск и обязательства перед мировой политикой.

Это банальное утверждение становится нетривиальным, когда мы пытаемся установить корреляцию между внешним статусом "правителя" и его внутренней структурой, Кредо и Кодексом. В этом ракурсе титулярный правитель России неизбежно оглядывается на мировой порядок, и посему не может буквально воспроизводить в себе исконные традиции патримониального господства. Очевидно, сегодняшний патримониальный правитель не может более реализовать изоляционистский политический проект (наиболее адекватный идеальному типу патримониальному господству), его политический успех напрямую зависит от интеграции в мировую политику и кооперации с другими национальными лидерами, что в свою очередь отражается на самой модели президентства.

Считается, что исторически национальное президентство проходит три фазы политического развития, а именно: а) традиционное президентство; б) современное президентство; в) постсовременное президентство.

Глобальные условия постмодерна делает всех постсовременных президентов, образно говоря, близнецами-братьями, пусть даже и вопреки определенным традициям политической культуры. Главное же, что их отличает, - принципиальная невозможность доминирования в международной системе (даже на уровне претензии), выстроенной отныне в логике взаимозависимости и потому исключаящей саму идею нации-гегемона (4).

Традиционное президентство (в нереализованном российском инварианте чистого титулярного господства) может игнорировать внешний мир, поскольку в принципе развивает исключительно собственные - национальные - политико-культурные модели и сценарии. Современное президентство, напротив, как бы предлагает миру свое национальное лидерство, корректируя модель национального лидерства под эти цели. На этом межлидерском паритете в значительной степени основывался биполярный мир после второй мировой войны. Национальные лидеры великих держав были особенно активны в протекции и продвижении национальных интересов за рубеж, пропагандировали национальные ценности и образ жизни, фактически неограниченно распоряжались национальными - материальными и людскими - ресурсами для удовлетворения этих международных ожиданий. Отголоски этой исторической эпохи слышны нередко и сегодня.

Наступление эпохи постсовременного президентства знаменует собой не только отказ от этой политической роли, но и осознание факта ограниченности национальных ресурсов для ее осуществления, а, следовательно, - означает отказ от гегемонизма (как стержневого элемента модели современного президентства) и выбор в пользу международного сотрудничества.

Глобальный политический сдвиг коренным образом отразился на всей внутренней конфигурации патримониального господства, логически приблизив титулярного правителя к модели формально-рационального президентства (в первую очередь, в его американском варианте).

По ту сторону взаимоотношений с патримониальной бюрократией титулярный правитель куда интенсивнее оборачивается к трем принципиально непатримониальным политическим аудиториям: парламенту, общественному мнению, международной системе. Постсовременный президент апеллирует к парламенту и общественному мнению и международной системе, чтобы оказать давление на парламент. Он же апеллирует к международной системе и парламенту, чтобы повлиять в своих целях на общественное мнение. В этой логике политической презентации совершенно по-иному реализуются нормативные черты национальной модели господства и подчинения: рождается как бы смешанный тип-амальгама неопатримониального господства. Специфика его не только в модельной смешанности ("нечистоте"), но и в продуцировании новых норм, "правил игры", а подчас и симулировании чужеродных кодексов, символов и политических идеологем, словом, - разных средств и способов самопрезентации президентства внешнему миру, гражданскому обществу (в данном случае мы употребляем термин "гражданское общество" весьма условно) и даже государственной бюрократии.

Результатом процесса модельной коррекции становится предельно возросшая амбивалентность власти. Возникает множественность "образов" президентства и президента, которая в свою очередь существенно воздействует на процедуры интерпретаций и предвосхищений действий президентской власти. Неопатримониальная власть гораздо больше зависит от случая, но она же искусственно играет на этом факторе, завышая или занижая политические "ставки". Неопатримониальная множественность "образов" президентства - главная нормативная черта сегодняшней модели российского президентства.

Неопатримониальная амбивалентность

Амбивалентность маркирует буквально все составляющие сегодняшней модели российского президентства. Причем эта амбивалентность является не столько систематической особенностью российской политики вообще, поскольку, как известно, политически удобно и эффективно постоянно поддерживать состояние двусмысленности и неопределенности, сохраняя пространство для политического маневра и всевозможных идеологических толкований (рационализаций). Амбивалентность в определенном смысле диктует всю логику предьявления президентства российскому обществу и внешнему миру, а поэтому выражает его имманентную природу.

В свою очередь истоки неопатримониальной амбивалентности следует искать в амбивалентной асинхронности Кредо и Кодекса сегодняшней российской власти в целом. Ее отличает ряд примечательных социокультурных субъективных выражений. Упомянем лишь некоторые из них.

Ностальгичность, как в традиционном значении понятия – ностальгия по утраченным иллюзиям, статусу, престижу, территориям и тому подобное - так и в парадоксальном смысле по утраченным "реформаторским" возможностям (ностальгия "нереализованного сегодня"). В то же время ностальгическими переживаниями "болеет" и общественное настроение, правда в достаточно умеренной форме, так что в точки сопряжения властно-общественного взаимодействия рождаются симуляции былых властных практик и властных речевых артикуляций лексиконом слегка подзабытых имперских идеологий.

Дискретность в значении радикального разрыва с тоталитарным властным прошлым - практиками и рационализирующими их идеологами. Дискретность не в меньшей степени обусловлена общественными ожиданиями (по крайней мере, части общества). Однако, если ностальгичность убедительно иллюстрирует реформаторское кредо в том, что "без прошлого будущее невозможно", то политическая дискретность восстанавливает амбивалентный баланс, манифестируя тотальный отказ от тоталитарного наследия, интенционально нивелируя исходные позиции всех субъектов "нового" общества.

Симуляционное нормотворчество, выстраиваемое также в предельно амбивалентном континууме симуляционных реанимаций преимущественно досоветских властных

практик и симуляционных ино-заимствований. Примеров и тому, и другому можно привести бесчисленное множество.

Заметим вновь, что этими культурными формами не исчерпывается амбивалентное содержание неопатримониального российского президентства, однако именно они весьма показательны в плане иллюстрации двухстороннего процесса социокультурной трансформации титулярной власти в условиях постмодерна. Из всего сказанного, на наш взгляд, проистекает несколько выводов скорее прикладного, чем теоретического характера:

1. В сегодняшних глобальных условиях на успех "обречен" тот неопатримониальный президентский проект, в котором национальное и универсальное не противопоставлены, а разведены, не противоборствуют, а как бы с двух сторон фланкируют властную модель господства и подчинения.

2. На успех "обречена" та неопатримониальная президентская программа, которая не удовлетворяет каким-либо определенным (даже проистекающим от отдельно взятой социально-политической группы) общественным и международным ожиданиям от власти, а формулирует новое - амбивалентное - пространство для толкований российской власти.

3. На успех "обречена" та неопатримониальная идеология, которая символически отвечает революционно-контрреволюционным переживаниям российского общества. Именно в этом смысле российское президентство неизбежно становится "заложником" самовозрастания амбивалентности своей властной природы. Видимо, наибольшим шансом на победу располагает то российское президентство, которое в наименьшей степени подается однозначной рудиментарной интерпретации, которое безразлично общественному мнению и мировой политике, то есть предельно амбивалентно и минимально маркировано в плане отчетливых стратегических, идеологических и даже чисто политических предпочтений. На предстоящих выборах, может быть вопреки логике неопатримониального президентства, случайности в электоральном выборе быть не должно. Вопрос же о том, кто и как мог бы добиться успеха выходит за рамки данного очерка. Мы не отважимся и на прогноз возрастания амбивалентности как единственного закона исторической эволюции российской власти.

1. Weber M. Social and Economic Organization. New York: The Free Press, 1947. P.347

2. Подробнее см.: Roth G. Introduction // Weber M. Economy and Society. New York: Bedminster Press, 1968. P. LXXXVIII-LXXXIX.

3. Weber M. Op.cit. P.353.

4. См. подробнее: Rose R. The Postmodern President. Chatham, N.J.: Chatham House Publishers, 1988.

***В.И. Бакитановский, Ю.В. Согомонов,
В.А. Чурилов***

***Этика политического успеха:
миссия, кредо и кодекс президентства***

Безбрежная тематика этики политического успеха, которой авторы настоящей статьи посвятили главы подготавливаемой к печати книги (в кратком виде мы начали публиковать их в Вестнике "Этика успеха", N 2 и N 3), в приложении к институции российского президентства обретает новые грани и дополнительные импульсы. Оказалось, что такое приложение служит не просто естественным продолжением общего исследовательского замысла, но означает такой поворот, который потребовал обновления проблематизации моделей политического достижения, насыщения этического поиска драматургией лидерства в современной России.

1. Кодекс

1.1. Моральная аура президентства?

"В каком свете" выглядит наша верховная политическая власть, представленная в президентстве, с моральной точки зрения? Как смотрится она с придирчивых позиций должностования?

Стоит только "опробетчиво" задаться таким "подрывным" вопросом, как раскованное воображение вопрошающего, так и начинает рваться из тенет земного притяжения, чтобы воспарить в разряженную атмосферу прекраснотушных мечтаний. И тогда неудержимо хочется, если и не предположить воплощения нравственного идеала в душе и делах одного единственного человека, выявленного, выдвинутого и затем избранного из "человеческой глуши" (В.Маяковский) на президентский пост, то - по самому скромному счету - хотя-бы остановиться на чем-то к такому идеалу приближенному.

Нас упрямо продолжает слепить нимб вокруг высоких должностей (хотя в последнее время и сильно поблекший, а то и вовсе потускневший на фоне падения авторитета государственности: не нами замечено, что Россия страна крайностей - что с этим поделаешь?!)

Впрочем, благостный порыв к идеализации все равно уносит нас в далекое прошлое цивилизации, когда верховному правителю - как бы его и не называли - приписывались все мыслимые человеческие достоинства и добродетели в превосходной степени. Иного, видимо, не могло быть - в традиционных социумах верховная власть имела сакральный характер. К тому же она вовсе не была специализирована функционально, не ограничивалась политической сферой. Строго говоря, такая сфера еще не успела в этих социумах отщепиться от других, обрести атрибуты самостоятельности. Поэтому функции верховного правителя, монарха, которые мы сегодня предпочли бы называть политическими, на деле органически сплетались со многими иными функциями, весьма далекими от политики - судебной, военной, воспитательной и т.п., вплоть до исцелительной.

Монарх-самодержец в России, по точному выражению историка Ключевского, даже не правил страной, а просто владел ею. В патерналистском духе в таком личном домене он воплощал отеческие обязанности по отношению к остро нуждающимся в опекуновстве подданным. Лишь безукоризненное исполнение сурового бремени наставничества, куратора "малых мира сего", придавало его всевластью качество нравственного достоинства. То была моральная оценка верховной власти, оценка, которая если и позволяла власти в исключительных случаях жертвовать благополучием подданных, то только ради широко признанных миссионерских предназначений - нести, скажем, свет истинной веры или просвещения, освобождать из-под сатанинского гнета и т.п.

Такие этико-культурные барьеры монаршему произволу были сравнительно низкими лишь при деспотических режимах, они же оказывались достаточно высокими при сословно-правовых устройствах, тем более - при настоящем конституционализме. В ряде случаев мощное давление процессов осознания подвластными собственной "вины" перед обожествленной верховной властью могло преодолеваться, и тогда морально санкционировалось сопротивление "безбожной" власти - вплоть до свержения ставшего ненавистным тирана. Неумолимый рост республиканизма в мире породил за два последних столетия плеяду президентов-диктаторов, президентов-вождей авторитарных и полуавторитарных политических систем. Эта власть, хотя и была укутана флером демократизма, по сути, представляла собой лишь разновидность захвата власти, форму личной диктатуры (впрочем, она могла быть и коллективной, когда военная хунта или политбюро партии узурпировали всю полноту власти). Даже если была так называемая диктатура развития, как, например, в Чили или Корее. Естественно, что при президентах-диктаторах просто нелепо даже заикаться об "этическом измерении" их власти - оставь на этику надежды всяк, под диктатурой оказавшийся!

Но мы здесь исследуем институт президентства в системах представительной демократии, и не рассматриваем традиционные монархии или президентские диктатуры. И если не спускать с цепи воображение, вряд ли кто в наше время рискнет всерьез приписать феномену президентства некую моральную ауру, святость относительно целей его поли-

тической деятельности, мотивов. Даже президент, до поры до времени обладающий харизмой, предстает как человек, избранным на должность, но вовсе не ангел во плоти, не избранником по показателям морали, которая - давно известно - равнодушна к высоким чинам, пышным регалиям, да громким званиям.

Истории известны редкие случаи, когда высокая должность не развращала, а возвышала человека в моральном измерении. (Если верить Тациту, например, то из всех римских принцепсов изменился к лучшему, обретя огромную власть над людьми, лишь один Веспасиан). Но президент, полагающий себя неким "моральным превосходительством" и даже "высокопревосходительством" только потому, что он правдами или неправдами смог сколотить электоральное большинство, представляется в конце XX века политико-этическим анахронизмом.

1.2. Этический стандарт президентства: ценностный минимум

От президента, прежде всего, ожидают - притязательно и с полным на то основанием - поведения, отвечающего требованиям этического стандарта. Он "расписан" в неписанном кодексе политической этики, воплощающем общекультурный ценностный минимум, который Ю.Хабермас замысловато обозначал как "универсальное ядро моральной интуиции". Соответствие такому минимуму гарантирует президенту политическую респектабельность и нравственную порядочность, реноме честного человека как на полной своеобразия политической арене, так и в частной жизни (у президента могут быть близкие друзья, личные привязанности).

Кодекса политической этики в качестве принятого и прочно усвоенного всеми участниками политического процесса нормативной модели поведения у нас не существует. Да и откуда ему взяться при господствующих "свинцовых" политических нравах!? Не только вчера, но и в посттоталитарном сегодня, в коридорах власти, на политическом ристалище, если поискать то, с чем-то менее всего считаются, так это именно с этикой.

Но не в вакууме же живет президент и теоретики этого феномена в России?! При отработке канона этики политического успеха впрок идет общецивилизационный опыт моральных дозволений и запрещений, которым суждено регулировать поступки профессиональных политиков, причастных к политике чиновников, обслуживающих политику ученых, публицистов, журналистов, юристов. А заодно и тех, кто вольно или невольно оказался втянутым в политический процесс, стал вполне самостоятельным участником властного диалога и соответствующих акций группового поведения (рядовые члены политических партий, ассоциаций, клубов, избиратели, демонстранты и т.п.). Как ядовито изрек известный сатирик, "верхи" должны иметь достойные "низы".

От соблюдения норм политической этики прямо зависят слаженность, ритмичность, эффективность работы многоярусной и многозвенной политической машины демократизирующегося общества. Пусть даже пока оно пребывает на начальных фазах демократизации со всеми присущими им однобокостями, искривленностями, непоследовательностями. Такой неписанный кодекс политического поведения предполагает следование принципам нераздельности власти и ответственности за нее, толерантности по части разномыслия, отзывчивости по отношению к меньшинствам, к интересам политических союзников (добродетели партнерства, партнерской честности и верности), нейтралов и даже противников, отказ от конфронтационного поведения везде, где это возможно, от "беспредельных" правил политического ультрарадикализма. Он требует соблюдения норм честной политической игры, которая не допускает уклонений от выполнения обязательств по политическим векселям, табуирует политический цинизм в высказываниях и поступках, интриганство, демагогию, крупное и мелкое политиканство, неразборчивость в средствах политической борьбы, осуждает готовность "идти по трупам".

При всем этом кодекс не носит ханжеского характера, не накладывает ригористического вето на хитроумные комбинации в политической игре, не запрещает маневрирования и своевременного умалчивания о целях и замыслах обманных движений, не осуждает словес-

ную и поведенческую жесткость, стремление политиков представить себя в выгодном свете, прибегать - естественно, в меру - к рекламе, к популистским шагам. Иначе, не запрещает всего того, без чего немислим политический успех. Более того, кодекс всемерно побуждает к нему, оценивая стремление к успеху как положительное в нравственном смысле. К политике в большей мере, чем к кому-либо другому, не может и не должна быть применена поговорка: "так добр, что ни на что не годен!"

Представляется, что канон политической этики, ее кодекс являются безинституциональным сегментом "Общественного договора" в самом широком смысле этого понятия. Не исключено, что его аналогом в нашей стране можно было бы посчитать "Договор об общественном согласии", если бы не хрупкость и известная искусственность последнего.

Все это позволяет говорить о конвенциональном характере норм и правил политической этики. С одной стороны, они подкрепляют, цементируют политико-правовые соглашения и регулятивы, а с другой стороны - подкрепляются требованиями общественности к поведению участников политического процесса, а также самих участников друг к другу. Такие требования политику просто нельзя безнаказанно проигнорировать, не рискуя при этом быть непоправимо скомпрометированными в глазах общественности, обрекая себя на политическую изоляцию, на потерю доверия со стороны общественных кругов к проводимой им политической линии.

Боже, как нам до всего такого еще далеко! Впрочем, дорогу осилит идущий. А потому не может быть двух мнений относительно того, что президент уже сейчас полностью подпадает под "юрисдикцию" кодекса политической этики и его деяния должны укладываться в очерчиваемые кодексом рамки. Президент обязан скрупулезно придерживаться норм этического стандарта, тем самым, побуждая и других политиков чтить нормы данного кодекса. "Если не я, то кто же?" - обретает для президента характер чуть ли ни категорического императива. Исполнять миссию гаранта соблюдения норм этики политического успеха нельзя иначе, нежели примеряя эти нормы к собственному поведению, подчиняя кодексу.

1.3 Тяготы на стезе успеха: искушение моральной исключительностью

Казалось бы, вопрос об этическом измерении президентства в надлежащей мере прояснен и подлежит закрытию. Разумеется, если забыть о том, что соответствие этическому стандарту лишь на бумаге выглядит делом незатейливым и самоочевидным. Сие признание не составляет тайны даже для поверхностного наблюдателя политической жизни, тем более жизни политических "небожителей" России. Практика, царящая в притененных "коридорах власти" (а выражение это, принадлежащее Ч.П.Сноу, отнюдь не нейтрально в моральном смысле и нагружено своеобразной презумпцией виновности: какие-то в коридорах и кабинетах власти втайне обделываются делишки!), не балует наблюдателя обилием фигур, способных держать задаваемый стандартом уровень поступков в нынешнее смутное время, впрочем, как и до того.

С одной стороны, соблазн покусения на порядочность резко возрастает вместе с увеличением властных возможностей политика. А в случае с президентством мы имеем дело с предельными величинами подобных возможностей - награждать и наказывать, инициировать и продвигать различные проекты, законоположения, раздавать и отбирать должности, синекуры, привилегии материального или престижного свойства. Нашептывающие и искушающие голоса политических сирен, услужливые подсказки или мольбы фаворитов и просто приближенных совершить нечто, выходящее за границы допустимого этическим стандартом, звучат постоянно, настойчиво и даже назойливо. И надо обладать хитроумием Одиссея, чтобы, вняв сладкозвучным голосам, устоять перед обольщением.

С другой стороны, максимум возможностей, определенный законом и подзаконными актами, порождает соблазн использовать их вопреки допущениям и запрещениям этического кодекса, а временами даже вопреки четко сформулированному закону. Тем более, если речь

идет о возможностях, лежащих на маргиналиях разрешенного законом и моральным кодексом. И если возможно, то нарушения затем прикрыть крутым политическим виражом в сторону авторитаризма или даже прямого президентского правления.

Так у Президента может возникнуть искус обрести для себя самого сомнительное право быть исключенным из этических правил. Пусть для начала только "в особых случаях". Опасаясь прослыть докучливыми морализаторами, мы все же должны напомнить терпеливому читателю, что стоит лишь стать на стезю скидок, как учащается число "исключительных случаев" и оказывается невозможным очертить пределы, за которыми сравнительно безобидные проступки против морали плавно переходят в преступления, сливаются с ними, а этически терпимое деяние незаметно и незамедлительно переходит в откровенное злодеяние.

Нет и не может быть президентского права играть не по честным правилам запутанной политической игры, где постоянно возникают (или фабрикуются - когда как!) сомнительные ситуации, при которых не всегда ясно, по каким правилам предстоит играть, когда очередной ход может соответствовать одному правилу игры в политику и при этом попать другое, когда дразнят мнимой "невинностью" побуждения нарушить "малое" запрещение ради неких значимых результатов (в политике подобные искушения встречаются чуть ли ни на каждом шагу).

Но как быть, если ориентация на политический успех, которая безусловно задается тем же этическим кодексом (кому, спрашивается, нужна провальная, не увенчанная успехом политика!), наталкивается на то или иное правило, сковывающее политический маневр президента, необходимый ради достижения им успеха, удовлетворения государственного (но и партийного или личного: рокировки в этом случае столь привлекательны, сколь и коварны) интереса?

Часто нарушения правил навязывают президенту его беззастенчивые политические противники или же просто непредвиденное стечение обстоятельств. Такого рода нарушения, казалось бы, легко оправдать лучшей информированностью президента ("Мне виднее, как следовало поступить!"). Или большей его ответственностью, что не позволяет, например, воспользоваться преимуществами "силы, дарованной слабостью" (по А.С.Пушкину), которой вдоволь располагают политики меньшего ранга, переадресуя часть ответственности к верхнему эшелону власти.

Все эти уловки - от лукавого. Хотя - не станем лукавить и мы - у президента может и не быть выбора, и тогда перед ним встает вечно неуывадаемая моральная проблема вынужденной вины, готовности принять ее на себя, не перекладывая на других. Остается утешаться поговоркой: «Чистая совесть - изобретение дьявола!»

1.4. Добрая воля президента или публичный надзор?

В большей степени смягчению последствий от эффекта рокировки интересов, с неизбежным этическим релятивизмом в придачу, служит публичный, открытый характер исполнения президентом своих функций. Речь не просто о жарком свете юпитеров - невозможно вынести куда-то за скобки потребность государственной власти в тайнах. Неусыпный надзор телевизионного ока уместен разве что при свершении протокольных церемоний. Шутливый афоризм предупреждает: широкой публике не следует демонстрировать как изготавливается колбаса и принимаются политико-правовые решения.

Тогда как же обеспечить открытость исполнения президентом властных полномочий? Помимо того, что предписывается на сей счет законом, необходимо еще нечто трудноуловимое - добрая воля президента. Она является надежным моральным залогом использования всех поведенческих и символических стратегий для предотвращения узурпации властных функций как самим президентом, так и всей президентской ратью. Служение не должно быть конвертировано в господство, а гарант того - не одни только конституционные принципы, но и установления этического кодекса, ориентирующие на открытость исполнения президентских функций, на не очень-то приятную готовность пребывать под по-

стоянным наблюдением придирчивого общественного мнения (зачастую крайне несправедливого в своих оценках и инвективах) и обладающих правом контроля инстанций (органы представительной и судебной власти). Готовность такого рода не позволяет сколько-нибудь длительно и систематически, ссылаясь на благие намерения, утаивать факты нарушения требований этического кодекса в президентском поведении.

Как свидетельствует опыт политической жизни, чаще всего такие факты прикрываются показным смирением и скромностью, с помощью которых президент изображает себя в роли такого послушного исполнителя суверенной воли избирателей, преданного служения народу. Нередко фальшивы апелляции к каким-то форс-мажорным обстоятельствам, которые якобы не позволили благим намерениям обратиться в благие поступки (знаменитое "хотели как лучше, а получилось как всегда!") ввиду непреодолимого "упрямства" данных обстоятельств и побудили президента к мораторию ad hoc тех или иных обязательств этического свойства. В духе наигранного благочестия с помощью политической магии под видом государственного интереса подставляется интерес олигархический или - без затей – личный (который, по правде говоря, нельзя на ригористический манер отлучать от государственного: они могут быть одного корня, соприкасаться какими-то гранями, оказаться созвучными отдельными нотами).

И, разумеется, весьма важно не идти по пути прямого либо косвенного "самоосвященства" (Ф.Ницше) президентской власти, важно содействовать десакрализации действий президента - они не запредельны, поддаются рациональному исчислению, трезвому критическому анализу, взвешенной моральной оценке. "Окажи нам услугу, - правь нами" - призыв времен Рюриковичей никоим образом не вписывается в ценностный контекст правового государства. Равно как и простой факт соответствия требованиям кодекса политической этики не дает оснований для "самовосхищения" с последующей "продажей" общественному мнению, избирателям факта такого соответствия.

Десакрализации президентский поступков в такой стране, как Россия, где долго пульсировала в общественном сознании противоположная тенденция, в которой верховная власть представлялась в мистическом ореоле, может содействовать юридически уже оформленный, но духовно не до конца преодоленный отказ от патерналистских претензий власти (время для этого безвозвратно прошло!). Эти претензии, как известно из нашего скорбного опыта, позволяли говорить о "подателе благ", "спасителе", который на деле стремился не только присвоить власть, но и оккупировать самую мораль методом ее политизирования, а точнее, индоктринацией всевозможными идеологическими испарениями. Тогда-то верховной власти и нет дела до "каких-то там" этических стандартов.

2. Этический кодекс президентства: национально-культурная модель России

2.1. Кто бьет в колокол – в процессе участвует

Припомнив отечественный опыт властных отношений, стоит специально порассуждать о национальных моделях этического кодекса верховной власти. Дают ли, скажем, политические особенности России, традиции ее политической культуры какие-то основания президенту быть "не совсем честным" политиком, а как бы "получестным"? И где пролегает разделительная полоса между "не совсем честностью" и просто бесчестностью? Дают ли эти традиции основания для права не в полном объеме следовать принципу нераздельности верховной власти и высшей меры ответственности, уклоняться от скрупулезного соблюдения правил честной политической игры, от выполнения принятых обязательств, от верности слову, джентльменским соглашениям и т.п.?

Эти вопросы требуют отдельного обсуждения. Однако, не затрагивая особенностей российского конституционализма, свода юридически определенных прав и обязанностей президента, можно сказать так: президенту просто не удастся не считаться с российской спецификой не только в правовой, но и в моральной сфере (тем более, что этический кодекс политики по необходимости имеет смешанную морально-правовую природу).

С какой же спецификой нельзя не считаться президенту России? Прежде всего принимать во внимание переходность переживаемого страной периода, содержание которого в интересующем нас сейчас плане составляет распад унаследованной мобилизационно-подданнической политической культуры и постепенное утверждение партиципационной, активистской (по Г.Алмонду) культуры развитых демократических систем? Считаться с процессами неуклонного отступления политизированной ("этатизированной") общественной нравственности и с постепенным укреплением этики гражданского общества, с возникновением каких-то смешанных форм в сфере нравственности, что не может не отражаться на практике использования норм политической этики? Конечно, всего этого не избежать.

Президент, по определению - ведущая фигура в таком переходном процессе. От него ожидают не действий в рамках исторической инерции, а наибольшей продвинутой политической поведенья. В нормативном плане оно должно характеризоваться не "доблестным" хвостизмом, но недвусмысленно выраженными предпочтениями в пользу пассионарности в части политической культуры и морали. Ему предстоит участие в мобилизации духовной энергии народа для инициирования продвижения к новым культурным "берегам", служение - используем не так давно профанированное словечко - "маяком" в движении к общедемократическому этическому стандарту поведенья верховной политической власти.

А раз так, то президент не вправе испрашивать для себя какой-то "скидки" по сравнению с мировыми стандартами, урезанности своих моральных обязательств перед всеми вовлеченными в политический процесс. Не может его выручить и старинное правило: «Кто бьет в колокол - в процессии не участвует». Скорее, следует говорить о дополнительных обязательствах, даже о сверхобязательствах и безупречности их исполнения. И не изображать себя при этом безмерно уставшим от бремени моральных обязательств, каким-то великомучеником долга.

Не много ли это для "всего лишь президента"? Не избыточна ли тяжесть его должностного креста? Если президенту так и показалось, то никогда не поздно - несмотря на тщательно культивируемый образ человека "непотопляемого" - уйти в отставку, отказаться от мандата на власть, от желания его обрести и даже укрыться от политики в частной жизни. Напомним: не об идеалах и святости ведется разговор, а всего-навсего о моральном минимуме, правда с необычайно повышенными искушениями нарушить его заповеди и о высоких стрессовых нагрузках. Но здесь, впрочем, тот самый случай, когда лидера "положение обязывает". И при том, безусловно!

Однако, может быть, существует некая национальная мораль, которая лишь "между прочим" лелеет честность, возмещая данное "упущение" обостренным вниманием к каким-то иным добродетелям, допустим, "роевым", "вечевым", традиционного существования? А может быть, появилась на свет какая-то особая (романская, германская, славянская, японская и т.п.) честность, с которой президенту, приступая к политической игре, и надлежит сверять свои поступки? Подобное допущение в высшей степени сомнительно. Но вместо того, чтобы незамедлительно отклонить его, что называется "с порога", попытаемся вникнуть в возможные доводы.

2.2. В силах ли русский человек быть не только святым, но и честным?

Понятно, политическая этика не может не испытывать влияния самобытного субцивилизационного, конфессионального, этнонационального фактора. Культуры обладают явными (или трудно распознаваемыми) базисными ценностями, ментальными характеристиками, которые затем шлифуются, переформируются, "доводятся" до кондиции демократическими институтами. Этим обуславливаются разные сочетания типов мотивации политической активности, адекватных данной политической системе, различия в характере мировоззренческого обоснования данной активности, интерпретации моделей делового успеха.

Когда-то К.Леонтьев уверял, будто русский человек может быть святым, но не в силах быть честным. И в самом деле, в традиционном социуме столь существенная для политической игры ценность как честность слабо артикулировалась. Но по мере продвижения в сторону модернизированного общества в российской ментальности происходили значительные смещения. Наша история являла миру не одни только образцы беспардонного злоупотребления властью ("взятки не берет только мертвый чиновник" - говаривал классик), но и поражала мир примерами нравственного подвижничества, кристальной честности перед другими и перед собой. Даже в сфере социального управления.

Особо следует сказать, что честность котировалась необычайно высоко в этике старообрядчества. Росла ее значимость и в деловых кругах, в системах рационализированных отношений, которые отнюдь не ютились на задворках общественной и частной жизни. Кроме того, становящийся мир этики политического успеха вносил существенные коррективы в иерархию человеческих добродетелей, по-новому соединял пользу, долг, честность, укрепляя хрупкий баланс недуалистических, не требующих безальтернативного выбора между добром и пользой, успехом и честностью и т.п. форм духовности.

Достаточно банальна мысль о том, что при "исходе" из застойных форм социальной жизни или подвижной патриархально-индустриальной цивилизации (как это было у нас), на смену локальной пестроте нравов и традиций приходит тенденция к ценностному универсализму (которая, к слову сказать, сопровождается и специализацией нормативно-ценностных подсистем, включая и такую, как политическая этика) во всем огромном резервуаре наличных культурных норм и значений. В России она проявилась давно, но в наши дни данная тенденция, пожалуй, наиболее динамизировала политическую сферу жизни. Если быть предельно лаконичными, то можно сказать так: в современной России это проявилось в резком, невиданном всплеске политической свободы в посттоталитарную эпоху.

Но всеобщее или достаточно массовое принятие такой свободы, универсальных норм политического поведения совершается отнюдь не путем простого заимствования, например, вестернизации и отказа от культурного многообразия. Такое принятие непосредственно зависит от многообразия, меняется под его воздействием, творчески это многообразие развивая, ибо оно само эмерджентно, а не статично, не просто приспособливается к новым обстоятельствам, но и приспособливает их к себе. И лишь в этом случае гуманистические универсалии способны стать фактором социальной стабильности, жизнеспособности политической системы. Используя, в частности, и удивительный "закон преимущества опоздавших".

Все народы и страны так или иначе идут к открытой представительной демократии. При всех ее несовершенствах и недостатках лучшей системы пока еще не "придумано". Но идут все по-разному, не всегда прямо, а чаще как-то по синусоиде, с забегами или откатами, если угодно, то боком, чуть ли ни пятясь. Даже инверсионно, когда объективные результаты движения к демократии не согласуются с субъективными намерениями политических деятелей. Но различия, о которых мы говорим, оказываются проблемой тактики при стратегически общих навигационных огнях. И все же подчас своеобразие становится столь выразительным, что у наблюдателя невольно рождается сомнение: а одну и ту же ли политическую систему он созерцает в разных странах?

В несхожих ценностных контекстах универсальные нормы просто не могут быть тождественными по своему значению, месту в конфигурации ценностей и, тем более, по своему символическому обрамлению, в том числе с точки зрения политической лингвистики, орнаментации и ритуалистики. Как можно не считаться с тем, что демократические институты, включая и институцию президентства, возникли в обществе, в котором не только массы, но и элиты (впрочем, скорее политические, чем культурные) лишь отчасти оказались духовно подготовленными к политической свободе, нагрянувшей на них неведь откуда, к повседневному и неимпульсивному пользованию свободой, распоряжения ею, возникли там, где еще не закрепились новая политическая культура участия, тогда как старая, подданническая, не была до конца изжита, возникла в обществе, где сложился варваризированный политический "рынок"?

2.3. Этическая модель российского президентства как творческий акт

Задача российского президентства как институции (а само ее существование, думается, было не случайным, свидетельствуя о неприемлемости для России какого-то изоляционистского пути формирования политической системы) в том плане, в котором мы сейчас его рассматриваем, кроме всего прочего предполагает способность к умелой трансплантации мирового политического опыта на наш скудный подзол, ускорение того, что ранее было воспринято из этого опыта другими президентами. Поскольку коконы универсальной политической этики, возможно, и привносятся извне, однако, а созревают, тем более дозревают они в новой для них среде.

Поэтому миссия президентства обязывает принять участие в непредсказуемом по своим результатам коллективном творческом акте (его нельзя заранее смоделировать, "придумать" и представить как конструктивный проект) формирования российской модели «Большой этики политического успеха», отделяя подлинные новации от псевдоноваций и венчая этику образцами политического успеха на самой вершине властной пирамиды. Ему предстоит отыскать баланс между рационализированными нормами политической этики и национальными традициями, и при том такой баланс, чтобы обе стороны не висели друг на друге, подобно гире на ноге каторжника. Исполняя данную миссию, президент одновременно чеканит свой индивидуальный поведенческий стиль, придает своеобразие своей моральной элоквиенции.

Весьма немаловажное и тонкое соображение по поводу этического кодекса политической деятельности приводит видный французский социолог П. Бурдьё в эссе под выразительным названием - "За политику морали в политике". Он полагает возможным говорить о морализации политики, хотя и не в том одиозном смысле, что принят у нас. Бурдьё обращает внимание на то, что политики самими обстоятельствами своей деятельности принуждаются к стратегии соответствия этическому стандарту и только тогда приобретает политическую силу этическая критика политики.

Прислушаемся к тому, что пишет этот социолог. "У морали есть какие-то шансы приобщиться к политике только в том случае, если будут работать над созданием институциональных средств для политики морали. Официальная правда официального лица, культ публичной службы и преданности общественному благу не устоят перед критикой подозрения, которая повсюду обнаруживает коррупцию, карьеризм, клиентелизм или, в лучшем случае, частный интерес в служении общему благу... Обреченное на то, что Остин обозначает мимоходом как "легитимное самозванство", общественные деятели являются людьми частными, социально легитимированными к восприятию себя как общественных деятелей, и социально поощряемые в том, чтобы думать о себе и представлять себя как преданных служителей общества и общественного блага. Политика морали может лишь принять к сведению этот факт: с одной стороны, она старается поймать официальных лиц в их собственной игре, т.е. в ловушку официального определения их функций. А также, и главным образом, она непрестанно работает над повышением цены усилий по утаиванию, необходимому для маскировки различия между официальным и официозным, авансценой и кулисами политической жизни". (1)

Возможно, именно отсюда вытекает позитивная роль политической скандалистики, постоянно побуждающей политиков с выгодой для себя использовать подчинение правилам этического кодекса, проявлять хотя бы видимость добродетели, обретая выгоды от более простого и удобного соответствия моральному минимуму (назовем это политико-моральным утилитаризмом). Когда, вспомним к случаю Ларошфуко, говорят, что лицемерие - это дань, которую порок выплачивает добродетели, обращают внимание лишь на лицемерие; при этом как-то забывается, что такой платой одновременно воздается почтение добродетели, а в политике - рациональным нормам этического поведения.

3. Признание российского президентства

3.1. "Идеи" и "интересы": в эпицентре нравственного конфликта

Хотя президент и занимает наивысшую должность в государстве, он не вправе, не может - если бы вдруг и пожелал - взирать на нее сквозь искривляющую бюрократическую призму. Он не просто высокопоставленный чиновник, не "ролевик", которому, дабы чувствовать себя комфортно, ощущать себя человеком порядочным, достаточно по минимальному счету следовать предписаниям кодекса политической этики (кстати, занятие как мы успели уразуметь, далеко не из самых простых). Кстати, давно замечено: следование его предписаниям у президента может приобрести лишь ритуальный характер, быть чем-то вроде бонтона ("politically correct").

Итак, президенту, не желающему исчерпывать свое предназначение ролевым исполнением высшей чиновничьей должности, приходится покинуть заасфальтированную площадку, где за моральные ориентиры движения сподручно было брать дидактические сентенции, и оказаться на сильно пересеченной местности политических игр, в которых подобные сентенции способны вызвать разве что снисходительную улыбку. Не то чтобы ставка здесь была выше, чем жизнь, но что-то близкое к этому имеет место: президент на карту ставит свою честь, репутацию, безопасность, будущее.

Хочет президент того или не хочет, но он всегда оказывается в эпицентре невысказанно - запутанных нравственных коллизий. Практически по каждой политической, и даже административной проблеме у него имеется не одно единственное, а множество альтернативных решений. Никуда ему не деться от того, что любой политический выбор оказывается вместе с тем и выбором моральным, а стало быть, приходится думать о моральных индикаторах своих решений.

Что предпочесть с точки зрения интересов государства, что выгоднее, полезнее стране (а заодно и ее лидеру), когда эти интересы поразительно переменчивы, неуловимо многозначны, причудливо иерархизированы, да и образуются, собственно говоря, не "до", а лишь в процессе взаимодействия, взаимодополнения? Президент обречен на каждодневное решение задач подобного рода, на то, чтобы "прикладывать руку" к определению и доопределению интересов, к их рациональной оценке в качестве "подлинных" или "мнимых". И он - конченный политик, если его покидает способность быть реалистом и умение освободиться от чар импортных или почвеннических политических мифов.

Впрочем, прагматика, вся эта "тьма низких истин", не будучи оплодотворенной чем-то в духовном плане возвышенным, всегда страдает известной односторонностью, планиметрическими подходами к проблемам, узкостью горизонта, чем-то вроде "политического косоглазия". Президент не должен быть романтиком (рыночным, национальным, или каким-то еще) от политики и, вместе с тем, не вправе руководствоваться исключительно пальмерстоновской максимой, согласно которой «у Англии нет постоянных друзей, зато есть лишь постоянные интересы».

Ведь "интерес" незаметно способен впитать в свой сложнейший химический состав и какие-то "идеи", при том отнюдь не в гомеопатических дозах. В их числе и моральные идеи о такой "малости", как авторитет власти, о чести и достоинстве государства, страны, ее политической капитанской рубки. Страна вправе рассчитывать на то, что она может гордиться, а не стыдиться того, кто находится в этой рубке.

Как агрегируется "голый", до блеска очищенный от духовных "примесей" политический интерес с интересом, насыщенным моральными интенциями, который политики предпочитают в более сдержанной манере именовать "высшим интересом" - это всякий раз головоломная задача для принимающего решения президента, задача, к которой история опрометчиво забыла приложить спасительный рецепт. Между тем, здесь кроются не просто политические, военные, разведывательные, дворцовые и т.п. тайны, а неразгаданные тайны самой госпожи Истории, в вечной незавершенности которой и заключается гарантия утраты ключика к разгадкам тайн такого рода. Как долго приходится ждать, прежде чем История решится воздать кому следует укоризну или же осанну, соблаговолит рассудить правых и

виноватых! Политикам в тщете ожидания приговора, к тому же еще и неокончательного, остается лишь догадываться о содержании вердикта.

Соединение "интереса" и "идеи" никогда не обретает взыскуемой прозрачности и доступности взору не только простого смертного, но даже пронизательного политика, постоянно требуя напряженнейшего "всматривания" в череду проблемных ситуаций, обязывая к аналитической работе по осмыслению сопряжения множества силовых полей и линий, позиций, подходов, предвидя, а скорее лишь предугадывая вероятностные силуэты нравственных последствий собственных решений и поступков (в этике это именуется пробабиллизмом). Чтобы разобраться в спутанном клубке интересов и побуждений, близких и отдаленных последствий своих поступков, президенту необходимы, кроме развитой способности к рефлексии, к калькуляциям ходов и контрходов в игре интересов и страстей, еще и изощренное политическое чутье и моральная интуиция.

3.2. Нравственные искания

Не может президент взять, да и презреть моральные аспекты собственной деятельности, беззаботно отдав ее во власть правил одной только политической арифметики с отсеченной этикой. Разумеется, история меньше всего дает повод рассматривать ее в качестве свода нравоучительных примеров, когда зло примерно наказывается, а добро обязательно торжествует. В политической этике, к слову сказать, вообще операции с двузначными понятиями "добро" и "зло" крайне ограничены и в ней приходится пользоваться понятием "необходимое, малое зло". Хотя, думается, австрийский критик К. Крафт был излишне категоричен, когда уверял, будто настоящая цель политики заключается не в выборе между добром и злом, а лишь в выборе наименьшего зла.

Президент между тем уведомлен о том, как "голым" политическим выкладкам мстит попорченная мораль. Да, из политики никому и никогда не удастся раз и навсегда "изгнать дьявола". Но подобно тому, как силе, экзекутировавшей право, в конце концов безжалостно мстит историческое дальное действие (разве всю историю борьбы с различными версиями тоталитаризма в XX столетии нельзя считать тому наглядным свидетельством, хотя и не всегда идущем впрок?!), так и выверенной на одну лишь полезность политике рано или поздно приходится дорого расплачиваться за свое пренебрежение моральными соображениями. Одно это позволяет усомниться в непреложности печально известного изречения "La politique l'est une sale besogne" ("политика - грязное занятие").

Сложность двоякой задачи политического и морального выбора утраивается от того, что сам моральный выбор далеко не всегда оказывается однозначным, однопорядковым, поляризованно-черно-белым: между добром и злом, или даже между наименьшим и несколько большим злом. Нередко возникают ситуации, когда приходится совершать выбор полихромного характера: между добром и злом в одной плоскости и между ними же в ином измерении, когда ради уберечения одной ценности приходится жертвовать другой, возможно, не менее значимой и затем, после попраяния, не восстанавливаемой, когда в одной системе ценностных координат сталкиваются достоинство общества и государства, долг человека и гражданина, ценности публичной и частной морали. Допустим, в современной ситуации, когда серия политических решений президента, направленных на утверждение в России гражданского общества, связана с выбором различных моделей (проектов) этого общества, и за каждым его выбором просвечивают различные системы культурных значений, а также ценности, так сказать, внесистемного свойства.

Причем сравнение ценностей и выбор могут идти в кильватере конфронтационных правил политического поведения (когда одни ценности провозглашаются псевдоценностями, а другие - суперценностями, ради которых можно пренебречь сдерживающими заветами политической этики и следовать каннибальской логике: "Если враг не сдается - его уничтожают!"). Тогда повышается градуирование ценностного конфликта с готовностью перейти от использования ненасильственных средств к насилию, блокируются обоюдодоприемлемые решения, компромиссы - как признак слабости и капитулянтства, переговорный процесс.

Однако сравнение ценностей может идти и в русле неконфронтационного поведения с апологией компромиссов этическими аргументами. Они выводят президента из зоны альтернативных решений и включают в зону, где действуют правила этики комплементарности, дополнительности ценностей. Разумеется, такой подход всякий раз представляет собой труднейший выбор. Он, естественно может быть и не найден, обрекая президента не только на политический, но и на повышенный моральный риск. Его атрибутами являются напряженные нравственные искания (нравственные коллизии нельзя разрешить раз и навсегда), чреватые не только обретениями, но и утратами, драмами ненахождения.

Принимая ту или иную линию поведения и, на ее основе, те или иные решения, президент пользуется услугами своих советников, членов своей команды (хотя президента делает не столько свита, сколько "гроздь" лидеров-соратников). В отношениях с ними президент обязан придерживаться ряда правил особого сектора политической этики. Но за окончательный выбор политического и морального решения президент несет единоличную ответственность. Надо уметь выдержать такую ответственность и бремя одиночества. И ему ничего не остается, как внутренне согласиться с поэтической метафорой: "Ты - царь. Живи один!".

3.3. Профессия и призвание политика

Нарушение президентом норм политической порядочности и пренебрежение моральными аспектами своей деятельности становится в высшей степени вероятными, если сомнительны сами мотивы, побудившие его заняться политикой и добиваться президентской должности. Раз мы заговорили об этих сюжетах, то предстоит вступить в области, куда обычно без спроса вход крайне затруднен, а потому исследовательский лот здесь с большим трудом погружается на искомую глубину, оставаясь по большей части на мелководье.

Мы попадаем в туманную область допущений, вольных догадок, пируэтов предположений, ибо дело идет не о фасадной части политического поведения президента, не о простом соответствии актов этого поведения кодексу, но о президентском **кредо**. В нем воплощена политико-моральная мотивация этого поведения, его исповедальность (весьма приблизительно отражаемая постфактум в президентских мемуарах).

Разумеется, аналитика поступков президента, его слов, которые ведь тоже поступки, правда, особого рода, способна преодолевать запреты на неприкосновенность внутреннего мира главы государства, допуская вполне правдоподобные объяснения его действиям. Вероятно, персонология и психоанализ сказали бы об этом ярче и больше, нежели может сказать этика, но лишь при условии, что речь зашла бы о вполне конкретных носителях верховной власти.

Ранее нам уже приходилось (см.: "Этика успеха", N 3) писать о мотивации к такой полной своеобразия деятельности, как политика. Опыт отправления верховной политической должности и домогания ее свидетельствуют, что и президентам бывают не чужды мотивы с весьма ограниченным нравственным содержанием (честолюбивые страсти, игровые побуждения и т.п.) или без такового содержания (приобретательство, потуги тщеславия, стремление к власти как самоцели, как "добычи"). Чтобы не упрощать картину, следует помнить, что в чистом виде каждый из мотивов порыва к высшей власти, жажды успеха в политике встречаются редко. Чаще всего в различных комбинациях они совмещаются друг с другом, то усиливая негативные потенциалы, то несколько их смягчая.

Но неужели не существуют такие мотивы президентской активности, которые нельзя было определенно отнести к числу нравственных? Или, может быть, высший эшелон политической власти - просто какое-то зачатое место, где никому не дано не только уберечь себя от покушений на кодекс политической этики, но и вообще от нравственной порчи, сохранить порядочность, более того, - реализовать свое нравственное **кредо**?

Для ответа на эти тревожащие разум и совесть вопросы мы предлагаем мобилизовать некоторые идеи М.Вебера, который прибегает к двум ключевым понятиям - профессия и призвание. По-немецки они обозначаются одним словом, но существует отнюдь не лингвис-

тическое, а вполне содержательное единство между жизненным и деловым призванием, с одной стороны, и профессиональным самоопределением, с другой.

Оба эти понятия предполагают в действиях политика, а тем более, в действиях политика, ставшего президентом, бескорыстие и беззаветное служение делу. Оно и воплощает как политическое, так и нравственное **кредо**, нравственное мировоззрение президента, его обязанности властвования, коими он не может поступиться. Что конкретно понимать под таким **делом**, каково содержание этого мировоззрения - вопрос веры самого президента.

В условиях современной России, наверно, это может быть укрепление расшатанной российской государственности (а именно через поведение президента в первую очередь идет реконструкция доверия к государству), продвижение реформ в оптимальные сроки и адекватными средствами, преодоление глубокой политической апатии населения и культурного раскола социума, его невротики, умиротворение политических страстей, преодоление разнополюсного экстремизма, духовное возрождение и многое другое. Включая еще непоставленные, непроясненные, тем более - еще неотрафликованные вопросы, связанные, скажем, с утверждением жизнеспособных форм "низовой" демократии и власти власть неимущих. Так или иначе, но без такой веры "проклятие ничтожества твари тяготеет и над самыми, по видимости, мощными политическими успехами". (2)

Как профессиональный политик президент не вправе лишь декларировать субъективную честность, ссылаться на кристальную незамутненность мотивов своих поступков. Во-первых, они не столь и кристальны. Президент ведь не пренебрегает честным заработком профессионала. Ибо, говорит тот же Вебер, можно жить "для" политики и можно жить "с" политики. Точнее, первое является условием второго. Президенту, далее, могут быть и не чужды мотивы честолюбия, в том числе мотивы славы, исторической памяти. Не чуждается он и стремления к этико-психологическим наградам, к тому, что мы весьма неряшливо обозначаем как моральное удовлетворение. Его влечет к соединению призвания с признанием.

Существуют и ловушки ригоризма, верности каким-то **абсолютам морали**. В политической деятельности абсолюты при определенных условиях могут быть обойдены или "заморожены", так как призывают человека действовать без оглядки на последствия. Между тем, президент, приняв этот принцип безоглядного действия на вооружение, сменил бы весь смысл данных абсолютов, поменяв в них ценностные знаки на прямо противоположные. Нет, президент не вправе попирает абсолюты морали; но следует не за прекрасной этикой любви и убеждений, а за особой этикой величайшей ответственности. И не просто перед "кем-то" (по необходимости он подчинен волеизъявлению независимого суда и парламента, ответственен перед своим электоратом, не может не считаться с культурной элитой страны, возможно, даже должен отвечать перед каким-то "комитетом по политической этике"), но и "за что-то".

Это "что-то" и есть служение делу, следование долгу в духе "стою здесь и не могу иначе". А это связано с превратностями судьбы, требует политического мужества, готовности - при необходимости - вознести на жертвенный алтарь свою популярность, славу, благополучие, ибо сказано "возле власти - возле смерти" (Иван Ильин). Призвание придает политической жизни президента (и жизни в целом) высший смысл, финальную ценность.

Интерес к последствиям своей деятельности, ориентация на результаты, а не на мотивы, вовсе не означает, будто президент вправе пренебречь чистотой своих мотивов. Он непременно побуждается, с одной стороны, мотивом верности кодексу политической этики, правилам политической игры, даже если тот или иной ее раунд чреват проигрышем, а с другой - метамотивом ответственности за практичность собственных поступков.

Президент предан делу не как случайно затесавшийся в политических дебрях человек, пиратствующий в чужой для него среде, или же как экзотический дилетант от политики, как охваченный страстью фанатик с его постоянной возбужденностью и романтическими грезами. Президент - особый профессионально идентифицированный тип человека (хомо политикус). И как преданный делу профессионал он не может не быть ориентирован на на-

копление опыта, политического капитала, на достижение эффективности своей политики, на обретение успеха.

Он, конечно, тоже человек страсти, в отличие от хладнокровного чинуши, лишь имитирующего политические чувства. Но как профессионал он способен дистанцироваться от носителя вещей и людей, с которыми его сводит судьба. Его пассионарность обуздана изнутри четким, взвешивающим политическим расчетом, оснащена организаторским и ораторским мастерством, прозорливостью нравственной мудрости. Именно это позволяет президенту рассматривать свою огромную власть не как самоценность, а лишь как средство ("власть для ...") служения исключительно делу, даже если оно обременено трагическими последствиями для него лично.

Закончим высказывать наши соображения о миссии, кредо и кодексе российского президентства цитатой из интервью еженедельнику "Аргументы и факты" кинорежиссера и парламентария Станислава Говорухина: "Человек, который чувствует в себе силы изменить что-то к лучшему, должен стремиться к власти. Как же сама власть может быть недостойной? Власть - это великая честь, это высшая честь, какая может быть, если народ допустил тебя к ней. Но, окажись достоин ее и народа, который тебя привел к этой власти".

1. Бурдье Пьер. Социология политики. М., 1993, С.328-329.

2. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, С. 692

Л.А. Радзиховский
Российское президентство: образы и имиджи

И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица.

Н.В.Гоголь. Мертвые души

Сегодня выражение "царь Борис" включает два слова. Первое обозначает обобщенный образ российского президента, второе - конкретный имидж Б.Н.Ельцина. Согласитесь, что эти две половинки идеально подходят друг к другу.

И дело вовсе не в ассоциации с Борисом Годуновым. Конечно, можно поражаться сходству: приход к власти каждого Бориса означал смену династии, но не смену самой системы; за обоими числились "мальчики кровавые"; оба были реформаторами. Но не станем продлевать ассоциативную цепь, тем более - завязывать ее на шее Ельцина и предрекать ему лично - мрачный конец, а России - самозванца и Смутное время, которое закончится новой 300-летней династией. Это была бы пошлой "дамской" мистикой. Просто тяжелое, увесистое, кряжистое "царь Борис" точно обозначает глубокую корневую связь Ельцина с русской историей, кремлевской, московской, царской и боярской историей. Это же выражено и во всей фигуре "уральского медведя", в его грубом лице, (кстати, внешне Ельцин похож на знаменитого актера Бориса Андреева, когда-то сыгравшего в фильме "Два бойца" Сашу с Уралмаша, а затем, в "Оптимистической трагедии", - могучего и насмерть уставшего Вожака). Это дубовое, властное, то грозное, то добродушное, неповоротливое - основа имиджа Ельцина.

Есть ли здесь игра, сознательное усиление соответствующих черт или просто мать-природа постаралась? Конечно, как всякий политик, Ельцин - лицедей. Но сыграть, обыграть

он может только то, что в нем изначально заложено. А заложено в нем то же самое начало, что во всей русской системе власти. И другого президента в России представить довольно трудно. Возможные кандидаты - брутальный Лужков, вальяжный Черномырдин, ухарь-купец Шумейко, "терминатор" Лебедь, надев стопудовую шубу московских царей (это если кого-то из них изберут президентом Российской Федерации), кто быстрее, кто медленнее, приобретут подобный облик. "Сотри случайные черты...", и все тот же вечный облик перед нами.

Разные люди могут занять пост президента России. Однако образ президента будет определяться не уникальными чертами их личности, а совсем иным - мощным социальным архетипом, генофондом русской истории, надличностными особенностями национального менталитета и объективной структурой власти, объективной ролью главы этой власти. Имидж президента - не имидж человека, а имидж Системы, причем исключительно устойчивой к любым потрясениям. Две революции пережила в этом веке Россия - радикально-кровавую, "хирургическую" в 1917 году, смикишированно-разумную, "терапевтическую" - в 1991 году.

Дважды переворачивалась Система. Первый раз разрушалась "до основания, а затем...". А затем была построена в своих главных чертах все та же самая неискоренимая Система русской власти. Значит, можно уверенно говорить об органической, исторической (генетической) запрограммированной системе. Она менее прочна, чем язык, климат или географическое положение страны, но куда стабильнее, чем любые политические, социальные, тем более индивидуально-личностные характеристики существующих властных институтов.

Разные актеры играют Городничего и Хлестакова, но сами эти роли в структуре русского менталитета прописаны жестко. Гоголь их не выдумал, а подслушал. То же относится и к базовым характеристикам системы, вечно властвующей в России, так что непонятно даже - что первично: страна или правящая в ней (правящая ею) система.

То же относится и к имиджу главы Системы, императора-генсека-президента. Человек, чей личный имидж больше подойдет к обобщенному образу главы Системы, чья индивидуальность полнее ляжет в футляр Системы, в конце концов и займет место лидера. При этом, повторяю, возможен очень большой разброс индивидуальных черт, но в итоге огромная Россия по-своему изменит траекторию индивидуального поведения лидера и его имидж. Стрелка отклонится, куда ей прикажет магнитное поле русской истории.

Россия - страна, где в любой исторической ситуации рано или поздно кристаллизуется авторитарный строй, авторитарное государство. И лидер - умный или глупый, вор или бессребреник, трус или герой, конформист или фанатик - тем лучше соответствует своей стране, чем вернее он может быть назван "авторитарной личностью", личностью "авторитарного типа". Ему, лидеру России, в любом случае приходится выполнять функции авторитарного лидера. Конечно, с этим лучше справится тот, для кого подобная роль психологически естественна.

Классический образец - Александр III и Николай II. Первый - тупой и властный городской на троне - как мог укрепил свою обреченную империю, был царем, чей необъятный зад, ножищи-гумбы, пудовые кулаки и низкий лоб, казалось, нарочно скроены под авторитарную структуру русской власти. (Не зря именно он сегодня "вдруг" оказался любимым царем заслуженного царедворца, отца русской демократии А.Н.Яковлева). Второй - закомплексованный, коварный, хорошо воспитанный и невыразительный "гвардейский полковник из приличного семейства" - никак не мог стать "органически-авторитарным" монархом. В этом одна из причин катастрофы Российской империи. Хотя ее крушение в том виде, в каком она существовала, было неизбежно. 300-летний средневековый авторитаризм Романовых выдохся, ему на смену должен был придти новый авторитаризм, что и произошло.

Поучительно с этой точки зрения посмотреть на эволюцию Ельцина. Менялись и реплики и сам рисунок роли. Твердый коммунист "ленинской закалки", борющийся с ворами "брежневской эпохи", строящий грандиозные планы, размашисто шагающий и громко гово-

рящий, эдакая помесь мифа о Кирове и памятника Маяковскому на одноименной площади (1986-1987); примерно он же, но уже не красный, а сине-бело-красный, митинговый популист-демократ, не хуже Жириновского обещающий "отнять у Центра водку и Кремль", постоянно пожимающий сотни рук и, наконец, опираясь на эти руки влезавший даже на танк (1988-1991); серьезный государственный деятель, трепетно отстаивающий - против плохого Верховного Совета - хрупкий цветок демократии и рынка в России, как здоровый дворовый заводила, трогательно оберегающий "вундеркинда со скрипочкой" (Гайдара) от злых хулиганов (1992-1993); наконец, окончательно замкнувшийся в Кремле и, кажется, занятый чисто царскими делами (теннис, торжественные выходы, общение с иностранными лидерами) молчаливый и угрюмо набывшийся владыка (1994-1995).

Такой громадный круг описал за эти годы имидж Ельцина. Но, разве это значит, что менялся сам Борис Николаевич? Конечно, нет. Ельцин тем и любопытен, что он - не из тех, кто "под себя" делает, творит, формирует эпоху. Он устроен иначе: он не молот, а наковальня, по которой лупит эпоха. Сознательно или инстинктивно Ельцин улавливает в каждый момент вызов времени, импульс, идущий на русскую землю (идущий откуда? Надо понимать, не иначе, как с русской земли, может быть, разве что - из-под земли), - и подстраивается под этот импульс.

Менялись задачи, стоящие перед бюрократической системой, - менялась и маска героя русской исторической трагикомедии. Раскачка Системы изнутри, с опорой на ее собственную, привычную для нее демагогию (1986-88) - и вот Ельцин - "большевик", "далее... далее... далее". А дальше - разлом Системы извне (1989-91) - и перед нами чистый популист, очищенный от коммунистического первородства, бьющий Систему не по ее собственным, а по внешним для нее, чуждым ей правилам. В этом популисте, говорящем с "простыми людьми" почти на языке междометий и спокойно спускающийся в шахту, все еще много от "ядренного" секретаря обкома. Но есть уже и различия: абсолютная несвязанность идеологическими "табу", большая раскованность.

Дальше полуразвалившаяся Система стала регенерировать в обновленном виде, началась "положительная государственная работа" (1992-1993). Вторая "стройка века" в России, создание второй модели бюрократической системы, драпируется демократическими полотнощами - как в 20-30-е годы красные знамена драпировали работу по созданию номенклатурной системы власти. И Ельцин на высоте - отныне он серьезный государственный, отстаивающий демократические ценности. Его размашистая, "с насकोком" риторика отходит на задний план. Ельцин, так сказать, в буквальном и фигуральном смысле пересаживается с "москвича" на привычный "членовоз". Правда, сохраняются некоторые рудименты "демократического прошлого", которые кажутся все большим анахронизмом, вроде выходов "к народу", на митинги (последний раз Ельцин растеряно озирался на трибуне митинга на Васильевском спуске, кажется, в марте 1993 года).

Наконец, в конце 1993 года новая Система власти выстроена, готова к "сдаче в эксплуатацию" (или, точнее, Система готова "принять в эксплуатацию" страну). В своих базовых чертах - это все та же система авторитарно-бюрократической власти, что во времена монархии или коммунистов, но с важными особенностями. Главное остается неизменным - собственность и государственная власть слиты, без защиты (помощи) власти нельзя ни приобрести, ни отстоять собственность; власть замкнута на себя, резко отчуждена от населения; правящий слой стремится инкапсулироваться, превратиться в экранированную от общества номенклатуру.

Однако есть и принципиально новые моменты - куда большая свобода слова и воровства, снижение формально-бюрократических привилегий и сверхкомпенсация за счет расширения "зоны коррупции". От авторитарно-феодалного правления (монархия, власть КПСС) впервые осуществляется переход к авторитарно-капиталистическому правлению, строю, известному как "номенклатурный капитализм", "бюрократический рынок".

Формальным знаком, что построение Системы завершено, что она сама чувствует себя завершенной, экзаменом на зрелость стали события 20 сентября - 4 октября 1994 года, а

затем выборы в Думу и референдум по Конституции. С одной стороны, это была полууголовная "разборка" двух олигархий, в которой победила сильнейшая; с другой - встряска и "успокоение" (по известному русскому рецепту) фашистско-коммунистической оппозиции, с третьей - формальная демонстрация, презентация, вставшей вдруг в полный рост авторитарной президентской власти. Власть показала, что железа и крови она не боится (странно, что после этого кого-то удивила чеченская война!), вместе с тем, чувствует себя спокойно, чтобы не устанавливать формальную диктатуру, совсем не против от "европейски-лайковых перчаток" в форме легитимизации (выборы, Конституция). Строй пришел к завершенности. "Ясен предо мной конечный вывод мудрости земной...". И вот перед нами уже новый, надо полагать, последний Ельцин - бюрократически завершенный, тяжелый и молчаливый лидер, которому не с чем и не с кем бороться, который на свой лад может безмятежно на теннисном корте наслаждаться высшей властью, авторитарно-спокойной.

Согласимся - на всех этапах образ Ельцина был ярким и хорошо соответствовал задачам момента. Всегда в этом калейдоскопе масок была основа - и она-то грузно выступила сегодня вперед. И Ельцин-коммунист, и Ельцин-популист, и Ельцин-государственник всегда нес в себе мощный заряд настоящего авторитарного "царя Бориса". Этот заряд придавал объемность, "историческую достоверность" всей фигуре, вписывал ее в контекст русской истории. Чувствовалось, что этот коммунист - не чужой для России холодный "западный" резонер Горбачев, популист - не ветерком подбитый "Остап" Вольфович Жириновский, а государственник - не профессор Гайдар, лишь слегка царапнувший по граниту российской государственности.

В Ельцине было что-то от настоящей, многопудовой русской бюрократии, того, может быть, единственного якоря, который держит русский корабль - не дает ему обогнать другие народы и государства, но одновременно не дает разбиться на куски от удара об любые подводные рифы. Охранительная, уродливая, хищная, но и защитная бюрократия, а главное - бюрократия, видимо, запрограммированная на абсолютную победу в стране "с названием кратким - Русь".

В самом деле, в 1990-1991 году страна парила в режиме "свободного полета", бюрократия была предельно дезориентирована, ослаблена. Чем кончилось это парение, высшая точка которого отмечалась 19-21 августа? Символические дни: какая бы закулисная интрига ни велась, одно очевидно - полное бессилие бюрократической машины. Она сделала резкое движение - и опрокинулась навзничь. И если через какое-то время, переделанная и подчищенная, опять начала вставать, то это не ее заслуга. Это чистый эксперимент - Россия оказалась предоставленной самой себе. И демократическая Россия (не партия, а страна!), как всегда бывало в русской истории, сама побежала за бюрократическими "варягами" с просьбой: "княжите нами!" Правда, долго упрашивать не пришлось, - какой дурак откажется править в богатейшей и бесхозной кладовой?... Сразу же начались и драки между двумя возможными командами бюрократических стабилизаторов - ельцинской и хасбулатовской. Ельцин победил в этой борьбе отчасти случайно, отчасти же потому, что был более русским - по крови, по духу, по своему функциональному месту. В русской истории "царское место" всегда весомее, чем место главы боярской Думы. Это место и победило.

Очередная демократическая эскапада русской истории оказалась очередной хлестаковщиной и закончилась тоже традиционно, в соответствии с законами русского земного притяжения, русского политического поля. Россия, вначале обольщенная демократическими "хлестаковыми", поспешила обменять их на "городничего".

К 1994 году «все неясное стало ясным. Множество людей с веревочными усиками и королевскими бородами... внезапно посыпались в сторону, и на передний план, круша всех и вся, выдвинулось белоглазое ветчинное рыло с пшеничными бровями и глубокими ефрейторскими складками на щеках». Вот он - истинный выбор России, не название партии, а знак судьбы. Вечный лик вечно правящей, обреченной править, российской бюрократии - будь она с княжескими титулами, партбилетами или мафиозными компаньонами. (Замечу, в виду неизбежных обвинений в "русофобии", что в тот краткий, но важный миг, когда

номенклатуру царскую, с ее русско-немецкими фамилиями, сменила номенклатура ленинская, с еврейскими фамилиями, ситуация в принципе не изменилась. Глаза и брови стали черными, но душа власти осталась той же "ветчиннорылой". Да, еврейская бюрократия легко унаследовала все лучшие черты русской бюрократии - кроме, разве что, ее обязательно антисемитизма... Впрочем, последний вскоре победил, и традиционная бюрократическая гармония восстановилась на добрых 60 лет - до 1990 года, когда произошел новый разлом коры, а затем - см. выше).

Ясно, что речь идет об обобщенном имидже российской власти, который, конечно же, не может быть назван чьим-то (в том числе, и ельцинским) портретом. На матрицу этого портрета хорошо ложится имидж сегодняшнего президента, но, будем надеяться, не хуже ляжет и имидж следующего.

Известно, что Ельцин выборов не хочет. Отношение номенклатуры к выборам напоминает старый анекдот про двух милиционеров, которые спорят, что подарить третьему на день рождения. Один говорит: «Книгу». Другой отвечает: «Ты чего, книга у него уже есть!» Так и тут. Зачем еще одни выборы - ведь меня (в случае Думы - нас) уже выбрали! Прав Юшенков, когда утверждает, что единственный закон, который Дума хотела бы принять - о пожизненном (а лучше бы наследственном) депутатстве.

И дело не в естественном интересе президента или отдельного депутата. Здесь глубокий интерес самой авторитарной системы. Она органически отторгает выборы после того, как укрепилась, стала зрелой. Система закрытая, ее члены не считают себя депутатами, а считают (и справедливо!) себя членами номенклатуры - какие же тут выборы?

Так что, если Ельцин выборы захочет отменить и произведет еще один переворот, то это будет просто означать окончательное цементирование созданной при нем авторитарной системы власти. С точки зрения внутренних законов Системы отмена выборов - логична и "легитимна", проведение же выборов - чистое лицемерие, противоречащее духу Системы, поэтому "нелегитимное".

Отмена выборов, установление прямой диктатуры Ельцина означали бы окончательное завершение, "обронзовение" его образа. Если же он все-таки на такой шаг не решится, то кто, носитель какого имиджа имеет наибольшие шансы на выборах президента-96?

Здесь есть парадокс. Система сформирована. Ей нужна максимальная ригидность, "преемственность", ей нужен новый лидер-городничий с соответствующим имиджем. Но если он хорош для российского государства как муж, то едва ли он сможет обольстить все-российскую "Дарью Андреевну" в качестве души-жениха! Жених должен быть популистом, даже и с демократическим подсюсюкиванием, по крайней мере, с оппозиционным блеском в глазах.

Как же совместить жениховский имидж и образ мужа? Это когда-то идеально вышло у Ельцина. Правда, и время было подходящее - слом старой Системы, романтическое и лживое время надежд, время весенних перевертышей. Сейчас время и грубее, и честнее. Но Черномырдин никак не тянет на жениха, а Явлинский - на мужа, Жириновский - это "все-таки слишком" и для той, и для другой роли. "Громобой" Лебедь для жениха чуть-чуть свиреп (а откажись от свирепости - что останется?...). Пожалуй, есть жениховское обаяние и, конечно же, мужская твердость в Лужкове - что ж, поэтому его "отстрел" и начат за полтора года до выборов. Это, пожалуй, знак признания....

Итак, я затрудняюсь выбрать из толпы женихов того, кто лучше всех подойдет все-российской "Агафье Тихоновне". Повторяю, Система вообще не включает в себя разумного механизма публичных выборов, ей куда ближе тайные перевороты, они для Системы более мотивированы, менее разрушительны, чем хаос выборов. Одно могу сказать точно: как бы ни охорашивался жених перед свадьбой, попав наверх, в прокрустово ложе Системы, он приобретет все те же, вечные и неизменные черты. А коли так - обманное брачное оперение не так важно, не правда ли?

Р.С. А вообще-то имидж идеального президента России любовно выписан Ахматовой:

В Кремле не можно жить! - Преображенец прав,
Там зверства древнего еще кишат микробы:
Бориса дикий страх, всех Иоанов злобы,
И Самозванца спесь - взамен народных прав.

Соедините, не в стихах, а в прозе, этот дикий страх, злобу и спесь самозванца - и получите портрет того, кому народ только и может радостно передать свои права, кто по мандату народного доверия может жить в Кремле. Но такого избранника что-то не видно.

Л.Я.Гозман
Российское президентство:
психология принятия и отторжения

"Сегодня приторно и пресно
В любом банановом раю.
И лишь в России интересно,
Поскольку бездны на краю"
Игорь Губерман

Что случилось с Борисом Ельциным? Когда и почему решительный и смелый человек, триумфально победивший на первых в истории России президентских выборах, превратился в малоподвижного кремлевского старца, о чьем здоровье и алкогольных пристрастиях говорят больше, чем о проводимой им политике, авторство которой приписывают таинственным и зловещим фаворитам? Почему человек, торжественно обещавший, что коммунизм не вернется никогда, восстановил тот самый механизм принятия политических решений, который привел к гибели могучий некогда Советский Союз?

Всеобщий интерес к личности, привычкам и кругу общения президента России носит отнюдь не академический характер. Борис Ельцин, который и так обладает, по Конституции, гигантскими полномочиями, располагает и возможностями выйти за пределы Конституции и закона, разрушить слабые, только нарождающиеся в России механизмы парламентского и гражданского контроля, превратить свою огромную власть в неограниченную. Для этого ему достаточно всего лишь, сославшись на интересы страны или реакционность депутатского корпуса, распустить Федеральное Собрание и Конституционный Суд, пообещав разумеется, провести новые выборы как только политическая ситуация будет этому благоприятствовать. Впрочем, можно и не распускать бессильную, фактически, Государственную Думу, а использовать результаты предстоящих выборов в Парламент - выборов, которые почти неизбежно сделают Думу еще более реакционной, чем сейчас - для оправдания отмены или откладывания на неопределенный срок выборов того единственного человека, который и обладает реальной властью в России - выборов президента.

В авторитарном государстве, где правитель не связан ни законами, ни парламентом, его личность накладывает заметный отпечаток на все, что происходит в стране. Его предубеждения и неотрагированные детские комплексы, эстетические пристрастия и дружеские симпатии напрямую проявляются в архитектуре городов и в политических решениях, во внутренней политике и на международной арене. Маркиз де Кюстин не случайно назвал свою знаменитую книгу "Николаевская Россия". Он отдавал должное тому влиянию, которое оказывала на огромную страну сама личность императора. Такое влияние личности авторитарного лидера характерно не только для России. Франция была в свое время наполеоновской, а Германия - гитлеровской. В тридцатые и сороковые годы весь Советский Союз нес на себе отпечаток патологической личности своего вождя. Нахальный авантюризм Хрущева и ленивая расслабленность Брежнева тоже были не просто их личными качествами. В силу специфики политического устройства СССР эти характерологические особенности превращались в факторы общественной жизни. В недолгие и столь яркие годы Горбачева ре-

формы были не только ответом на вызов времени, но и проявлением биографии и характера самого Генсека.

Сегодняшняя Россия не является ельцинской. Его вкусы и пристрастия не обязательны для подражания, его слова - далеко не истина в последней инстанции. Положение дел и атмосферу в стране, помимо президента, определяют лидеры многочисленных политических групп, независимые журналисты, возникшие из небытия предприниматели. Но власть – реальная власть, по-прежнему в руках президента.

Так, кто же он? Авторитарный демократ

Мы удивительно мало знаем о Борисе Ельцине. Набирающее темпы "ельциноведение" базируется, во многом, на его собственных рассказах о себе. Но Ельцин вошел в большую политику тогда, когда карьера определялась уже не только аппаратными играми, но и общественным мнением. Ельцин, безусловно, очень рано понял, как важно, чтобы к тебе относились с симпатией и доверием. Поэтому, его автобиографическим текстам, причем, не только последним, но и ранним, следует верить не больше, чем саморекламе любого политика. Это не значит, что его рассказы о себе обязательно не соответствуют действительности. Они могут быть абсолютно правдивыми, но могут и не иметь к этой действительности никакого отношения. И сказать с уверенностью, с каким вариантом, с истинным или ложным, мы имеем дело в данном конкретном случае, весьма затруднительно.

И все-таки, кое-какие выводы о нем сделать можно. С самого начала своей карьеры Борис Ельцин делал упор не на идеологию, а на практические дела. И до перестройки, и в первые месяцы президентства в своих публичных выступлениях он говорил не о социальном выборе или идеалах демократии, а о вещах простых и понятных каждому, а уж если и обращался к абстрактным понятиям, то лишь к таким, которые непосредственно замыкались на повседневный опыт человека - на очередь в районной поликлинике, на толпу у автобусной остановки.

Складывается впечатление, что, хотя он и был членом высшего органа КПСС, идеология всегда была от него далека. Он был строителем, хозяйственником, человеком дела. Свердловская область была для ЦК КПСС лишь конгломератом заводов. Отношение к Борису Ельцину в Москве определялось не компанией по изучению трудов Л.И.Брежнева, и не тем, хорошо ли он организовал отдых членов Политбюро, а числом выпущенных танков. Но чтобы выпускать танки и строить дома надо быть не идеологом, а практиком, думать не о единственно верном учении, а о пропускной способности железных дорог и поставках продуктов в рабочие столовые.

Что же касается его политических взглядов, быстрой смене которых так удивлялись в начале демократической части его жизненного пути, то ведь легче всего взгляды меняются тогда, когда их нет вовсе, или когда они не затрагивают глубинных личностных структур. Вера в рыночную экономику совершенно безболезненно может сменить веру в экономику централизованную, если при этом не надо пересматривать представления о самом себе, о своей роли, о своих привычках и паттернах общения. Политическая эволюция Бориса Ельцина не требовала от него такого пересмотра.

Еще совсем недавно первый президент свободной России был секретарем обкома КПСС. Можно, при желании, верить тому, что сам он рассказывает о своем прозрении, о понимании преступности коммунизма и сознательном переходе на демократические позиции. Но было бы наивным игнорировать тот факт, что в течение всей своей исключительно успешной карьеры он проходил тренинг на авторитарность. Он высказывал почтение вышестоящему начальству, его подчиненные не перечили ему. И дело не только в среде. Система отбирала тех, кому такие отношения нравились, казались естественными.

Граждане Соединенных Штатов гордятся тем, что им удалось создать систему, которая для своего функционирования не требует великих людей. Ориентация не на людей, а на

институты не способствует проявлениям авторитарности, по крайней мере, не делает это качество социально желательным. Разумеется, и в США, и в других демократических странах есть масса личностно авторитарных лидеров. Однако там их авторитарность, по крайней мере, не обязательна для успеха. Советская же система, и в целом, и в любой своей части, могла функционировать более или менее эффективно (а то, за что отвечал Ельцин в течение долгих лет своей доперестроечной карьеры, функционировало весьма неплохо) лишь вопреки институтам и благодаря компенсирующему влиянию руководителя. Определенная авторитарность, вера не в систему, а в человека (кадры решают все!) становится здесь закономерной, неизбежной и естественной.

Привычка к авторитаризму, вера в авторитарные механизмы принятия решений не противоречит, до известных пределов, демократии как системе. Авторитарный человек может искренне верить в то, что демократические выборы лучше военных переворотов, что прессе следует быть независимой, а граждане должны контролировать власть. Никакой закон и никакая Конституция, однако, не определяют конкретного способа взаимодействия лидера со своим окружением, процедур выдвижения и анализа различных вариантов действий и принятия окончательного решения. Здесь в полной мере проявляются личностные особенности лидера, вне зависимости от того, каким образом он занял свой пост и какова та политическая и идеологическая система, которой он служит.

Борис Ельцин поверил в рынок и демократию. Его экономическая политика не всегда была последовательной, но общий ее вектор очевиден. Она направлена на развитие рыночных механизмов, на разрушение монополии государства (другое дело, что к этой цели можно было бы идти гораздо быстрее и не зигзагами, а прямо). Его политические действия иногда бывали предельно далеки от демократических принципов, однако даже после разгона Верховного Совета он провел выборы в Думу и еще ни разу публично не отказался от выборов, как таковых. Он поверил в необходимость свободной прессы - поверил настолько сильно, что за все годы, которые провел у руля России, не предпринял ничего против средств массовой информации, в том числе и тех, которые относились к нему явно недоброжелательно и, по его убеждению, несправедливо. Но нужно ли было ему при этом становиться менее авторитарным в своих взглядах или привычках?

Ответ очевиден - нет, не нужно. Более того, переходный период, период кризиса требует именно авторитарного лидера. Это отнюдь не означает, что кризисный период требует авторитарной политической системы. Наоборот, очень часто именно избыток политического авторитаризма, а значит - недостаток обратных связей и неразвитость механизмов контроля является фактором и порождающим кризис, и препятствующим его преодолению. Речь идет о личностной авторитарности лидера, о его вере в то, что его личностные особенности, его воля более важны для преодоления неблагоприятного стечения обстоятельств, чем разработанные и отлаженные механизмы, отсутствие которых представляется ему, в сущности, не столь важным. Ельцин, безусловно, верил в себя, а не в правила. И демократия, в его представлении, по-видимому, весьма далека от власти бездушной процедуры, а напоминает, скорее, просвещенный абсолютизм.

В экспериментальной социальной психологии было убедительно показано, что лишь в двух случаях авторитарное руководство (то есть такое, когда решения принимаются лидером самостоятельно, сотрудники имеют лишь совещательный голос, а все значимые контакты замыкаются на самого руководителя), оказывается более эффективным, чем демократическое (при котором подчиненные непосредственно участвуют в принятии решений, а контакты осуществляются, скорее, не вертикально, а горизонтально). Это происходит, во-первых, в условиях цейтнота - демократические процедуры требуют времени, во-вторых, когда контакты между членами группы еще не достаточно развиты и отработаны. Не случайно авторитарное лидерство естественно возникает в моменты катаклизмов и катастроф, когда нормальные взаимоотношения между людьми и институтами разрушаются, а все армии мира организованы по авторитарному принципу.

Ситуация переходного периода, решительных и радикальных преобразований полностью укладывается в эти два условия. Нет времени, все надо делать немедленно, счет идет на дни. Все механизмы управления разрушены, никто не подчиняется никому. Даже те, кто хотели бы сохранить лояльность и дисциплину, не могут найти себе сюзерена-начальника. В этом хаосе выдвижение именно личностно авторитарного лидера, пусть даже и придерживающегося демократических взглядов на то, как должно быть устроено общество, представляется почти неизбежным.

Граждане буквально требуют диктатуры. В России и в Белоруссии, на Украине и в Киргизии в конфликтах между президентами и парламентами народ неизменно был на стороне президентов. То есть власть, хотя бы по форме близкая к демократии, неизменно проигрывала власти, по форме, а часто и по сути, авторитарной. Собственно, историческая вина хасбулатовского Верховного Совета состоит, разумеется, не в противостоянии Ельцину (оппонирование исполнительной власти - долг Парламента, а события 1994 -1995 годов показали, что противостояние лишь на пользу и самому президенту, и главное, его политике). Вина Верховного Совета в том, что своей ригидностью и эгоизмом он вызвал к себе всеобщее презрение и помог гражданам рационализировать недоверие к парламенту, как таковому, и ориентацию на власть одного хозяина. Хасбулатовский Верховный Совет дискредитировал саму идею парламентаризма в России, по крайней мере, сделал ее внедрение в сознание российских граждан куда более проблематичным, чем это казалось в 1991 году. Победа Ельцина на апрельском референдуме во многом была предопределена тем, что за него (ДА-ДА-НЕТ-ДА!) голосовали и сторонники западного, либерального пути развития, и одновременно - приверженцы власти одного хозяина и противники болтовни, воплощением которой им представляется Парламент.

Инволюция

Проблема, однако, в неизбежной трансформации самого авторитарного лидера. Авторитаризм, который вначале рассматривался им самим как инструментальный, как средство достижения цели - в нашем случае, рынка и демократии - постепенно становится самоценным, превращаясь из средства почти что в цель. Недоверие к плохим, неэффективным и враждебным демократии институтам периода разрушения диктатуры переходит в недоверие к институтам вообще. Вера в свои способности добиваться нужного развития событий вопреки и помимо всяческих законов и процедур приводит к формированию определенного плана управленческой идеологии. Важным оказывается не реформировать какую-либо сферу (силовые структуры, например), а подобрать туда нужных руководителей. Естественно, поскольку стабильность и процветание государства зависят прежде всего от возможности для верховного лидера принимать и проводить нужные решения, личная преданность ему становится не просто чем-то, свидетельствующем о хорошем вкусе субъекта этой преданности, но и важнейшим фактором при принятии кадровых решений. Как в свое время юстиция останавливалась у ступеней трона, процессы демократизации останавливаются там, где они могут затронуть авторитарно-феодалские порядки в структурах высшей власти.

Авторитарный стиль руководства способствует изоляции руководителя от внешнего мира. Его окружение тоже мало интересуется тем, что происходит за окнами кабинетов - их карьера определяется главным образом взаимоотношениями внутри команды. Полностью зависящие от лидера руководители более низких уровней больше всего боятся источников огорчения и неудовольствия. Доклады их становятся все более оптимистичными, а лезть - все более беспардонной. В результате, принимаемые решения все дальше отходят от здравого смысла, а сам лидер - от того действительно незаурядного человека, которым был когда-то.

Могло ли быть в России иначе, неизбежен ли путь от Президента-91 к Президенту-95? Мне кажется, путь этот был предопределен. Слишком многое было разрушено, слишком многое зависело от воли и решительности одного человека. Борис Ельцин должен был взять

на себя огромный груз, можно ли обвинять его в том, что он не сохранил при этом легкость походки? Проблема не в одобрении или осуждении Ельцина - он обеспечил себе место в истории. Проблема в том, сохранятся ли демократические процедуры, состоятся ли президентские выборы в 1996 году? Первый президент занял свое кресло в результате народного волеизъявления. Каким образом придет к власти второй?

Тупик

Личностная динамика и бытовые пристрастия Бориса Ельцина были бы его сугубо личным делом, если бы в последнее время в принимаемых им решениях не наметилась тревожная тенденция - выбирать из всех возможных вариантов наихудшее. Ярче всего это проявилось во время чеченского кризиса, хотя было и много других, менее трагических, а иногда даже и просто смешных ситуаций, когда поступки и заявления президента обескураживали наблюдателей и заставляли его помощников предпринимать героические усилия для защиты своего шефа уже не от критики, а от насмешек или гнева сограждан.

Чтобы понять, что происходит, недостаточно сослаться на номенклатурное прошлое или на алкоголь и неведомые болезни. Надо постараться понять внутреннюю логику поступков президента, в которой они будут не иррациональными и неразумными, а напротив, обоснованными и целесообразными. А для этого надо увидеть мир его глазами.

Объективное положение Бориса Ельцина сегодня, за год до выборов, исключительно тяжелое. Он растратил былую популярность, подавляющее большинство граждан России не доверяют ему, не симпатизируют ему и решительно не хотят, чтобы он и дальше выполнял обязанности президента страны. По данным ВЦИОМ, из всех своих оппонентов Ельцин способен выиграть гипотетический второй тур президентских выборов лишь у Жириновского. Только при сравнении с Жириновским граждане готовы согласиться с тем, что Ельцин - меньшее зло, чем его противник. Все остальные - Явлинский, оба Федоровы и даже Зюганов и Шахрай - выигрывают у Ельцина легко и убедительно. Шансы президента выиграть выборы стремительно приближаются к нулю.

Однако субъективная ситуация Бориса Ельцина, то, как он сам видит себя и свое будущее, много хуже, чем эта, не блещущая оптимизмом картина. Поражение на выборах представляется президенту не просто концом его политической карьеры. Он понимает, что ему не удастся жить так, как Горбачев - ездить по свету, встречаться с королями и президентами и критиковать новую власть. Президент опасается, что, придя к власти, его политические противники, частично, из прагматических соображений, желая потрафить толпе, а частично, в силу искренней ненависти к нему, не оставят его в покое. За годы его президентства произошло немало такого, за что многие хотели бы отдать его под суд. И хотя обвинения ему предъявляют разные: от Беловежской Пуши до Чечни - у него есть основания опасаться за свою безопасность. Его ближайшее окружение, не имеющее в случае поражения на выборах не только политического будущего, но и будущего вообще (так, трудно поверить, чтобы новый президент, кем бы он ни был, удержался от соблазна отдать под суд Грачева), по-видимому, старательно разжигает в Ельцине эти страхи.

Итак, более или менее безопасно он чувствует себя только в президентском кресле. Иногда он начинает верить, что с помощью какого-нибудь хитроумного хода, вроде идеи "черно-рыбкинского" блока, он может обеспечить себе победу. Но чаще он понимает, что победы на выборах не будет. А значит, выборы проводить нельзя.

Но не проводить их тоже нельзя. Законных оснований для отсрочки выборов президента Конституция не предусматривает. Совершить же переворот для него психологически чрезвычайно трудно, если не невозможно. Во-первых, Ельцин, при всех его недостатках, не годится на роль русского диктатора. Уж слишком сильно ненавидят его коммунисты и националисты, слишком далеко зашел его флирт с Западом. Да и слишком много сделал он для победы свободы и демократии в России. Никакая Чечня не в силах отменить его прошлых заслуг - даже Господь не может сделать бывшее небывшим. Переворот будет озна-

чать, что Борис Ельцин сам, своими руками перечеркнет все то, чем он гордится, что совершенно справедливо считает делом своей жизни. Вряд ли он сможет пойти на это.

Кроме того, президент прекрасно понимает, что на следующий день после 12 июня 1996 года (если в этот день не пройдут выборы) он теряет всякую легитимность, а значит, становится заложником своего аппарата. Да и пример удачного переворота вдохновит многих и многих. В России, как говорят, три тысячи генералов - неужели ни один из них не попытается спасти Отечество? Силовые министры и, главное, их первые замы - неужели никто из них не попробует переехать в Кремль? А кто будет защищать президента? Это ведь не 1991 и даже не 1993 ...

Таким образом, президент психологически оказался в тупике. Он не может идти на выборы, не верит в возможность их выиграть, не может и отменить их. Любое решение представляется ему гибельным. Больше всего эта ситуация напоминает экспериментальный невроз - научившееся проходить лабиринт животное получает удар электротока за любой выбор. Пойдешь налево, пойдешь направо - результата один. Самое мучительное в такой ситуации - необходимость сделать выбор, когда точно знаешь, что удачным он быть не может. Это значительно более болезненно, чем последствия того или иного решения. Поэтому главная задача оказавшегося в тупике человека - избежать необходимости выбора. Именно эту задачу пытаются решить многочисленные психологические защитные механизмы.

Выходом из ситуации может стать, например, тяжелая болезнь. Действие психологических защитных механизмов зачастую напоминают ту самую услугу, которую оказывал человеку медведь, убивая муху. Параличи, вызванные нежеланием ухаживать за внуком, инфаркты, единственной причиной которых было стремление избежать неприятного разговора - все это обычная вещь в клинической практике. Я не знаю, думает ли президент о том, что болезнь избавила бы его от необходимости принимать решение - выставлять или не выставлять свою кандидатуру, проводить выборы в срок или, все-таки, пойти на их отмену. Но то, что это "понимает" его бессознательное, очевидно. И если он действительно пьет так, как об этом говорят, то это вполне может быть интерпретировано как стремление к самоубийству, саморазрушению. На месте врачей и близких президента, я ожидал бы больших проблем со здоровьем в самом ближайшем будущем. Я боюсь, что бессознательно он стремится к смерти. Говорят, он играет в теннис, но ведь заболевают и умирают и самые здоровые люди.

Другой вариант, по которому могут действовать психологические защитные механизмы, - толкать человека к изменению самой реальности, к переструктурированию ее таким образом, чтобы выбор стал ненужным. Например, чем вечно спорить с братом о том, кому пользоваться машиной и либо злиться, что на ней ездит он, либо мучиться чувством вины, если удалось настоять на своем, можно просто ее разбить. Авария произойдет, разумеется, случайно, на сознательном уровне вы к ней не стремились. Но ведь есть еще бессознательное. Оно есть у всех, в том числе, и у президентов.

Выборы должны состояться в срок. Так по Конституции. Но представьте себе, что к июню следующего года на нас нападут американцы, или китайцы или кто-нибудь еще. Мы ведь не США. Даже самые последовательные и непримиримые демократы согласятся с тем, что проводить выборы во время войны невозможно. А значит война или, шире, глубокий кризис - это как раз то, что позволит отложить выборы. Но можно и не ждать, пока на нас нападут, можно напасть самим.

На сознательном уровне Борис Ельцин, несомненно, стремится к благу страны, к миру и процветанию. Но его страх перед выборами заставляет его бессознательно искать выхода, а таким выходом являются кризис и война. Искренне стремясь к миру на уровне сознания, президент бессознательно ориентирован на дестабилизацию обстановки. С этой точки зрения поведение президента в ходе чеченской операции перестает выглядеть цепью просчетов и ошибок. В нем появляется внутренняя логика и пугающая стройность.

С.А. Киселев, А. Мурсалиев
Президенты в поисках утраченной легитимности

Политическая ситуация в новых независимых странах на территории бывшего СССР за последние годы значительно усложнилась. Радостный парад суверенитетов сменился тяжелым и изнурительным переходом по бездорожью. Похожие в недавнем прошлом на инкубаторских птенцов, сегодня "братские республики" идут разными дорогами, при этом все больше и дальше отдаляясь друг от друга. Наиболее показательны трансформации, происшедшие с институтами власти.

Принятая по-советски, единогласно, западная модель демократии начала вдруг пробуксовывать. Звиад Гамсахурдиа, Рахмон Набиев, Абульфаз Эльчибей были избраны президентами подавляющим большинством голосов самым демократическим способом. На выборах присутствовали наблюдатели от многих стран, не зафиксировавшие никаких нарушений. Но свержение буквально через год после выборов легитимных президентов Грузии, Таджикистана и Азербайджана, а также расстрел российского "Белого дома" (едва ли не первого и главного оплота демократии при Михаиле Горбачеве) достаточно красноречиво показали: никакие демократические выборы не гарантируют автоматически государственных мужей от несчастных политических случаев. Сменившие их или же удержавшиеся на своих постах лидеры извлекли уроки из опыта коллег. И начали поиски новой, постсоветской легитимности.

I. Возвращение к истокам

Следует отметить, что первыми на тропу поисков вступили лидеры центральноазиатских стран (Таджикистан в данном случае выпадает из контекста, так как после гражданской войны анализ его властных институтов возможен не столько в терминах политологии или культурологии, сколько криминологии). Достаточно быстро поняв, что прежней, партийно-советской "защиты" власти уже не существует, а западноевропейская модель на постсоветском пространстве ненадежна, они, не мудрствуя лукаво, обратились к предыдущему историческому опыту своих стран и народов. Эта тенденция довольно-таки плавно привела к установлению фактически авторитарных режимов в большинстве республик региона. И референдумы о продлении президентских полномочий до 2000 года, прошедшие в Туркмении, Узбекистане и Казахстане, вполне закономерны. Так же, как и последующее теоретическое обоснование Нурсултаном Назарбаевым невозможности в кратчайшие сроки пересадить на центральноазиатскую почву западноевропейскую демократию.

Вождь всех туркмен

В декабре 1985 года, через полгода после начала горбачевской перестройки, Сапармурат Ниязов стал первым секретарем ЦК компартии Туркменистана. Во времена ранней перестройки, в отличие от Бразаускаса и других, Ниязов был достаточно лояльным, по отношению к центру и его политике, коммунистическим функционером. Однако уже к 1990 году он неожиданно стал удивлять. Ниязов первым (тогда еще в СССР) сделал неожиданный шаг, на который так и не решился Михаил Горбачев и лишь через полгода совершил Борис Ельцин. 27 октября 1990 года он подавляющим большинством голосов был всенародно избран первым президентом Туркменистана.

Когда в Туркменистане, где точно так же, как и в остальных республиках и регионах СССР, возникло национально-демократическое оппозиционное движение "Агзыбирлик" ("Единство"), зазвучала национальная тематика, Ниязов не стал, подобно своим коллегам в соседних республиках, рьяно бороться с национальной идеологией, а, напротив, неторопливо ее реализовал.

Одновременно всплыла еще одна тема - о происхождении президента. Тут необходим небольшой экскурс в историю и структуру традиционного туркменского общества.

Туркмены, также как и многие соседние тюркские народы, до сих пор подразделяются на племена и роды. И по древней степной традиции, берущей начало еще от предков тюрков - хуннов, структура эта достаточно жестко иерархически организована. Для того, чтобы верховного правителя признало все общество, силы аппарата, сабель или штыков было недостаточно. Степная легитимность требовала еще и чистоты происхождения. Так, среди туркмен легитимными считались правители из племени теке, бывшего гегемоном в этом регионе до российского завоевания. Москва, столкнувшись в середине XIX века с яростным сопротивлением туркмен, не позволяла более текинцам выдвигаться на первые роли, предпочитая ставить на эти посты выходцев из более слабых племен. Эту практику переняла и Москва коммунистическая.

В начале 1990-х годов в Туркменистане отчетливо и ясно прозвучал тезис: Сапармурат Ниязов - первый советский правитель Туркмении из племени теке. Для нетуркмен этот тезис ничего, кроме "местной дурости", не означал. Туркменам же слышалось в этом: текинец - значит законный правитель.

Любопытно, что новые правила игры с ходу приняла и демократическая туркменская оппозиция. Ответный удар был произведен в той же плоскости. Оппозиция заявила, что на самом деле президент родом из племени ата (занимает самую низшую ступень в туркменской родоплеменной иерархии).

В ответ в текинское село Кыбчак (Гыпжаг) под Ашгабадом, где родился президент, отправилась специальная экспедиция Главного архивного управления Туркменистана. В результате чего был создан специальный Архивный фонд Сапармурата Туркменбаши, главной целью и задачей которого стало - создание генеалогического древа первого президента страны. Тем самым была заложена капитальная основа новой, а по сути - возрожденной старой легитимности.

Именно в этом контексте и следует рассматривать принятие Ниязовым титула Туркменбаши ("Вождь всех туркмен"), тотальное переименование всех "советских" топонимов в объекты (и населенные пункты) имени Туркменбаши. В этой же плоскости следует рассматривать и кажущиеся абсурдными некоторые поступки туркменбаши - концепцию "вождизма", возведенную в ранг официальной идеологии, частые популистские шаги и заявления.

Однако все это вовсе не означает, что Ниязов занят укреплением исключительно внутритуркменской легитимности и совсем не уделяет внимания нетуркменской части населения. Для этой части, как, впрочем, и для внешнего мира, он вторично провел президентские выборы 21 июня 1992 года, когда был переизбран на второй срок (по официальным сообщениям, за Сапармурата Ниязова проголосовало 99,5 процента избирателей). А затем вновь подтвердил свою "европейскую" легитимность на референдуме 15 января 1994 года.

Интегратор из Старшего жуза

Почти по той же схеме развивалась ситуация и в соседнем Казахстане, где коренной народ (такие же тюрки) также помнит о том, из какого рода-племени происходит тот или иной человек. Последней формой государственности у казахов была федерация трех жузов - племенных объединений - старшего, среднего и младшего. По традиции считалось, что старший жуз поставляет народу правителей, средний - поэтов и мыслителей, а младший - воинов.

Нурсултан Назарбаев пришел к власти в период возраставшего национального подъема казахов, сменив на посту лидера республики Колбина, чье назначение в декабре 1986 года стало причиной первых в СССР национальных волнений.

Несмотря на то, что для национально-демократической оппозиции Назарбаев оставался партаппаратчиком, казахи восприняли это назначение с видимым удовлетворением: свой, да еще и выходец из старшего жуза.

Однако, в отличие от Ниязова, Назарбаеву приходится гораздо больше внимания уделять некоренной части населения, так как в республике, почти половина которой - представители нетитульного народа, выбиваться в исключительно национальные лидеры означает лишь одно - неминуемую гражданскую войну и гибель государства. Назарбаев, достаточно успешно попытавшись обратиться в силу изначальную геополитическую слабость своей республики, завоевал прочную славу самого последовательного сторонника интеграции на постсоветском пространстве. Неслучайно и само СНГ родилось именно в Алма-Ате.

Интегрализм Назарбаева во многом продиктован учетом интересов своих русскоязычных подданных, тяготеющих к северу и западу и опасующихся юга.

Интересно, что при всей несхожести Нурсултана Назарбаева и Сапармурата Туркменбаши, кардинально противоположных векторов проводимой ими внешней политики - ярко выраженный изоляционизм Ашгабада и столь же ярко выраженный интегрализм Алма-Аты - модель организации государственности и поиска легитимности те же.

Потомок хана Шабдана

В ходе политической борьбы к старым традициям обратился и не столь искушенный во властных играх, как соседи и союзники, президент-академик Аскар Акаев. Его приход к власти выглядел достаточно случайным. Накануне прокатились кровавые события в Ошской области - вотчине бывшего коммунистического лидера республики Абсамата Масалиева. Старые кланы, вцепившись мертвой хваткой друг в друга и за престол, никак не могли поделить власть. И в этой ситуации победа внекланового человека Аскара Акаева была расценена как победа демократии в Кыргызстане.

Однако, через некоторое время, когда бывшие союзники из числа радикал-националов начали нападки на президента за якобы антинациональную политику, выяснилось, что Аскар Акаев - прямой потомок одного из последних кыргызских правителей, хана Шабдана. То есть законный наследник кыргызского престола.

Любопытно в этой связи, что в момент прихода к власти Акаева в Кыргызстане разгорелась борьба Севера, откуда родом президент, и Юга, родины его соперников. А в этой республике Север - хранитель кыргызских традиций, Юг же, бывший долгое время в составе или в зоне влияния Кокандского ханства, частично их утратил.

Подобно соседям, президент Акаев также не забывает о своих русскоязычных, выступая в роли гаранта их прав, заявляя о приоритете прав человека над правами нации (что, кстати, не очень понравилось национал-радикалам), накладывая вето на националистические постановления парламента.

И здесь мы видим все ту же схему, что в Туркменистане и Казахстане.

Наследник эмира Тимура

В июне 1989 года, после перехода в Москву на пост председателя палаты национальностей ВС СССР горбачевского ставленника Рафика Нишанова, место руководителя Узбекистана - первого секретаря ЦК компартии - осталась вакантным. Накануне этого перемещения в Ферганской долине прокатились кровавые погромы турков-месхетинцев, что сильно подорвало позиции и без того не очень-то сильного "нишановского" клана. Впридачу республику все еще лихорадило после опустошительных рейдов московских следователей из группы Гдяна-Иванова, посланных сюда еще при Андропове (после смерти могущественного правителя Узбекистана Шарафа Рашидова) для расследований так называемых "хлопковых дел". И все сильнее и многочисленнее становились митинги оппозиционного народного движения "Бирлик" ("Единство").

В этой ситуации в борьбу за кресло первого секретаря вступили мощные узбекские кланы. На фоне битвы гигантов кандидатура Ислама Каримова, первого секретаря провинциального Кашкадарьинского обкома, лишённого сильной клановой поддержки, не рассматривалась всерьёз никем. Однако после двух раундов битвы лидер "ташкентского клана" Шукрулло Мирсаидов решил сделать "ход конем" и посадить на трон Каримова, с тем, чтобы за его спиной править самому.

Мирсаидов стал всемогущей правой рукой Каримова. Однако "темная лошадка" оказалась лихим скакуном. Каримов начал осторожно проводить свою политику, расставляя на ключевые посты своих людей, постепенно прибирая к рукам все больше и больше власти, и через некоторое время Каримов избавляется от надоевшей ему опеки "серого кардинала" Мирсаидова, лишив практически всех функций своего вице-президента. А летом 1993 года проходит процесс над обвинённым в коррупции Мирсаидовым, положивший конец легальной оппозиции в Узбекистане.

Развивая успех, Каримов достаточно умело повел атаку на оппозиционный "Бирлик". Взяв программу оппозиции, он вычленил ее "национальную" часть (государственный язык, гимн, герб и т.д.) и практически полностью реализовал ее за короткий срок, нейтрализовав тем самым на некоторое время "Бирлик" и добившись раскола в рядах оппозиции. Именно по вопросу об отношении к президенту Каримову разошлись между собой лидеры "Бирлика", из которого выделилась часть лояльно настроенных в то время к президенту деятелей во главе с поэтом Мухаммадом Солихом (Мадамин Салаев), организовав партию "Эрк" ("Воля"). Впоследствии Солих стал единственным соперником Каримова на всенародных президентских выборах в декабре 1991 года.

В отличие от Туркменистана, Казахстана и Кыргызстана, в Узбекистане родоплеменная структура размыта и не играет особой роли. Зато на его территории находятся три центра наиболее мощных среднеазиатских государств: Бухара, Коканд, Хорезм. А это можно расценивать и как преимущество - объективно (вместе с наличием значительных узбекских общин на территории соседних стран) Узбекистан превращается в центр притяжения для всего региона, и как уязвимое место - теоретически эти центры могут стать источниками сепаратизма. Не случайно Каримов обрушил свой гнев на Хорезм, когда на президентских выборах хорезмцы, единственные в республике, отдали предпочтение своему земляку Солиху.

Тем не менее для строительства государственности нужен и конструктив. И родившийся в Самарканде (одной из двух столиц Бухарского эмирата) Каримов выбирает в качестве базовой историю Бухары. И имена бухарских деятелей - от грозного эмира Тимура до великого теолога Накшбанда укладываются в фундамент новой узбекистанской государственности. Помимо этого, Бухара, общее творение двух среднеазиатских народов - узбеков и таджиков, пожалуй, наиболее удачный выбор в нынешней сложной ситуации на южных границах Узбекистана: в Таджикистане и Афганистане, где также проживают как таджики, так и узбеки.

II. Закавказье в поисках равновесия

В отличие от Центральной Азии, страны Закавказья взяли за основу недолгий опыт существования демократических Азербайджана, Армении и Грузии в 1918-1920 годах, возникших после октябрьского переворота 1917 года в России. Практически все конфликты и проблемы, существующие ныне в этом регионе, возникли именно в те годы. Советская оккупация обрубил их одним ударом. Но по прошествии 70 лет выяснилось, что они были всего лишь законсервированы.

Во многом этот выбор был обусловлен тем, что к периоду российского завоевания Закавказья в XIX веке армянской государственности фактически не существовало, а Азербайджан и Грузия второй век переживали период феодальной раздробленности. Модель же

1918-1920 годов предоставляла в их распоряжение пусть краткий, пусть оборванный, но период общенационального единства и строительства. Правда, границы этих трех государств, имевшие взаимные претензии руг к другу, естественным историческим путем так и не установились.

Поруганная легитимность

Если Грузия положила начало возвращению к закавказским демократическим образцам 1918-1920 годов, то она же первой преподала и урок поругания демократии западного образца на территории бывшего СССР, когда всенародно избранный президент, один из первых диссидентов на посту главы государства Звиад Гамсахурдиа был свергнут вооруженным путем и бежал из страны. Кризис грузинской государственности, впрочем, начался уже при Гамсахурдиа.

Придя на смену президенту-диссиденту, бывший коммунистический лидер Грузии и бывший министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе достаточно просто решил проблему легитимности власти, упразднив президентский пост в республике. Однако на пост председателя парламента сам избирался всенародно. Тем самым Шеварднадзе как бы табуировав термин "президент" стал именоваться "главой грузинского государства".

Но единожды поруганная легитимность перестает восприниматься как таковая. И кризис государственности в Грузии продолжился. Сегодня ситуация с государственностью в этой стране крайне сложная. Отделившиеся де-факто Южная Осетия и Абхазия, сильно дистанцировавшаяся от Тбилиси Аджария, бунтующая время от времени Западная Грузия - оплот звиадистов. И почти никто из них не признает законность нынешних властных институтов страны. Перманентная борьба под ковром между различными группировками стала уже фоном внутривластной жизни Грузии. При этом практически ни одна из них не может претендовать на статус общенациональной, не говоря уже об общегосударственной.

Провозгласившая преемственность с существовавшей в 1918-1920 года независимой демократической Грузией сегодняшняя Грузия рискует де-факто вернуться к ситуации феодальной раздробленности XVII-XVIII веков.

Три президента - три вектора

Не намного проще ситуация и в соседнем Азербайджане, где 3 октября 1994 года был избран третий за четыре года президент – старейший среди азербайджанских политиков, бывший первый секретарь ЦК компартии Азербайджана, член политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев. Первые два - последний лидер коммунистов республики Аяз Муталибов и председатель Народного фронта Абульфаз Эльчибей - были вынуждены уйти, так и не дождавшись окончания своего срока. А, попросту говоря, были смещены со своих постов и бежали: Муталибов - в Москву, а Эльчибей - на родину, в деревню Келеки Ордубадского района Нахичевани.

Алиев учел опыт Шеварднадзе-Гамсахурдиа и провел вначале референдум о "недоверии Эльчибею", "делегитимизировав" тем самым последнего, а затем уже избрался на президентский пост.

Крах предыдущих лидеров Азербайджана был обусловлен не только поражениями в Карабахе и усугубляющейся экономической ситуацией в стране. Везиров и Муталибов занимали откровенно промосковский курс, а первый в придачу ко всему очень часто попадал в неловкие ситуации ввиду незнания менталитета собственного народа, да и родного языка. Зато в совершенстве знающий и то, и другое Эльчибей оттолкнул от себя почти все национальные меньшинства своим откровенно протюркским и прозападным курсом.

Алиев избрал как бы третий путь, лавируя между Россией, Турцией и Ираном. Однако сложившаяся политическая конъюнктура толкает его больше в сторону Запада, а следо-

вательно, требует более строго придерживаться западной модели. Так, Алиев категорически опроверг предположения о возможности использования центральноазиатского "опыта" проведения референдума о продлении полномочий, заявив, что судьба президента будет решаться на очередных демократических выборах.

Вместе с тем западная модель, основанная преимущественно на принципе национального государства, диктует и соответствующее отношение к соседнему Ирану. Причем по двум причинам: во-первых, Запад явно не жалуется на нынешний режим Тегерана, во-вторых, северо-запад Ирана - исторический южный Азербайджан, а азербайджанцы составляют самый многочисленный этнос Ирана и стремление их к воссоединению с братьями на севере вполне укладывается в русло западного постулата о праве наций на самоопределение. С другой стороны, властям государства, имеющего проблемы с собственными сепаратистами в Нагорном Карабахе, апеллирующими именно к этому тезису, поднимать этот вопрос явно не с руки. Но известная латинская поговорка "Quod licet lous, non licet bovis" достаточно легко может быть перевернута: "Quod licet bovis, non licet lous". То есть, то, что не могут позволить себе официальные власти, вполне позволительно оппозиции. Скорее всего в этом контексте следует рассматривать последние заявления второго азербайджанского экс-президента Абульфазы Эльчибея о том, что настало время для объединения двух Азербайджанов.

Во всяком случае, этот сюжет может вывести Азербайджан из состояния маргинальности и придать новый импульс политической жизни страны.

В поисках утраченного пространства

В этой ситуации Армения, где уже пятый год бесценно одна и та же власть, выглядит как исключение из правил. Однако нынешние власти Армении также обращаются к опыту 1918-1920 годов: АОД критикует своего основного конкурента - партию "Дашнакцутюн", апеллируя именно к историческому опыту (в 1918-1920 годах "Дашнакцутюн" была правящей в Армении партией), утверждая, что политика дашнаков предопределила крах независимости.

Но, по сути, исповедуемая в Закавказье модель национальной демократии, катастрофичная и грозящая распадом многонациональным Грузией и Азербайджану (крах Гамсахурдия и Эльчибея во многом связан именно с этим фактором) абсолютно приемлема лишь для полностью многонациональной Армении. После депортации азербайджанского населения в конце 1988 года в Армении практически отсутствует какое-либо компактное национальное меньшинство.

С другой стороны, несмотря на кажущееся сходство с закавказскими соседями, Армения и армяне стоят особняком не только в Закавказье, но и вообще в регионе. Входящая в византийский суперэтнос Армения достаточно рано вычленилась из нее, приняв во времена очередного религиозного раскола, в отличие от Константинополя, в качестве государственной идеологии монофизитство, тем самым встав особняком. С тех пор фактор геополитического одиночества стал для армян и их соседей во многом определяющим. Именно этим объясняется ее настороженное отношение к соседям (как, в свою очередь и соседей к ней) и удивительная способность к заключению союзов с почти всякой новой силой, появляющейся в регионе. Так армяне первыми наладили дружеские отношения с Арабским халифатом, затем стали союзниками монголов, а в новое и новейшее время - России и Запада.

Суперэтническое одиночество, не позволяющее вступать в тесные союзнические отношения со своими соседями, побуждает армян каждый раз видеть в новой силе потенциального союзника, возможность обретения утраченного когда-то пространства.

III. В маргинальной полосе

Расположенные на геополитическом шве - границе между двумя великими культурами, европейской и евразийской - Украина, Беларусь и Молдова достаточно отчетливо делятся на две части: западную, наиболее центробежную по отношению к Москве, и восточную, напротив, тяготеющую к России.

Собственно, именно вдоль этой линии и, во многом, из-за нее и проистекают внутренние конфликты в этих странах. Причем от горячего на юге, в Приднестровье, до едва намеченного на севере, в белорусском Полесье. Между ними - распадающаяся на два полюса, западный и юго-восточный, Украина.

Здесь и тенденции к поиску легитимности также разнонаправленные. Поэтому положение этих стран, а точнее легитимность властей, представляется наиболее неустойчивой. Очевидно, что возможно два логических выхода из этого геополитического тупика: "молдавский вариант", то есть раскол страны на две части, и "белорусский" - возвращение под крыло России. Однако при всей кажущейся разнополярности этих вариантов общим между ними является то, что и тот, и другой вариант обрекают эти государства на геополитический провинциализм. В первом случае оба куска становятся полуприфронтовыми пограничными окраинами двух цивилизаций, во втором - провинцией одной из них.

Расколота республика

Приднестровский конфликт, предопределяющий как всю постсоветскую историю Молдовы, так и формирование ее государственных институтов, в общественном мнении воспринимается крайне искаженно. Типичный взгляд на него - борьба молдавских (румынских) националистов против руссконаселенного Левобережья Днестра. Отсюда и развернувшаяся между двумя берегами ожесточенная идеологическая война: "Молдавия - часть Румынии, а молдаване - часть румынского народа, и молдавского языка не существует, есть только румынский", - утверждали в Кишиневе. В Тирасполе все это отрицали, настаивая на "особости" молдаван и исторической общности (во всяком случае, своего берега) не с Румынией, а с Россией. Отсюда и столь пристальное и яростное внимание всего спектра российских национальных сил - от крайних радикалов до державников - к проблеме Приднестровья, поток добровольцев в период войны и превращение, в конечном счете, приднестровского вопроса в фактор собственно внутророссийской политики. Так, именно благодаря этому фактору генерал Александр Лебедь превратился в политическую фигуру общероссийского масштаба, в отличие от действовавших примерно по той же методе генералов Семенова в Абхазии, или Патрикеева в Таджикистане.

На самом же деле русские в Приднестровье составляют всего лишь четверть всего русского населения Молдовы и менее четверти населения самого Левобережья. Преобладающий же этнос в этом регионе - молдаване. На этот момент напирает Кишинев, пытающийся доказать, что в данном случае речь идет не о межнациональном конфликте, а о классическом случае сепаратизма, вызванном к жизни коммунистическими и посткоммунистическими структурами и спекулирующего на национальных идеях.

Однако смена правящего режима в Кишиневе - уход в оппозицию Народного фронта и приход к власти бывшей коммунистической номенклатуры, которая в этом случае должна была чуть ли не автоматически привести к взаимопониманию обоих берегов Днестра, на деле не дала каких-либо обнадеживающих результатов. Несмотря на то, что нынешние власти, резко критикуемые со стороны националистов-румынофилов, пошли на достаточные компромиссы со своими приднестровскими оппонентами-румынофобами: признали молдавский язык, внесли поправки в официальную историю государства, подтвердили суверенитет Молдовы, общенационального, общегосударственного компромисса между обоими берегами не состоялось.

Возможно и тут дело в том, что Днестр еще со времен Золотой Орды был рубежом между двумя цивилизациями? Объединение же обоих берегов происходило, как правило, под чьей-либо властью - Османской, а затем Российской империи. Но после распада СССР за левым берегом, тем не менее, маячила все еще мощная Россия, а за правым державы, равной России нет.

Спор Даниила Галицкого и Александра Невского

Пути-дороги Украины и России разошлись не поздней осенью 1991 года в белорусских Вискулях, а гораздо ранее, в XIII роковом веке. Перед Киевской Русью, покоренной татарской конницей, встала проблема выбора исторического пути. Зажатая между Ордой и напирющим Западом, она должна была выбрать: к кому прислониться - к Востоку или Западу? Александр Невский пошел на союз с Ордой, став, таким образом, первым русским евразийцем. Князь Даниил Галицкий предпочел опереться на католическую Европу, положив тем самым начало русскому западничеству. Результат известен: дорога, избранная Невским, превратила в конечном итоге часть исторической Руси, объединенную в составе Золотой Орды в единое государство с землями на восток, в Российскую империю. Путь же Даниила Галицкого привел другую часть Руси к теснейшей интеграции (вплоть до потери независимости) с Западом.

Однако заочный спор Даниила Галицкого и Александра Невского не угас с их смертью: дискуссия между "западниками" и "востокофилами" не прекращалась с тех пор ни в России (о чем хорошо известно), ни на Украине (о чем мало говорится). На Украине эту дискуссию возобновили два гетмана: "западник" Мазепа и "востокофил" Богдан Хмельницкий.

Наиболее острые формы она приняла в XIX веке, когда в Австро-Венгрии возникло национальное движение русинов, мечтавших о возрождении независимой Прикарпатской Руси - несбывшейся мечты Даниила Галицкого, а в России развернулась жесткая перепалка между теми, кто признавал за украинцами право писать и творить на украинском языке (а тем самым и самобытность украинцев), и теми, кто считал "малороссийский" таким же диалектом русского языка, как вологодский или нижегородский. К последним принадлежал и известный критик-демократ Виссарион Белинский, не жаловавший, как известно, Тараса Шевченко именно за то, что последний творил на "малороссийском".

Для одних это была Прикарпатская Русь, соперница и историческая альтернатива России, для других - Малороссия, "украина" (окраина) империи. Бурный XX век привел в итоге идеологические споры XIX века к "консенсусу" - страна объединилась и обрела независимость, но при этом не как самостоятельная Прикарпатская Русь, а как Украина-Украина, тем самым как бы обрекая национальное самосознание на некий "окраинный национализм". Что, в конечном счете, рискует вывести всю украинскую политику на обочину.

Не обошла стороной застарелая дискуссия и новейшую украинскую историю - на последних президентских выборах напиравший на тезис российско-украинского сближения Леонид Кучма обошел на полкорпуса "западника" Леонида Кравчука. Президентские выборы выявили довольно-таки угрожающую географическую тенденцию: электорат Кучмы - это преимущественно восток и юг страны, настроенные пророссийски. Электорат же Кравчука - Западная Украина. В этих условиях политика, ориентированная только на своих избирателей, рискует привести к ситуации фактического раскола страны. И потому у "пророссийского" Кучмы, вынужденного корректировать свои действия с учетом настроений правобережья, возникли такие же проблемы с Москвой, какие были у Кравчука. Не случайно, Борис Ельцин недовольно обронил при встрече с Кучмой, дескать, когда тот был премьером, они легче находили общий язык.

"Двуглавость" украинской политики - между Западом и Востоком, Даниилом Галицким и Александром Невским, Мазепой и Богданом Хмельницким Украины - по всей видимости, надолго. Тенденции могут сменять друг друга, но последовательно, в виде маят-

ника и на авансцену украинской политики будут выноситься то западнические знамена "незалежности", то - объединительные прорусские мотивы. При этом личные взгляды и пристрастия самих президентов вряд ли будут играть существенную роль.

Бегство от суверенитета

В гораздо ослабленном варианте те же проблемы маргинальности присутствуют в белорусской политике. Однако здесь прозападное крыло не столь сильно, как в Молдове и на Украине. Хотя именно оно стояло у власти в момент распада СССР и принимало самое непосредственное участие в этом процессе.

Но обратный процесс не заставил себя ждать. Вначале был отправлен в отставку "западник" Станислав Шушкевич - один из отцов Беловежской пущи, затем победу на первых президентских выборах одержал ярый сторонник безоговорочной ориентации на Россию, популист Александр Лукашенко, обещавший своим избирателям не то, что даже союз с Москвой, а фактически вхождение в состав России.

Беларусь, ставшая после Беловежской пущи в некоторой степени символом распада СССР, дала и новый на постсоветском пространстве феномен: "бегство от суверенитета". Бегство массовое и радостное. Причем во многом и несколько неожиданное для России и ее властей. Последний референдум, проведенный по инициативе президента Лукашенко одновременно с выборами в новый парламент, достаточно убедительно показывает наличие подобной тенденции (свыше 80 процентов от пришедших голосовать 65 процентов населения высказались за придание статуса государственного русскому языку, возвращение к советской атрибутике, экономический союз с Россией и право на роспуск парламента, предложившему всю эту программу президенту).

Но вопрос объединения с Россией - процесс все же обоюдный. И для этого волеизъявления одних белорусов недостаточно. В случае же его затягивания вовсе нельзя исключать обратного хода маятника и возвращения на белорусскую политическую сцену западников. В этой связи не стоит считать, что референдум полностью зачеркнул предсказание одного из самых последовательных "западников" - лидера Белорусского народного фронта Зенона Поздняка, заявившего после победы на президентских выборах Лукашенко о том, что естественной реакцией населения страны на правление этого президента будет рост настроений в пользу полной независимости Беларуси и ориентацию на союз с Западом.

IV. От лидеров СССР к аутсайдерам Запада

Наименее интересными в плане поисков легитимности являются прибалтийские страны. Прежде всего, потому, что никаких, по сути, поисков легитимности там не ведется. Это, пожалуй, единственный участок постсоветской территории, на которой западноевропейская легитимность "работает" достаточно успешно. Впрочем, цивилизационная принадлежность этого региона к Европе, чьей крайней восточной периферией он является, мало кем оспаривается.

Это во многом объясняет и желание вернуться назад, "домой", в 30-е годы, избавившись от груза "мигрантов", столь остро напоминающих о суровых годах. В придачу к этому существует опасение, что для приехавших в Прибалтику в 40-70-х годах западная легитимность может показаться недостаточной, что частично подтвердили события начала 1991 года, когда в "мигрантской среде" возникли комитеты спасения, стачкомы, ОСТК и рабочие дружины.

Однако, обретя столь желанную независимость, Прибалтика, бывшая авангардом советского политического процесса эпохи перестройки, в постсоветский период стала глухой провинцией западной цивилизации.

V. Между Европой и Азией

В России впервые за всю ее историю случилось невероятное: на троне оказался Емельян Пугачев. Со времен Лжедмитрия, Бориса Годунова и Емельяна Пугачева российскому менталитету была присуща одна особенность – сомнение в законности властей, выражавшееся в формуле: на троне "немец", окруженный продажной боярской думой, а настоящий царь изгнан и скрывается... Собственно Емельян Пугачев и поднимал народ, выдавая себя за настоящего царя, изгнанного "царицей-немкой".

Борис Ельцин проэксплуатировал эту модель сполна: сначала опальный, гонимый старцами из Политбюро защитник народных интересов, затем - "справедливый царь", обложенный продажной боярской думой из Верховного Совета РФ.

Однако, опасность кроется в том, что пугачевская модель в России никогда не обкатывалась до конца. И потому пугачевская легитимность в российском обществе является незавершенной.

Несмотря на то, что Борис Ельцин по европейским стандартам трижды легитимен - народ голосовал за него три раза: вначале на выборах президента в июне 1991 года, затем на референдуме в апреле 1993 года и последний раз за президентский вариант Конституции на выборах 12 декабря 1993 года - тем не менее, российский президент постоянно находится как бы в кольце заговоров.

Но эта особенность менталитета не является врожденной, она появилась как реакция этноса на первую победу западничества при Петре I. Допетровская же Россия развивалась преимущественно как евразийская держава, в русле линии, избранной Александром Невским еще при ее зачатии.

Возникшая как преемница великих евразийских держав, Россия неизбежно должна была испытать воздействие евразийской модели государственности. Модель же эта характеризуется лингвистическим термином «агглютинативность», что в переводе на русский означает "склеивание". Стремление к унификации, присущее Западу, здесь напрочь отсутствует. Государство, поглощающее своих соседей, не растворяет их, пытаясь привить готтентотам римское право, а включает их в качестве "инкюза", как правило, не покушаясь на внутреннюю автономию и самобытность.

В евразийских странах один и тот же правитель по-разному воспринимался своими подданными: для одних он был ханом, для других - царем, для третьих - императором, что, в свою очередь, подразумевало разные типы отношений между правителем и его подданными. Это создавало несколько степеней защиты власти и способствовало сохранению единства государства. Кстати, формула евразийской государственности сохранилась в титулатуре российских императоров: "император Всея Руси, царь казанский, князь курляндский и пр.". В этом был свой великий смысл, так как правители Российской империи приходили на новые земли не как московские властители, а пытались предстать преемниками прежних законных властей. И жители Тульской губернии, Бухарского эмирата, Финляндии, Польши или Закавказья, будучи все вместе подданными российской короны, тем не менее, пользовались разными правами и различной степенью свободы. Традиция эта, по сути, берет начало от Золотой Орды – классической евразийской державы, преемницей которой стала Российская империя, распространившаяся, в конце концов, практически на все то пространство, которое занимала Орда.

В этом смысле евразийская модель - это классический случай Федерации, в которой субъекты не равноправны, то есть, не унифицированы, а имеют различные формы связей с верховной властью, устанавливаемые в каждом случае индивидуально, по-современному, с учетом местных условий и традиций. Однако, в российских условиях произошла серьезная деформация, связанная с борьбой двух течений - "западников" и "евразийцев". В случае, если в России в конечном итоге развитие событий пойдет по евразийскому пути, - заключение федеративного договора с Казанью, переговоры с другими российскими республиками и регионами - то наибольшее взаимопонимание Москвы возможно скорее с центральноазиат-

ским регионом, нежели с западными республиками бывшего СССР. Но пример Чечни наводит на мысли о другом векторе.

Итоги

Таким образом, на постсоветской территории насчитывается, по крайней мере, пять моделей легитимности. Страны Балтии возвращаются в лоно европейской цивилизации. Украина, Беларусь и Молдова разрываются между континентом и его западным полуостровом. Закавказье пытается развивать кратковременную модель независимого существования (1918-1920). Две оставшиеся модели - российская и центральноазиатская - суть евразийские. Они представляют как бы разные ее полюса и претендуют, как и западноевропейская, китайская или исламская, на универсальность.

Доминирующая сегодня в мире и являющаяся своеобразным пропуском в "мировое сообщество" западноевропейская модель, которая берет начало от формулы французских просветителей XVIII века: "глас народа - глас Божий" имеет одну особенность. Носителем государственности здесь, как правило, является нация. Отсюда, собственно и пошло "право наций на самоопределение". На остальной же части планеты эти два понятия - государство и нация - совпадают крайне редко. И во многом - поэтому западноевропейская модель "пробуксовывает" за пределами собственно "западного мира". Печальный опыт бывших Югославии и СССР, а до этого - деколонизированных Азии и Африки - свидетельство тому.

НОМО ЛУДЕНС: ПРАВИЛА ИГРЫ В РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО

Возможна ли мировоззренческая кодификация российского президентства как явления культурно-политического?

Каков исторический багаж современного российского президентства? Какой кодекс предъявляет российское президентство сегодняшнему обществу?

В какие отношения вступает российское президентство с иными ветвями власти и общественными институтами?

По каким, наконец, правилам играет сегодняшнее российское президентство?

Вот, пожалуй, самый краткий список вопросов, с помощью которого структурировался дискурс о глубинных изменениях в "правилах игры" современной российской власти, института президентства, прежде всего.

Б.Г. Капустин **Грядущие выборы и правила** **шумпетерианской демократии (часть первая)**

Президентские выборы 1996 года обещают подытожить важнейший цикл в развитии российского общества. Проведение выборов подтвердит: в России сложилась определенная политическая система, период борьбы альтернатив (в той мере, в какой они относятся к основаниям системы) остался позади, правила игры устойчивы и в принципе не зависят от личности президента, окружающих его команд и клик, структуры и меры влияния проправительственных и оппозиционных сил. Эти факторы, конечно, сохранят немалое значение, но, так сказать, на оперативно-тактическом пространстве политики. Стратегические же ее параметры, которые обуславливают тип взаимодействия власти и общества, способы формирования политической "повестки дня", определение общественных целей и их соотношение с особыми интересами, разграничение публичной и частной сфер жизни и т.д., от этих факторов уже зависеть не будут.

Вынесение данных стратегических вопросов за скобки актуальной политики, замыкание ее в оперативно-тактическом пространстве, где, по определению Г. Лассуэлла она сводится к методу определения, "кто получает что, когда и как" (1), лежит в основе базисных правил игры той системы, сформированность которой должны засвидетельствовать грядущие выборы. Политическую систему, воплощающую этот метод, я назову "шумпетерианской демократией" - по имени выдающегося ученого Й.Шумпетера. В своей книге "Капитализм, социализм и демократия" он дал развернутую концептуализацию демократии, которая послужила основой для соответствующих теорий, в западной политической науке. Применяя его концепцию к нынешней российской действительности, я выдвигаю три тезиса, которые в ограниченных рамках данной статьи постараюсь, если не доказать аналитически, то хотя бы проиллюстрировать.

Первый тезис: система шумпетерианской демократии в России на уровне базисных правил к настоящему времени вполне сложилась. Грядущие выборы явятся не столько завершением или очередным этапом ее построения, сколько подтверждением ее зрелости. Возможные изменения в организации ветвей власти и их взаимоотношениях, в функционировании партий и других политических субъектов и т.п. будут иметь значение технологической отладки этой системы, а не ее конструирования.

Второй тезис: ничего уникального, если иметь в виду не второстепенные особенности, а базисные правила шумпетерианской демократии, в российской политической системе нет. Она в принципе однотипна с теми, которые существуют в так называемых "циви-

лизованных" странах. Более того, несмотря на некоторые технологические несовершенства, российская версия шумпетерианской демократии ближе к ее "чистому понятию", чем многие западные варианты, поскольку в меньшей мере опирается на условия функционирования, не создаваемые самой этой системой и логические не выводимые из нее.

Третий тезис: отечественная версия шумпетерианской демократии не способствует решению ни одной из крупных проблем, стоящих перед Россией. Но это ни в коем случае не должно интерпретироваться как признак ее обреченности и/или свидетельство неэффективности. Что касается первого, то еще В.И. Ленин убедительно показал, что строй может гнить неопределенно долго, если власть не "подтолкнуть". Но для "подталкивания" нужны политические субъекты. Следовательно, условием существования гниющего строя является не недопущение зашкаливания за некий воображаемый предел гниения, а отсутствие дееспособных противников, предотвращение трансформации "фрустрирующей" массы в субъект политического действия. Последнее же достижимо не только и не столько тиранически-репрессивными методами.(2).

О неэффективности следует сказать, что оценивать "успешность" шумпетерианской демократии (уже вследствие ее формального характера, о чем пойдет речь ниже) следует не с помощью каких-либо критериев, производных от представлений об "общем интересе" или "общественном благе" (3), - росте национального производства, повышении уровня жизни, культурное возрождение или государственное могущество и т.д., которые она принципиально не признает, а лишь на основе ее собственных внутренних критериев.

В качестве таковых Шумпетер выделяет два критерия 5): а) способность "демократического процесса устойчиво воспроизводить себя без создания ситуаций, которые заставляют прибегать к недемократическим методам"; б) способность справляться с текущими проблемами таким образом, который в конечном счете удовлетворяет всем политически значимым интересам"(4). Последнее отнюдь не означает, что получаемые в ходе "демократического процесса" результаты должны одобряться всеми.

Поскольку сам демократический процесс определяется не как власть народа, а как "власть политиков" над народом, но политиков, избираемых электоратом в условиях "свободной конкуренции" за голоса избирателей (5), то единственным логически допустимым критерием, позволяющим различить демократические и недемократические методы, является периодичность выборов при наличии минимум двух соискателей соответствующей должности.

Все иные критерии демократичности не вытекают из определения шумпетерианской демократии, являются случайными для нее и, если и присутствуют в политическом процессе, то лишь благодаря обстоятельствам, внешним по отношению к ней (как то культурные традиции, специфическое соотношение противостоящих сил и т.п.). Есть основания думать, что такие обстоятельства играют более заметную роль на Западе, чем в России, вследствие чего и был выдвинут тезис о большей близости российской версии шумпетерианской демократии к ее "чистой идее", по сравнению с западными аналогами.

Каковы несущественные, с шумпетерианской точки зрения, критерии демократичности?

Прежде всего, это критерии, которые увязывают степень демократичности с нравственностью или хотя бы "чистой игрой" "свободно конкурирующих" политиков, исключаящей махинации, обманы, тайные сговоры, закулисные давления и т.п. Шумпетер с последовательностью ученого из определения "демократического метода" выводил, что "конкуренция посредством вооруженных выступлений должна быть исключена, но это не исключает такие случаи, которые поразительно схожи с экономическими явлениями, называемыми "недобросовестной" или "мошеннической" конкуренцией или ограничением конкуренции. Мы не можем исключать их, ибо, сделав это, мы останемся с совершенно нереалистическим идеалом" (6). Технология "демократического метода" допускает и даже предполагает любые формы сговоров и мошенничества элит, если только это не приводит к вооруженному насилию, и не нарушает регулярности выборов.

Относительно России можно сказать, что кровь октября 1993 года свидетельствовала о незрелости российской шумпетерианской демократии или о важном этапе ее формирования. Нераскрытость же ни одного из нашумевших "дел" (начиная с дел Тарасова и Фильшина, кончая "чемоданами компромата" Руцкого, тем же октябрем 1993 года и "черным вторником" 1994-го), комедия договора об общественном согласии, политико-криминальные таинства чеченской авантюры и т.д. выявляют не только специфические особенности российской версии шумпетерианского метода, но и высокую степень овладения им отечественными политиками.

Другой несущественный критерий демократической политики предполагает состязание альтернативных программ по решению насущных общественных проблем или хотя бы то, что "свободно конкурирующие" политики вообще имеют в виду ими серьезно заниматься. Идеальным условием функционирования шумпетерианской демократии, как убедительно показал (наряду с другими) С.Липсет, является то, что расхождения внутри "демократического лагеря" (т.е. среди принявших базисные правила этой системы) обесмысливаются до такой степени, что становится безразлично, "какая политическая партия контролирует внутреннюю политику в той или иной нации", а сама эта партия становится "скучной" (7).

Не только бессодержательность политических программ, но и отлаженная технология "нерешений" (nondecisions) является важной составляющей шумпетерианского "демократического метода". Эта технология призвана обеспечить максимально возможное недопущение в публично обсуждаемую и тем более практически осуществляемую "повестку дня" вопросов и дел, которые выводят за рамки статус-кво и могут нарушить плавное функционирование элитного политического рынка (8). "Неуслышание" голосов групп и страт, не включенных в элитный альянс, в рамках которого протекает политическая "свободная конкуренция", страхует шумпетерианскую демократию от присутствия в сфере публичной политики альтернативных программ и, можно сказать, серьезных программ вообще.

В нынешней России технология "нерешений" вышла на большую высоту. Разве не впечатляет, к примеру, что при огромном общественном внимании к проблемам приватизации как-то затерялись элементарные вопросы: куда делись деньги от приватизации и сколько вообще их было? Как она повлияла на рост (?) производительности общественного труда и структурную перестройку экономики? Что происходит со «средним классом», формирование которого изображалось главной социально-политической задачей? Чем объяснить дичайшую (даже по меркам наиболее коррумпированных и капиталистически-авторитарных государств "третьего мира") имущественную поляризацию населения, если приватизация всех нас сделала собственниками, а политическая демократия обычно выступает фактором снижения показателей неравенства? Коммунистические проклятия по адресу приватизации с точки зрения их содержательности и реальной альтернативности относятся к тому же разряду "нерешений", как и шумпетерианско-демократический дискурс вокруг нее.

Что же касается готовности демократических политиков заниматься насущными проблемами общества ради общего блага, то, как показал Шумпетер и его последователи (9), то сие может наличествовать сугубо случайно - при стихийном совпадении их частных интересов с решением реальных проблем. Необходимости такого совпадения базисные правила шумпетерианской демократии не предполагают и предполагать не могут. Может показаться, что такое совпадение кое-где на Западе происходит чаще, чем в России. Но это объясняется не большей зрелостью там шумпетерианской системы, а опять же наличием ряда факторов, находящихся вне ее и, вообще говоря, для нее не полезных, начиная с жизнеспособных структур гражданского общества, кончая политико-культурными традициями, уходящими корнями во времена дошумпетерианского либерализма и демократизма. Насколько там обеспечено будущее этих факторов, корректирующих шумпетерианскую демократию - большой и открытый вопрос, на котором здесь нет возможности останавливаться. Во всяком случае, сам Шумпетер выражал немалый пессимизм в отношении описанного им "демократического метода" (10).

Остановимся на том критерии демократичности, который отражает волю избирателей в принятии (хотя бы ключевых) политических решений. Данное понимание демократичности с точки зрения шумпетерианства совершенно абсурдно. Шумпетер убедительно демонстрирует (в данном случае лишь своеобразно интерпретируя аргументацию, известную в классической философии от Гоббса до Гегеля), что частное лицо как таковое, т.е., как "человек", освобожденный от "гражданства", не может иметь ни интереса к общественным делам, ни, тем более, приверженности общему делу. В области политики частное лицо - современный "примитив", оно вообще не способно быть волящим субъектом, если под волей подразумевать то рационально-нравственное самоопределение индивида в обществе и в этом смысле - самопричинность и самозаконодательство (11), понятия которых были стержнем политфилософской классики.

Уже одно это делает все разговоры об отражении воли избирателей или о «представительстве» их политиками полной бессмыслицей (12). Наличие не способных к волеформированию и волеизъявлению избирателей - "примитивов" является центральным условием функционирования и самого существования шумпетерианской демократии. Верно и обратное: само существование шумпетерианской демократии показывает то, насколько "масса", действительно примитивизировалась и обезволилась. Понятие воли может здесь законно фигурировать лишь в единственном значении, - "сфабрикованная воля", которая является продуктом элитных групп - от могущественных лоббистов до профессиональных политиков и экспертов, - манипулятивно вложенным в сознание масс (13).

"Сфабрикованная воля", заменившая руссоистскую *volonte generale*, является одной из ключевых категорий теории и узловым моментом практики шумпетерианской демократии (14). "Фабрикация" воли своей оборотной стороной имеет политическую апатию населения - другое важнейшее условие функционирования шумпетерианской демократии. В ее рамках, как афористически выразил эту мысль У. Моррис-Джонс, "апатия может быть оправдана... на том основании, что она является политической добродетелью" (15). Такое понимание апатии обуславливает столь же заботливое отношение к условиям ее воспроизводства, какое характеризовало воспроизводство гражданских добродетелей в античном полисе. Шумпетер отмечал, что успешность описанного им "демократического метода" во многом зависит от того, насколько удастся "предотвратить рациональную аргументацию (в *обсуждении общественных проблем* – курсив автора) и опасность пробуждения у людей способности к критическим суждениям" (16).

Я думаю, что и по этим параметрам на фоне "цивилизованных стран" нынешняя Россия выглядит вполне достойно. Контент-анализ отечественного политического дискурса, который основными средствами массовой информации и "свободно конкурирующими" политиками сведен к перетасовыванию клише о "рынке-демократии", "тоталитаризме-коммунизме", "патриотизме-самобытности" и к кремлевско-белодомовской интригологии, мог бы убедительно показать, насколько удачно российской версии шумпетерианской демократии удастся избежать отмеченных Шумпетером опасностей. Разве не говорит о ее зрелости прогрессия апатии населения, которая столь заметна при сопоставлении участия в выборах с 1989 по 1994 год (судя по местным выборам в Санкт-Петербурге, Туле и других местах, мы по этому важному политическому показателю оставили позади Запад)? Разве не о существенном преодолении устаревших идей о представительстве народа и делегировании им власти своим слугам свидетельствует факт, что 86 % населения считают политических лидеров "не очень заботящимися о том, что думают простые люди", а 60 % не ведают, кто может защитить их интересы (17).

Некоторые отечественные радикалы склонны усматривать в этом питательную среду авторитаризма или даже признаки его роста. При этом забывают, что апатия потому и необходима шумпетерианской демократии, что оставляет народ под контролем "свободно конкурирующих" политиков и предотвращает возможные "преступные или глупые" результаты его волеизъявления, с которыми свободным политикам все равно пришлось бы, как писал Шумпетер, бороться "любыми доступными средствами"(18). В том и сила шумпетериан-

ской демократии, что она не является антитезой авторитаризму (устаревшей "классической демократией"), а органически сочетается с ним и, так сказать, вбирает его в себя. Она позволяет не просто устранить народ из сферы публичной политики (оставляя за "примитивами" право периодически являться к избирательным урнам), но осуществлять политическую деятельность только в рамках того, что, продолжает Шумпетер, "мы одобряем" (19).

Кто эти "мы" - никогда не расшифровывается, но очевидно, что речь идет не об избирателях-"примитивах". Очевидно и то, что для подавления их "преступности и тупости" в крайнем случае, действительно, можно прибегать к любым средствам. Попутно отметим, что введение понятий "преступности и тупости" есть апелляция задним числом к таким эпистемологическим и аксеологическим суждениям, которые изначально исключались из концептуальной заявки шумпетерианства, где "реальная политика" сводилась к ценностно-нейтральным формальным процедурам.

Наконец, о последнем критерии демократичности и функционировании шумпетерианской демократии. Выше приведено суждение Шумпетера о том, что таким критерием является способность системы справляться с текущими проблемами способом, который приемлем для всех политически значимых сил. Это нельзя интерпретировать так, будто "свободная конкуренция" политиков открывает возможность для учета всех интересов, существующих в данном обществе. У Шумпетера речь идет исключительно о политически значимых интересах, т.е. о таких, которые обладают силой, достаточной, чтобы заставить считаться с собой (обычно под прямой или косвенной угрозой подрыва "демократического метода"). Все остальные интересы маргинализируются, их проблемы относятся к разряду "нерешенных". Поэтому шумпетерианская демократия всегда является пактом элит (20), а не только при переходе от авторитаризма, на чем делает упор "транзитология". Этот пакт радикально отличен от тех моделей "общественного договора", которые были столь популярны в ранней новоевропейской философии.

Последние предполагали (в идеале) участие в договоре всех членов общества, и исключения делались лишь на морально-рациональных основаниях. Предназначение шумпетерианского пакта - исключить всех, кроме обладающих достаточными ресурсами для гарантированного взаимоуничтожения. Единственным основанием для включения в пакт является сила. Базисные правила игры шумпетерианской демократии в той же мере предполагают технологию исключения, в какой и апатию населения, обесмысливание общественного дискурса, "фабрикацию воли" и т.д. Пакты всегда имеют следствия, отрицательные с точки зрения моделей демократии, альтернативных шумпетерианской, но функционально необходимых именно для нее.

Назовем основные из этих следствий: уменьшение состязательности и конфликта элит (т.е. ограничение их "свободной конкуренции", о котором шла речь ранее), установление контроля за политической "повесткой дня" (что реализуется в технологии "нерешенных"), снижение подотчетности элит широкой публике (существенное условие правления политиков вместо правления народа), сознательное искажение принципа равенства граждан (элемент отмеченных ранее ритуализации и обесмысливания принципов "классической демократии") (21), уменьшение объема представительства, демобилизация "массовых факторов" (устранение народа из сферы публичной политики) и т.д. (22).

Российская действительность свидетельствует, во-первых, о высокой зрелости элитного пакта, во-вторых, о его крайней узости. Все, начиная с февральской амнистии 1994 года до бесконечного карнавала коррупции, ставшего *modus operandi* российского государства, показывает надежность взаимных гарантий "жизненных интересов" участников пакта при всех политико-идеологических контрверзах. А ошеломляющее неравенство доходов, увеличившееся за несколько посткоммунистических лет в соотношении 1:3 до 1:50 и позволившее нам оставить далеко позади все "цивилизованные страны" (23), показывает, что состав участников пакта очень ограничен, но что они мастерски освоили технологии шумпетерианской демократии. Ведь при таком обвале в экономике и в других сферах национальной

жизни, российское общество сохраняет поразительное спокойствие, которому могли бы позавидовать неизмеримо более благополучные страны.

Окончание следует

1. Lasswell H. Politics: Who Gets What, When, How. New York: Meridan Books, 1958.

2. К примеру, богатую деталями, хотя концептуально не безупречную картину аналогичных методов, практикуемых в современных западных обществах, изобразил в своих книгах М. Фуко. Их совокупный эффект заключается, с одной стороны, в ликвидации субъектности, характеризующей существование человека, а с другой - в создании "циркулирующей" власти с "сетеподобной" организацией. Это приводит к тому, что индивид оказывается не "визави власти", а ее "продуктом" и одновременно "проводником", а также "элементом ее артикуляции". См.: M. Foucault. Power/Knowledge: Pantheon Books, 1980, p. 98.

3. У нас нет возможности останавливаться на анализе доказательств беспредметности понятий "общественное благо" и "воля народа" (как и "воля" вообще), представленных Шемпетером. (См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper Torchbooks, 1975, p. 250-264). Отметим лишь, что теоретическая полемика с шумпетерианской демократией неотделима от обоснования возможности генерировать представления об общем благе в современных условиях (видимо, существенно отличные от тех, которые имелись в ранние периоды Нового времени) и формировать волю субъектов политического процесса, не редуцируя их многообразие к тотальности, наподобие "суверена" Руссо. Едва ли правильно думать, что такая полемика с шумпетерианством - из разряда академических забав, не имеющих отношения к политической практике. Сама ликвидация коммунизма и связанные с ней формы политической деятельности - от польской "Солидарности" до "живого кольца" вокруг Белого дома - это свидетельства и генерирования идей "общего блага", и субъектного волеформирования, какова бы ни была их дальнейшая судьба. Шумпетерианская методология не давала ключа к объяснению, и, тем более, предсказанию этого крупнейшего явления XX века, а потому для всей основанной на ней политической науки, как отметил А. Пжеворский, "осень народов (1989 года.- Б.К.) явилась обескураживающим провалом". A. Przeworski. Democracy and the Market. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991, p.1.

4. Schumpeter J. Op. cit. P.290

5. Schumpeter J. Op. cit. P.284-285, 269

6. Schumpeter J. Op. cit. P.271

7. Lipset S.M. Political Man. Garden City, New York: Anchor Books, 1963, P. 441, 442.

8. Классическую разработку этой темы см.: P. Bachrach and M. Baratz. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework // American Political Science Review. Vol. 57, no 3 (September 1963), P. 632-642.

9. Schumpeter J. Op. cit. P.282; A. Downs A. The Economic Theory of Democracy. New York : Harper & Brothers, 1957, P. 27, 28.

10. Schumpeter J. Op. cit. P. 298

11.См.: И. Кант. Соч. в 6 томах. Т. 4, Ч. 1. М. Мысль. 1965, С. 272-273, 326.

12. Schumpeter J. Op. cit. P. 247-248

13. Schumpeter J. Op. cit. P. 263

14.Schumpeter J. Op. cit. P. 270; «Фабрикация» воли делает границы между шумпетерианской демократией и тоталитаризмом довольно условными (если последний не отождествлять с всепроникающим террором, как это делалось в ранних концепциях тоталитаризма Х. Арндт, З. Бжезинского и К. Фридриха и др.). Шумпетерианская методология не в состоянии различить "допустимые" и "недопустимые" методы "фабрикации" воли за рамками прямого насилия. Эти трудности с присущей ему научной достоверностью отразил Р. Даль: "Грубо говоря, сущностью любой конкурентной политики является подкуп электората политиками. Но как тогда отличить голосование советского крестьянина или подкупленного бродяги от (голосования) фермера, поддерживающего кандидата, который выступает за высокие "управляемые" цены, бизнесмена, поддерживающего сторонника низких налогов на корпорации или потребителя, отдающего голос противникам налога с оборота? Полагаю, было бы приемлемым исключить предпочтения, выражаемые первой группой, но принять во внимание предпочтения второй. Если мы не исключим первого, то различия между

тоталитарной и демократической системами станут бессмысленными, а если исключим второе, то, несомненно, не найдем ни одного даже самого условного примера демократии" (Dahl R.A. A Preface to Democratic Theory. Chicago & L.: The University of Chicago Press, 1973, P. 68-69). Однако строгих логических оснований для таких манипуляций найти не удастся.

15. Morris-Jones W.H. In Defense of Apathy: Some Doubts on the Duty to Vote. In: M. Rejai (ed). Democracy: The Contemporary Theories. N.Y.: Atherton Press, 1967, P. 253.

16. Schumpeter J. Op. cit. P. 263; Добродетельность апатии вкупе с "фабрикацией" воли обесмысливает, превращает в пустой ритуал необъяснимые с точки зрения шумпетерианской демократии реликты прошлых эпох, многие ключевые принципы "классической демократии". Так, пустым формализмом оказывается принцип всеобщего избирательного права (им все равно не пользуются, поскольку это не дало бы никаких рационально-нравственных результатов, нанесло вред добродетели апатии). Шумпетер отмечает, что "мы не определяем демократию мерой распространения избирательного права". Даунс со своей стороны подчеркивает, что хотя такие нормы и институты как "один человек - один голос", фиксированная периодичность выборов, гарантии свободы слова и т.д. и встроены в систему "экономической демократии", они не выводятся из ее базовой аксиомы и должны восприниматься просто как данность - наследие предыдущих эпох.

17. Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических стран // Социс. 1995, N 1, с. 38, 40.

18. Schumpeter J. Op. cit. P. 242

19. Schumpeter J. Op. cit. P. 243

20. Под пактом подразумевается "...явное (хотя не всегда публичное) соглашение между соперничающими элитами, которое определяет правила управления на основе взаимных гарантий "жизненных интересов" всех участников" (T.L. Karl and P.C. Schmitter. Modes of transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // International Social Science Journal. Vol. XLIII, no 2, May 1991, p. 281).

21. G. O'Donnell and P.C. Schmitter. Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore & L.: The Johns Hopkins Univ. Press, 1986, p.38.

22. T.L. Karl and P.C. Schmitter. Op.cit., p. 281.

23. Российский социум в 1994 году: конфликтологическая экспертиза // Социс. 1995, N 2, с. 8.

В.Б.Кувалдин

***От полупрезидентской республики
– к суперпрезидентству***

В современном мире президентство - емкий и многоликий институт. Обычно мы мало задумываемся над тем, сколь широко он распространен и как разнообразен. В 1993 году из 183 стран, входивших в ООН, более 130 имели в своем государственном устройстве пост президента. [1]

Правда, наличие поста само по себе мало о чем говорит. Президенты есть в президентских (США), полупрезидентских (Франция), парламентских (ФРГ) республиках. Они сильно различаются объемом полномочий, характером функций, ролью в общественных делах. Конечно, реальное наполнение президентской власти не случайно: оно определяется не только политической конъюнктурой, но и традициями страны, национальной психологией, международным положением государства, культурно-цивилизационным контекстом.

Если в Европе и Северной Америке даже сильная президентская власть уравновешена парламентом и судами, то на других континентах это вовсе не обязательно. Так, в Латинской Америке глава государства нередко доминирует на политической сцене. Афроазиатская модель президентства характеризуется еще большим авторитаризмом, часто принимающим диктаторские формы. В ней "отец нации" един в трех лицах: глава государства, глава правительства и лидер правящей партии.

Президентство по самой своей сути - персонифицированный институт. В XX веке он представлен целой галереей фигур, от проходных - до вошедших в мировую историю. Экс-

позиция постоянно обновляется, совершенствуются правила игры, появляются новые феномены.

Ускоренная модернизация советского общества, начатая в середине 80-х годов, не могла обойти стороной политическую сферу. Заскорузлые формы "пролетарского государства" стали явным анахронизмом. Вся система власти работала в одном направлении - сверху вниз, не было обратной связи. "Самая передовая в мире" социалистическая демократия превратилась в смирительную рубашку, надетую на общество. Раскрепощение личности, ставшее условием выживания страны, требовало политической реформы.

В Советском Союзе идея президентства всплывала и в сталинские, и в хрущевские времена. Но была похоронена и "вождем народов", и отцом десталинизации. Как в условиях террористической диктатуры, так и в период оттепели она плохо сочеталась с логикой партийного государства, ибо она предполагала такой тип легитимности, который порывал с большевистской традицией опираться на сознательный авангард передового класса. В смене оснований всемогущие хозяева Кремля инстинктивно чувствовали опасность десакрализации власти. Да и партийному аппарату вряд ли улыбалась перспектива утратить значение несущей опоры режима.

Возрождение интереса к идее президентской республики в узком кругу приближенных молодого генсека-реформатора совпадает с началом перестройки. [2] До поры до времени идее не давали ходу, чтобы не «дразнить гусей». Нетрудно было предвидеть реакцию отторжения со стороны партийной и советской номенклатуры, почувствовавшей себя при Л.И.Брежневле настоящими и полновластными хозяевами страны. Да и старые методы пока худо-бедно работали.

В условиях кардинальных перемен это время быстро подошло к концу. Горбачевская демократизация Советского Союза со всей остротой поставила вопрос о новых формах управления огромной, сложной, переживающей эпохальные изменения страной. Постепенная ликвидация партийной монополии на власть создала опасный вакуум, грозивший разрушением государственных и общественных структур. Необходимость сохранения минимума управляемости в ситуации общенационального кризиса требовала усиления централизующего начала.

После XIX партконференции летом 1988 года началось "самоотключение" партийного аппарата от рычагов управления. М.С. Горбачева, естественно, беспокоила складывающаяся ситуация. Но он видел в ней и позитивную сторону развертывания политической инициативы масс. Можно предположить, что именно тогда, во время августовского отпуска 1988 года, он в принципе принял решение о переходе к президентской форме правления.(3) Прежде чем этот замысел был реализован, прошло более полутора лет, что намного ослабило желаемый эффект.

Прививка президентских структур на казавшееся крепким и жизнеспособным советское древо диктовалась логикой политической борьбы. Этот "ход конем" должен был повысить политический ресурс ключевых фигур, дать им в руки новые рычаги влияния. Поэтому будущее президентство кроилось под конкретными людьми - М.Горбачева, Б.Н.Ельцина, Л.М.Кравчука и так далее. Превращаясь из партийных руководителей в президентов, вчерашние аппаратчики накладывали заметный личный отпечаток на трансформирующиеся государственные институты.

Нельзя сказать, чтобы смена политических реформ в конце существования Советского Союза стала значительным событием в жизни страны. Избрание М.С.Горбачева президентом СССР на Съезде народных депутатов 15 марта 1990 года внешне мало что изменило в системе власти. Казалось, он просто заменил девальвированную партийную легитимность новой, полученной от высшего представительного органа, впервые в советское время более или менее свободно избранного всеми гражданами страны. Будничность этого события, непрямой характер избрания на высший пост в государстве, ожесточенные нападки справа и слева, опасное промедление в создании новых структур управления не позволили первому президенту СССР в полной мере использовать потенциал нового института.

Как известно, союзное президентство просуществовало менее двух лет. Учитывая послеавгустовскую агонию, два периода летних отпусков (1990 и 1991 годов), активной жизни ему было отпущено около года. Оно не успело, не смогло развернуться, и на то были веские причины. Отодвинутая в сторону партийная номенклатура стремилась взять под контроль, выхолостить - как она в свое время сделала с Советами - демократическое содержание новой системы власти. Радикальные демократы опасались (или делали вид), что президентство станет средством консервации старых элит. Аппарат управления по-прежнему ориентировался на привычную иерархию. В итоге малочисленная президентская рать оказалась как бы повисшей в воздухе, лишенной приводных ремней к основным государственным структурам.

Несмотря на краткость отпущенного ему срока, союзное президентство войдет в историю России как яркий прецедент. По своему характеру оно ближе всего к *полупрезидентской республике*, хотя весьма своеобразной. Пожалуй, его основное отличие заключается в явно незавершенном разделении исполнительной и законодательной власти.

Не следует забывать, что речь идет о президентстве в федеративном государстве, раздираемом внутренними противоречиями и конфликтами. К моменту вступления М. С. Горбачева на новый пост республиканские элиты начали выходить из повиновения и все более открыто игнорировать волю Кремля. Ситуация осложнилась до предела, когда через два с половиной месяца во главе России оказался основной соперник союзного президента - Б.Н.Ельцин. М. С. Горбачев был вынужден вести изнурительную борьбу сразу на нескольких фронтах. В таких условиях доводить до кондиции институт президентства было невозможно.

В то же время президентская республика, по-видимому, является наиболее *естественным* продуктом трансформации партийно-государственных структур полуфеодального "социализма". Об этом свидетельствует опыт наших бывших соседей по "соцлагерю". После крушения социалистического строя в Центральной и Восточной Европе почти везде во главе государства стали президенты. Правда, в соответствии с европейской политической традицией речь идет скорее о полупрезидентских и парламентских республиках с достаточно сильной представительной властью.

В постсоветском президентстве гораздо отчетливее проявились латиноамериканские и афроазиатские черты. Здесь мы скорее имеем дело с феноменом *плебисцитарного цезаризма*, когда популярный политик, укрепившись с народной поддержкой на вершинах власти, начинает подминать под себя общество. За примерами далеко ходить не надо.

Еще в советское время важнейшей вехой стало избрание прямым голосованием Б.Н. Ельцина президентом России 12 июня 1992 года. Это был мощный сигнал недовольства населения ходом реформ, желания сократить и облегчить тяготы переходного периода. Одновременно в массовом сознании российское президентство воспринималось как своеобразный противовес союзному, средство защиты интересов населения крупнейшей и богатейшей республики. А в руках властолюбивых вождей российских демократов только что созданная президентская власть стала тараном, разрушающим союзное государство.

Само обращение к идее президентства в конце советской истории знаменательно. Оно предстало как естественная форма политической организации общества в *переходный период*. Весь вопрос заключался в том, каково будет реальное наполнение этой идеи.

Ключевое значение фигуры президента в нарождающемся постсоветском мире подтвердила короткая эффектная схватка за власть 19-21 августа 1991 года между старой союзной и новой российской номенклатурой. Гэкачеписты выдвинули на первый план вице-президента СССР Г.А. Янаева, чтобы придать видимость законности своим противоправным действиям. Но они не смогли нейтрализовать эффект отсутствия законного президента страны, находившегося под домашним арестом в Форосе. Их соперники на все сто использовали выступление российского президента против заговорщиков, сделав его живым символом сопротивления антиконституционному перевороту.

Провал гэкачепистов также показал, насколько далеко страна ушла от партийного государства советского типа. Несмотря на значительную роль партийной верхушки, в официальных документах ГКЧП КПСС почти не упоминается. Во время противостояния Кремля и Белого дома коммунистические лидеры держались в тени, уступив сцену официальным лицам. Похоже, это не было тактической уловкой, а отражало новое соотношение сил между государственным и партийным аппаратом. Можно предположить, что в случае победы ГКЧП монополия КПСС на власть не была бы восстановлена. Скорей всего развитие пошло бы по среднеазиатскому сценарию, где бывшие партийные боссы, возглавив государство, быстро отодвинули "руководящую и направляющую" от реальных рычагов власти.

В декабре 1991 года *магия президентства* сыграла роковую роль в судьбах страны. Беловежский стовор не прошел бы столь легко и беспрепятственно, если бы под соответствующими документами не стояли подписи президентов крупнейших славянских республик, на долю которых приходилось около 70% населения Союза, президентов, - в отличие от М.С.Горбачева - избранных всенародным голосованием, что придавало им легитимность и развязывало руки.

После крушения союзного государства на постсоветском пространстве президенты стали расти как грибы после дождя. По числу президентов постсоветский ареал намного опережает все остальные. Появление самостийных президентов на развалинах партийно-государственных структур объясняет одну характерную черту этого периода: большую автономность власти от общества, включая и различные элитарные группировки. Как то ни парадоксально, новоиспеченные президенты часто более свободны в своих действиях, чем их предшественники - генеральные секретари. Тем нередко приходилось считаться с позицией своих соратников, основными группами давления, сложившимися нормами поведения. Диодохи, прибравшие к рукам фантастическое советское наследство, всеми правдами и неправдами стремятся избавиться от любых ограничений своей власти.

Переход от партийно-советской к президентской системе означал признание принципа разделения властей. Поскольку суды в советском обществе всегда были в загоне, реально на верховенство могла претендовать либо исполнительная, либо законодательная власть. Несмотря на краткость, постсоветская история полна примеров драматических (и трагических) коллизий между ними. Наиболее острую форму противоборство президента и парламента приобрело в России, приковав к себе внимание окружающих.

Нельзя сказать, что отношения М.С.Горбачева со Съездом народных депутатов и Верховным Советом СССР были сплошной идиллией. Случались и конфликты, и столкновения интересов. Но ничего подобного любви, переходящую в ненависть, как у Б.Н.Ельцина с российским Съездом и Верховным Советом не было. По сравнению с бурей страстей, в итоге приведшей к расстрелу Белого дома на глазах всего мира, редкие "выяснения отношений" союзного президента и парламента кажутся бурей в стакане воды.

Лобовое столкновение российских законодателей с выдвинутым ими и возвысившимся над ними Б.Н.Ельциным было во многом "запрограммировано" объективной ситуацией. Выше отмечалось, что относительно свободное избрание союзных и республиканских представительных органов на рубеже 80-90-х годов стало средством консолидации новой политической элиты, противостоящей традиционной советской номенклатуре. По мере углубления, радикализации перестроечных процессов острота противостояния увеличивалась, доходя до непримиримой вражды. С этой точки зрения достаточно сравнить баталии на союзном и российском Съездах народных депутатов. Переигравшие своих противников российские парламентарии-антикоммунисты чувствовали себя хозяевами свалившейся в руки огромной страны.

Но логика событий разворачивала Россию, как и другие постсоветские государства, в сторону сильной президентской власти. Вчерашние герои понимали, что плоды победы могут легко ускользнуть из их рук. По уровню культуры и подготовки они явно уступали "старшим братьям" - союзным парламентариям. Умение и желание находить взаимоприемлемые компромиссы никогда не были их сильной чертой.

В условиях катастрофического кризиса российского общества под воздействием плохо продуманных, своекорыстных реформ исполнительная и законодательная власти изо всех сил старались переложить бремя ответственности друг на друга. В несформированной партийно-политической системе президентские структуры и парламент все больше выступали как *суперпартии*, борющиеся за политическую власть. Невозможность одержать победу в конституционных рамках выталкивала сцепившихся противников за пределы правового поля.

Наспех сколоченный каркас российской государственности страдал большими изъянами. И Съезд, и президент были избраны всем населением России и имели одинаковую легитимность. Их prerogatives то расширялись, то сужались, и никогда не были четко разделены. Свои конфликты они не могли урегулировать ни на основе прецедента, ни при помощи Конституционного Суда, ни путем референдума. В итоге осталось только одно - сила, которая порой заменяет разум.

После кровавого октября 1993 года кремлевские стратеги осуществили глубокую ревизию конституционных положений с тем, чтобы исключить в будущем даже теоретическую возможность возникновения двоевластия. Это было достигнуто путем такого расширения президентских prerogatives (и, соответственно, урезания прав парламента), что эксперты определяют современный политический строй России как *суперпрезидентскую* республику. Президент может распустить заартачившийся парламент, а парламент не в состоянии поставить на место зарвавшегося президента. Правительство подотчетно президенту, а не парламенту. В то же время, не будучи главой правительства, он формально не несет ответственности за его действия. Этот список можно продолжить.

Полтора года жизни новой Конституции показали, что создана очень несбалансированная система, гораздо больше напоминающая советское единовластие, чем современную демократию. Если горбачевское президентство страдало недостатком полномочий, то ельцинское - явным избытком. Поэтому поиски новых форм разделения и баланса властей, усиление системы сдерживания и противостояния гипертрофированной личной власти остаются проблемой номер один государственного устройства постсоветской России.

История становления президентства в России столь же уникальна и неповторима, как в любой другой стране. Но в ней также проглядывают черты, общие для целой группы стран, распрощавшихся со своим социалистическим прошлым. Они значительно пополнили мировую коллекцию президентских режимов, дав ученым и практикам обильную пищу для размышлений о современных формах организации политической власти.

Оглядываясь назад, трудно предположить, что от партийного государства можно прямо перейти к развитой демократии. Над постсоциалистическими странами тяготеет императив догоняющего развития, они вынуждены ускоренно модернизировать народное хозяйство, политическую систему, национальную культуру в широком смысле слова. Такой рывок, который время от времени делают разные государства, требует мобилизации духовных и материальных ресурсов, концентрации политической воли, сильной власти. В странах, не избалованных демократическими традициями, это часто означает режим личной власти.

Тяжелая наследственность и сила обстоятельств не перекрывают наглухо дорогу к демократии. Пятнадцать постсоветских государств демонстрируют широкую гамму возможностей от туркменбашизации до создания парламентских республик, продвигаясь из одного исходного пункта. Если ограничиться только славянскими республиками, то острые конфликты президентов и парламентов в России, на Украине и Белоруссии решались по-разному и с неодинаковыми результатами. Даже внутри России, в национальных республиках возникают различные комбинации исполнительной, законодательной и судебной власти. Многое зависит от так называемого субъективного фактора - личных качеств людей, оказавшихся на политическом Олимпе в смутное время больших перемен.

В постсоциалистических обществах характер политической власти определяет не только степень свободы граждан, но и тип экономического и социального развития. Установление олигархических режимов под видом президентских республик ведет к крайне несправедливой приватизации государственной собственности, быстрой имущественной поляризации, засилию паразитических форм капитала, социальной напряженности. Материальная придавленность закрепляет гражданское и политическое бесправие основной части населения. В стране образуются два общества, находящиеся в состоянии постоянной вражды друг с другом. Трансформация жизненного уклада идет мучительно и затягивается надолго.

Президентство стало общим политическим знаменателем постсоциалистического мира. Но его смысл и направленность могут быть прямо противоположными. В президентскую оболочку можно упаковать традиционные отношения и структуры. Президентская власть может стать мощным рычагом последовательной демократизации общества. Президентство таит в себе богатые возможности, и не только позитивного свойства.

1. Сахаров Н.А. Институт президентства в современном мире. М., 1994, с.3, 23.

2. По свидетельству помощника М.С.Горбачева Г.Х.Шахназарова, в 1985 году он вместе с В.А.Медведевым направил своему шефу записку, в которой предлагалось рассмотреть вопрос о целесообразности введения поста президента. - См. Кузнецов Е.Л. Создание института Президента СССР. Политологические аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 1994, с.10.

3. На эту мысль наводят некоторые пассажи в мемуарах другого помощника М.С.Горбачева. См. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993, с.229, 233-234, 237, 238.

В.Т. Третьяков
Российское президентство
и общественное согласие

В какой степени российское президентство *уже* выступает гарантом общественного согласия в стране? Это одна из ключевых политических тем для России вообще и конкретно - для нашего общества сегодня.

На мой взгляд, есть некоторые предпосылки для позитивного ответа на вопрос: «Да, в какой-то степени, а временами - в довольно значительной». Но такой ответ крайне неточен. Ведь все позитивные тенденции здесь - не что иное, как проявление очевидного факта: наличие в любой организации конкретного начальника (плохого или хорошего, алкоголика или трезвенника, дурака или гения, приходящего каждый день или вообще на появляющегося на работе - все равно) оказывается лишь завершением бюрократического механизма, который в той или иной степени сохраняет структуру этой организации и не позволяет разным ее частям пожирать друг друга.

За последние сто лет сменилось, по крайней мере, несколько режимов. Российское государство было построено по принципу единоначалия. Кем был царь? Президентом. Генсек? Президентом. Кем является нынешний наш президент? Царем или Генсеком. Разные названия фактически одной и той же должности. Конечно, есть нюансы, есть различия, но сейчас я говорю лишь о том, что в течение рассматриваемого столетия наличие самой должности (царя-генсека-президента) не избавило российское общество ни от внешних, ни от гражданских войн, т.е. уничтожения одной части общества другой, концлагерей, подавления всяких бунтов, преступности, прямого геноцида по отношению к различным нациям и народам, травли диссидентов как в советское, так и в царское время. Разные методы, суть одна.

Целый ряд исторических фактов дают отрицательный ответ на вопрос, вынесенный в начало этой статьи.

К отрицательному ответу подталкивает также и то, что дело по большому счету не в президентстве как таковом. Сложные иерархические системы, к которым относится общество в совокупности с государством, могут управляться по-разному. Существуют классические монархии, псевдомонархии, президентские республики и парламентские республики, причем среди последних встречаются имеющие пост президента (это фактически президентские республики), а также с единоначалием без поста президента (эту функцию выполняет другой государственный деятель) и т. д.

Проблема не в том, каким образом сверху управляется общество: через волю одного человека, избранного прямым голосованием граждан, или через волю одного человека, оформленную по династической традиции наследования власти. Неважно даже, хороши или плохи царь, президент или парламент. Важно, что общество подчиняется тому, что он сказал, какой указа выпустил. Что-то не выполняется, что-то корректируется, но существует общественное согласие в том, что эту волю нужно выполнять. Сам по себе механизм управления обществом или государством определяет стабильность, общественное согласие. Говоря об общественном согласии, я имею в виду не согласие внутри самого общества - президент является лидером государства, - а, прежде всего, государственный механизм как гарантию общественного согласия.

На мой взгляд, в России ни один высокий пост или, как доказано исторически, человек, являющийся президентом, не могут быть гарантами общественного согласия. Таким гарантом является признанный обществом механизм передачи власти от одного обладателя соответствующего поста - другому. Желательно, чтобы этот механизм был установлен законом, но главное все же общественное признание, т.е. признание политическими силами, существующими в обществе.

Некоторые политические фигуры могут своей личностью, поведением, политикой компенсировать недостатки, связанные с отсутствием данного механизма. Практически каждая из исторических фигур, так или иначе, в течение какого-то периода времени служила гарантом общественного согласия.

Например, царь - с начала нашего века до 1917 года. За счет чего? Это было признанное обществом династическое управление. У Временного правительства ничего не получилось, потому что качественно новые институты так и не заработали в тот период. В.И.Ленину силой своего политического гения (он, безусловно, гениален, о знаке можно спорить) удалось на короткое время с помощью в первую очередь НЭПа создать некоторые моменты общественного согласия, но он скоро ушел из жизни. И.В.Сталин? В тоталитарном обществе есть элементы общественного согласия, другое дело, что они, в частности, основываются на страхе подавляемых слоев и нежелании тех, кого сейчас не подавляют, оказаться в той же роли. Л.И.Брежнев? Его время в определенной степени можно считать "золотым веком" России XX века. Это самые светлые времена, особенно последний период, несомненно характеризующиеся элементами общественного согласия. М.С. Горбачев? Может быть только в первый период его правления такое согласие было. Б.Н.Ельцин? С ним связан совсем короткий период согласия, истекший еще до того, как он официально стал главой государства.

Но это все очень непрочное. Тут нужна и гениальная, и положительная фигура, а такой у нас не было.

В 1996 году, как известно, должны состояться президентские выборы в США и в России. В США нет дискуссии, будут выборы или не будут, а в России такая дискуссия идет. Следовательно, не сам пост президента, а наличие нормального механизма смены занимающих его лиц является гарантом общественного согласия.

Для России - это вечная проблема. Когда император (а что такое император? Суперпрезидент) Петр I умер, не оставив четких распоряжений о престолонаследовании, а в обществе не было представлений о его механизме, началось то, что называется эпохой дворцовых переворотов. В нашей стране вся послеоктябрьская эпоха - эпоха дворцовых переворотов. Сталин с помощью тихого бюрократического переворота захватил часть власти,

лишив ее Ленина. Троцкий был побежден Сталиным, опять же, с помощью бюрократического переворота. Когда Сталин умер, начались классические дворцовые перевороты, пока Хрущев окончательно не стал у власти. Хрущева сместили с помощью дворцового переворота. Брежнев умер своей смертью, его никто не смещал насильственно. С помощью дворцового переворота был назначен сначала Андропов, потом Черненко и затем Горбачев. А Горбачева сместили опять же с помощью классического дворцового переворота – сначала ГКЧП, а потом - Ельцин.

На протяжении этого столетия мы не найдем в России ни одного примера нормальной передачи власти. Возьмем самый современный период. Когда пришел к власти Горбачев, энтузиазм народа способствовал его общественной поддержке. Но именно потому, что по большому счету его приход к власти был основан не на законе, а на партийной традиции, он в конечном итоге и потерял эту власть. Если бы он в результате нормального законного механизма, существующего в обществе, он пришел к власти, то его никто бы не сместил в 1991 году, а если бы сместил, то последствия для этих людей были бы несколько иные, чем то, что имеем сейчас.

Российское президентство (как институт) может выступить гарантом общественного согласия в стране только в том случае - и оно сделает первый шаг к этому - если в 1996 году произойдут президентские выборы. Произойдут именно в 1996 году, не в 1997. Перенесенные выборы создадут уже иную ситуацию. Что, например, случится, если парламент решит перенести президентские выборы? Вроде бы именно законодательная власть принимает такое решение - все нормально. На самом деле это принципиально переменит обстановку. Если в июне 1996 года состоятся президентские выборы, - неважно, кто победит: коммунист, фашист, демократ, ретроград - сам факт проведения этих выборов, особенно если они будут по-настоящему свободные, нефальсифицированные, будет первым существенным шагом к тому, чтобы институт президентства выступал гарантом общественного согласия в стране.

Поэтому, повторяю, дело не в том, есть президент или нет президентства, какие указы выпускаются, сколько лет президент занимает эту должность. Общественное согласие, как минимум, начинается со второго президента, а, скорее всего, - с третьего. Вот тогда можно говорить о настоящем общественном согласии.

Распространено мнение, что президентство в России - институция молодая и потому национальная модель российского президентства еще не выработалась. Я бы с этим мнением не согласился. Если такая модель еще и не оформилась, то все же находится на финальной стадии своего оформления.

Внешняя тенденция - модель "Самодержец", присущая российской традиции. Только идет постоянный спор: это российский народ всегда хочет царя или государство не хочет сдавать свои позиции, все время навязывает народу царя? Я считаю, что не столько народ хочет царя, сколько ему царя всегда навязывают. Три режима - самодержавной России, коммунистической России с властью генсека, фактически беспредельной, и нынешнего президентства - это три ипостаси одной исторической роли, одной исторической функции, одной, как мне кажется, изжившей себя государственнической функции.

Я считаю, что эта модель выдается за национальную вследствие субъективных усилий бюрократии (номенклатуры, государственно-монополистической мафии - как угодно можно называть), но на самом деле она не национальная в том смысле, что не соответствует интересам общества. Данная модель национальна в ретроспективе. В перспективе же она должна рухнуть, она уже рушилась в 1917 году, в 1991 году.

В какой степени и как личность президента способна влиять на метаморфозы президентства? В нашей стране, к сожалению, может влиять очень сильно. Если на протяжении одного и того же исторического периода одну и ту же «функцию» у нас называли "государь-император", "генеральный секретарь" и "президент", можно предположить, что помимо некой политической моды, которая так или иначе захватывает весь мир, во многом это связано

с личными политическими пристрастиями конкретных людей. Например, известно, что сейчас идет спор относительно российской государственной символики. Указом президента введена одна символика - двуглавый орел, трехцветное знамя. А Государственная Дума в некоторой своей части оспаривает эту символику. Решение было принято в нарушение и предшествующей конституции, и ныне действующей. По сути оно незаконное.

Кому не известно, что сама Конституция делалась под конкретного президента и под его наблюдением? Правда, он наблюдал далеко не за всем, насколько я знаю. Ему показывали несколько статей, которые касаются его (президента) прав - вот что интересовало его в первую очередь. Коль скоро эти несколько статей его удовлетворили, все остальное было принято «за компанию».

Другой пример. Зачем надо было разрушать Советский Союз? Совершенно очевидно, что Советский Союз был ликвидирован во многом для того, чтобы ликвидировать Горбачева как политического деятеля, как государственную фигуру и занять его должность. Почему это нельзя было сделать через президентские выборы на союзном уровне и просто обыграть его в острой конкурентной борьбе? В результате был выбран радикальный вариант, во всем продиктованный вкусом и эмоциями конкретного человека - Ельцина. Октябрь 1993 года - то же самое.

Как такового президентства (как социального института в классической форме) у нас не существует. Фактически существует ряд превращений функции государственных «главных начальников», самодержцев, которая наполняется большим или меньшим содержанием. Однако, имеются по крайней мере два фактора, ограничивающих личный субъективный интерес той или иной личности, находящейся на этом посту. Это власть и интересы российской бюрократии. Коль скоро ее удовлетворяет президент с таким объемом полномочий, ему многое разрешают. Коль скоро нужно сделать так, чтобы он был некой сакральной фигурой, максимально отделенной от народа и время от времени спускающейся к нему с небес, он должен ездить не на трамвае, не на троллейбусе, как в то время, когда шел к власти, не на "Москвиче", как в период предвластия, а на черном ЗИЛе, который останавливает дорожное движение в нарушение всех демократических норм и принципов. Известно, что королевские персоны в большинстве стран Европы не ездят с такой помпой, как наш демократический президент.

Конкретному бюрократу, который в данный момент может оказаться на пути движения президентского кортежа в данную минуту, это мешает: он может куда-то опоздать и потерять немалые деньги, даже обладая супермерседесом, охраной на "Джипе" и удостоверениями всех президентских служб. Но в целом для бюрократической системы это логично и приемлемо, поэтому и дозволяется. Поэтому дозволяется утверждать гербы, восстанавливаются отжившие институты, - казачество, например. Это удовлетворяет бюрократию, реальный правящий класс, такой же, какой правил и в Советском Союзе.

Понятно, что интересы номенклатуры и бюрократии находятся как минимум в значительном противоречии с интересами общества. Это и создает возможность для того, чтобы субъективная воля конкретного президента могла проявляться в чем угодно, в том числе и в некоторых причудах.

Я как-то был в поездке в Соединенные Штаты с двумя депутатами Государственной Думы. В ходе бесед у нас родилась идея, прямо отвечающая на вопрос о том, в какой степени личность способна влиять на модельные метаморфозы президентства. В шутку было предложено внести в Думу законопроект на следующую тему: в государстве какого размера российскому президенту разрешается проспать? Создавались сложные градации. Ясное дело, в США, в силу высокого статуса этого государства и важности взаимоотношений с Россией, на российского президента накладываются определенные ограничения: находясь с официальным визитом в этом государстве, он не может проспать и сорвать свидание. А вот в Ирландии, Бельгии, Греции, в целом ряде мелких государств это разрешается: он может заснуть в любую минуту и не явиться на свидание. Есть промежуточные градации: слабое государство, с ядерным статусом, с очень важными взаимоотношениями с Россией, с инте-

ресным геополитическим положением. Да, это шутка. Такой законопроект никто не выдвигал и всерьез не обсуждал. А почему? Почему бы его не выдвинуть? Почему бы его не принять? Чем бы этот закон нарушил сложившуюся систему? Он бы только упорядочил ныне существующее положение вещей.

Я считаю, что президент - не более, чем обычный гражданин, и, следовательно, роль его личности должна быть минимальной. Если у него есть выдающиеся способности, - это хорошо, но это не значит, что из личных достоинств нужно строить государственное здание, здание президентства. Ведь следующий президент может не обладать этими качествами и, скорее всего, не будет ими обладать. Тогда вся конструкция повиснет в воздухе.

А у нас ориентируются даже не на позитивные качества какой-либо фигуры, находящейся на вершине власти, а на негативные. Создают конструкцию, которая бы соответствовала негативным качествам этой личности. Такое положение дел в какой-то мере естественно, потому что наверх проходит гораздо больше заурядных личностей, чем незаурядных.

Я абсолютно уверен, что российский электорат, российский народ, российское общество вполне подготовлены к предстоящим выборам. Можно спорить о формах и видах демократичности избирателей. Можно спорить о соборности, о коллективистском начале, более выраженном в России, чем на Западе, о меньшей эгоистичности и большей расхлябанности и т.п. В дискуссии западников и славянофилов эти вопросы подробно обсуждались. Ясно, что русский человек вполне подготовлен к демократии, он может вполне осознанно сделать выбор на любых выборах, в том числе и президентских. И все аргументы противоположного свойства являются несерьезными - нужно разобраться, не существует ли более глубоких тенденций, которых такого рода аргументация не учитывает.

Внешне эти аргументы выглядят серьезными. Кроме того, они высказываются людьми (и демократами, и не демократами), занимающими определенные позиции в государственных структурах. Самый распространенный аргумент: "Альтернативы нет". Как же можно говорить о демократии, о выборах и заявлять при этом, что нет альтернативы какому-то человеку, пусть самому гениальному, хотя это явно не относится к нашему президенту? Человек, который утверждает, что у нас демократия, но альтернативы этому президенту нет, моментально попадает в логическое противоречие. На то и демократия, что выбор есть всегда, на то и альтернатива, чтобы реализовываться через выборы, а не через решения группы людей о том, есть хорошая замена президенту.

Народ готов к выборам. Если проанализировать голосование на многочисленных референдумах, выборах (местных, среднего уровня, государственных, включая президентские выборы в СССР, в отдельно взятых странах СНГ), если объективно проанализировать положение дел, отрешившись от политических и партийных пристрастий, мы увидим, что народ всякий раз делал определенный выбор. Это не было случайное шараханье из одной крайности в другую. Всему произошедшему есть причины, связанные с оценкой поведения конкретных политиков.

"Да, мне очень нравится демократия, но если во главе демократического государства будет стоять такой человек, как "икс", то я проголосую против демократии", - это понятное, нормальное волеизъявление народа, в нем есть логика. Это в определенной степени демократическое голосование: у избирателя нет иной возможности, как воспользоваться конкретным вопросом, давая ответ на другой вопрос, который его сейчас больше интересует. Здесь как бы искажается волеизъявление? На самом деле все очень просто. Народ делает правильный выбор при всех условиях. Говорят, большевики изнасиловали страну и силой установили свой режим? Попробуйте, установите режим силой, если массы населения этого не хотят.

Насколько фундаментально прочувствован в нашем обществе тезис о прямой связи президентства с общественным согласием? Конечно, нормальный человек (то есть не политик, не журналист - это все исключения из нормы в общепринятом смысле слова, извращения на почве образованности либо ангажированности какими-то политическими институ-

тами), не размышляет об этом буквально. Люди хотят видеть, в общем-то, очень немногое. Они хотят ощущать, что их волеизъявление не используется в целях конкретной фигуры – будь то Ельцин, Горбачев, Жириновский, Зюганов, Явлинский. Главное, чтобы власть подчинялась нормальному механизму принятия политических решений, чтобы государство не нависало как монстр, как вампир, как кровопийца над обществом.

Выборы предназначены как раз для ограничения произвола власти, ее вампирских наклонностей. А как будет называться это милое животное, ласково заботящееся о гражданах, и одновременно сильное, ограждающее граждан от посягательств на их собственность, на жизнь, от внешней угрозы - это для них не важно. Будет ли это кот пушистый с длинными когтями, или пес цепной и умный, - это не главное. Лишь бы это не был вампир сосущий.

Один из аспектов понятия «общественное согласие» состоит в том, чтобы государство не пожирало общество. Иными словами: мне не нужно злое государство, соответственно, мне не нужен человек, который будет создавать это злое государство, который доброе государство превратит в злое. Если одни видят в коммунистах злых людей, то они и будут выступать против Зюганова. Но другие, наоборот, видят в коммунистах добрых людей, потому что при коммунистах были и низкие цены, и дешевые квартиры, и много чего другого. Они и будут выступать за Зюганова, но не как за идею общественного согласия, не потому, что им важна идея коммунизма, а потому, что они оценивают сегодня свой жизненный опыт вчерашними мерками и надеются, что коммунисты восстановят более «доброе государство». Вот и все.

Но любой ли результат голосования способствует достижению общественного согласия? Напрашивается категоричный ответ: не любой. Это совершенно очевидно. Возьмем тот же самый референдум в республиках по поводу отделении от Союза. Общественного согласия это голосование в республиках не вызвало, раскололись сами республики. Сейчас стоит вопрос о том, сохранятся ли они, как нечто единое в общественном и в государственном отношениях.

Ценность механизма выборов и голосования состоит не в том, что мы не голосовали сто лет, а потом раз проголосовали правильно и все изменили так, как нужно, или, наоборот, изменили не правильно и схватились за голову: «Ах, как плохо устраивать выборы». Есть вещи, которые ценны сами по себе. Возьмем бриллиант. Почти у каждой женщины есть небольшое бриллиантовое кольцо, у многих во всяком случае. Но есть бриллиант в короне английской королевы и он - самоценен. Наличие большого количества мелких бриллиантов только оттеняет самоценность самого большого.

А есть явления другого порядка, когда важна, например, не величина, а традиция, чтоб нечто было регулярным – происходило в установленные традицией и законом периоды, чтобы цепь не прерывалась: выборы, народное волеизъявление, народное голосование - цепочка.

Должна быть цепочка. Тем более, как известно, демократия не сводится только к президентским или только к парламентским выборам: должно быть несколько цепочек. На национальном уровне чаще всего имеются как минимум две дублирующие цепочки выборов - исполнительная власть и законодательная власть. На среднем уровне - земли, области, штаты; дальше - местное самоуправление. Плюс независимая судебная система и все другие страхующие механизмы. В одном звене может быть порыв - на любом уровне, но общество не распадается, система не распадается, потому что другие цепочки держат общественную систему в этот момент в состоянии равновесия. Постепенно ткань наращивается, зарубцовывается, и единство сохраняется.

Так что конкретный результат конкретного народного голосования может не то что не совпадать с интересами общественного согласия, но и прямо им противоречить, то есть прямо разжигать гражданскую войну. Или не гражданскую. Допустим, одним голосованием можно сейчас решить отнять Крым у Украины. Почему бы нет, если провести референдум? Я думаю, что при определенной удачной формулировке вопроса можно получить и

такой ответ, который дает возможность фактически насильно попытаться отобрать Крым у Украины. Будет общественное согласие, будет голосование, будет, вообще-то говоря, цель, которая в принципе не противоречит интересам России, поскольку у России бесспорно больше прав на Крым, чем у Украины. Это будет добро? И так, важно не разовое демократическое голосование, а стабильный демократический механизм.

Какова судьба этого механизма в России, что можно прогнозировать? Я считаю, что этот механизм как бы запущен нашим обществом. Да, имеется много попыток поставить ему ограничения. Процесс прерывается всякими разборками, в том числе по поводу легитимности нынешнего парламента. Конечно, там были фальсификации, скорее всего, выборы вообще не состоялись, и, видимо, Конституция не была принята. Но все это другие аспекты проблемы. И коль скоро механизм выборов будет работать, у меня нет никаких опасений относительно результатов народного голосования. В конечном итоге оно будет нормальным. Я думаю, что в значительной степени по каждому отдельным выборам оно будет более или менее нормальным, то есть более или менее позитивным как раз относительно этого искомого общественного согласия. Конечно, есть большая проблема с так называемыми мафиозными структурами, с проникновением криминальных элементов во власть. Но это отдельная проблема, ее можно обсуждать в связи с конкретной исторической ситуацией.

В то же время мой прогноз относительно поведения аппарата и того субъекта, который, как мы выяснили, может оказывать большое влияние на ход событий, связан с очень серьезными опасениями.

Сегодня нельзя дать никаких гарантий, что выборы в июне 1996 года состоятся, более того, возникает все больше и больше аргументов, фактов, предчувствий, что выборы будут если и не отменены полностью, то перенесены. Это плохо, потому что тогда цепочки как раз и не станет, тогда ошибка в одном голосовании - арифметическая, бюрократическая, манипуляторская, просто эмоциональная - может оказаться катастрофической.

Хорошо бы понять, каким образом тема общественного согласия включена в разные предвыборные стратегии, технологии, идеологии. Точно об этом сказать нельзя, потому что, как известно, у нас пока не существует партий с четко разработанными идеологиями, программами. У большинства партий они, вообще говоря, отсутствуют. Я имею в виду, что они отсутствуют как общественный факт, потому что люди не представляют содержание этих документов. Вот коммунистическую идеологию представляют, знают, чего хотели коммунисты. Неважно, что желаемое расходилось с действительным, многие избиратели не просто по традиции бросали бюллетень "за", - так было принято и опасно было голосовать не "за", но и помимо этого, они представляли официальную эту идеологию и политическую платформу. Для большинства избирателей она не выглядела ужасной, потому что геноцид, концлагеря, ГУЛАГ, атомные удары по другим странам и прочее в этой платформе не присутствовали. Сейчас же в сознании избирателей ясных представлений о предвыборных идеологиях нет. Разве что, если бы была создана партия Ельцина, многие избиратели просто чутьем бы понимали, что от него ждать, какая может быть там платформа.

В головах политиков, в документах, в планах конкретных партий и особенно их лидеров эти платформы существуют. И если следить сейчас за текущим политическим процессом, за высказываниями лидеров - важнее платформ то, что сейчас говорят люди в дискуссиях, на митингах, в интервью, - можно сказать, что у нас крайне мало партий или движений, в которых идея общественного согласия включена не просто в идеологию, но и в технологию. В стратегию она, может, и включена, в идеологию, скорее всего, тоже. В первую очередь идея согласия включается в идеологию как идеал, во-вторых, в стратегию, где формируются задачи на будущее. Но в технологию - нет. В рамках политических технологий сейчас решаются в качестве самых главных две проблемы: получить власть как власть, обыграть конкурентов, и, второе, использовать власть как собственность.

Последнее опаснее. Замена министра, премьер-министра, президента по большому счету не сказывается и не должно сказаться на самочувствии общества как такового. Лично

Ельцин, конечно, не думает о собственности, но все, кто ниже него, об этом думают, вынуждены думать, - они связаны с переделом собственности. Естественно, в такой ситуации ни о каком общественном согласии речи быть не может.

Месяца три-четыре назад я встречался в дискуссии на радиостанции "Свобода" с Александром Руцким, которого давно уже не видел. В эфире и после эфира задавал ему один и тот же вопрос: "Александр Владимирович, я не очень уверен, что Вы придете к власти, немного шансов. А если Вы придете, я надеюсь, что Вы не совершите глупости. Что все несправедливо разделили, обокрали народ - это все так. Но не будете же Вы сажать в тюрьмы, судить и отбирать!" - "Нет, нет и нет, я не буду."

И вот на днях я услышал ссылку на какое-то интервью Руцкого, где он сказал, что, не все, конечно, переделит, но нужно будет наказать, посадить тех, кто нагрбил. Если человек нагрбил, его, конечно, нужно судить и посадить. Но есть уголовное право, а есть политика. Эти вещи часто, особенно сегодня, близко соприкасаются друг с другом, но смешивать их полностью - это значит вести к гражданской войне.

Конечно, те, кто сейчас находится у власти, наименее опасны. Они уже имеют какую-то собственность, им не нужно ничего перераспределять, достаточно удержать свое. Они как бы заинтересованы в общественном согласии: если бы все оставалось так, как оставалось, их бы это удовлетворяло. Однако нет общественного согласия по поводу того, что они получили. И поэтому они заинтересованы в сохранении своей власти, а не в том, чтобы наступило общественное согласие.

Что такое общественное согласие? Его параметров не так уж много. Стабильно общество единодушно принимает только самые простые, нормальные вещи. Например, лучше не воевать, чем воевать. С этим, скорее всего, согласны все. Собственность, законным путем полученную, лучше не отбирать, чем отбирать. Законным путем полученная собственность создает один класс богатых, а другой класс бедных, и это является определенной проблемой для общества, иногда очень острой проблемой. Но издержки от передела больше, чем от сохранения этой системы.

Но сохранение власти за теми, у кого власть сегодня, - это не та технология, которая ведет к общественному согласию. Совершенно очевидно, большинство избирателей, чтоб эта власть сохранялась. Поэтому любые, даже самые разумные решения по сохранению статус-кво будут - здесь, конечно, нужно просчитывать - я думаю, больше дестабилизировать нарождающееся общественное согласие, чем, наоборот, его укреплять.

Вообще-то неплохо было бы, чтобы нынешняя власть еще пару лет сохранялась. Возможно, в какой-то степени это стабилизировало бы позитивные моменты в жизни общества. Но коль скоро выборы уже объявлены, я считаю, что их перенос под видом достижения общественного согласия на самом деле будет нарушать его.

Из тех политиков, которых знаю я лично, искренность которых могу соотносить с их программными документами, назову Явлинского. Сейчас поступки и слова Явлинского много критикуются, но все-таки, судя по словам, делам, программам, и в стратегии, и в технологии, и в идеологии у него предусмотрено общественное согласие.

Гайдар? Хотя он сейчас много об общественном согласии говорит, предшествующий опыт доказывает, что он это говорит просто вынуждено. Можно предполагать, что он говорит об общественном согласии потому, что опасается расплаты за свои прошлые поступки и, кроме того, является сейчас политическим аутсайдером. Ирина Хакамада выступает с подобными идеями. Много говорит сейчас об общественном согласии Горбачев. В российском политическом лексиконе, особенно для избирателя, социальная справедливость является заменителем общественного согласия. И в широком смысле слова "социальная справедливость" совпадает с "общественным согласием". Но поскольку термин "социальная справедливость" заимствован из левого, из коммунистического партийно-программного лексикона, то, конечно, противники коммунистов, противники левых идей усматривают здесь угрозу, что у них все отберут, что их личные богатства будут розданы тем, кто сегодня беден.

Партии собственников, то есть так или иначе замешанные на идее эгоизма (чтобы помогать бедному, нужно сначала стать богатым), рассматривают общественное согласие как далекую стратегическую цель. Они готовы рассматривать это и как тактическую цель, однако у них есть одно требование: "Общественное согласие - на наших условиях. Мы можем признать, что раздел собственности произведен не очень хорошо. Но мы талантливы, пока вы спали, мы рисковали. Давайте с этим согласимся. Подождите, мы разбогатеем, таких, как мы, станет еще больше, и мы будем отдавать больше вам".

В лучшем случае четверть реальных политических сил, реальных политических фигур, которые могут оспаривать победу на выборах (парламентских и президентских), будут придавать большое значение общественному согласию и в стратегии, и в технологии, и в идеологии, и в своей реальной деятельности, если придут к власти.

Бюрократическая система консервативна и бюрократия заинтересована в общественном согласии. На своих условиях, но все-таки заинтересована, и в этом смысле бюрократия является стабилизирующим фактором. По большому счету все это, конечно, не столько общественное согласие, сколько общественный договор как соблюдение некоторых непреложных ценностей. Вот американский летчик пропал в Боснии. Его поиск, возвращение, торжества и почести, которые воздавались - все это является проявлением общественного согласия, существующего в американской политической и общественной системе по поводу ценности отдельного гражданина США. А у нас каковы судьбы плененных в Чечне? Ну, медаль дадут...

Американское общество по большому счету очень эгоистично, разбито на молекулярные группы и там жить - отнюдь не сахар. Российское дореволюционное и советское общество более коллективистское. Но общественное согласие в США фиксируется неким общественным договором, не обязательно выводится на бумаге, зато действует железно: в определенных ситуациях все отвергается, судьбы политиков самой высокой категории летят под откос, если есть какая-то угроза неким постулатам, зафиксированным в этом общественном договоре. У нас, конечно, такого согласия по поводу ценности личности нет. Во всяком случае, пока здесь прогноз не очень утешительный.

Еще раз: если не будут регулярно проводиться выборы, никакого общественного согласия не может быть. Собственно оно и отрабатывается - не его содержание, содержание рождается в жизни и оформляется в виде писаных или не писаных норм, догм, которые никто не имеет права нарушить либо из-за того, что они сформулированы в законе, либо из-за того, что так в обществе принято. Нормы отрабатываются в ходе выборов, в процессе которых тех, кто делает "не так", сменяют другие, потом третьи, четвертые. Так постепенно вырабатывается срединный курс. Он потом и будет называться общественным согласием.

Если сейчас у 25% общества есть опасение, что победят остальные 75%, не очень заинтересованные на общественное согласие по своему мышлению, политическому поведению, и, поэтому лучше отменить выборы, то на следующих выборах у нас будет еще меньше - 5% людей, готовых пойти по пути общественного согласия, а 95% - других. Очевидно, что нужно расширять число людей, нацеленных на общественное согласие путем проведения выборов, а не уменьшать это число, отменяя их.

Д.Е. Фурман

***Является ли современное российское
президентство гарантом общественного
согласия и стабильности?***

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны, прежде всего, уяснить себе, о какой стабильности идет речь: о стабильности данной социально-политической системы, данного состояния общества, или о стабильности самого общества, его способности развиваться без потрясений, без ломки своих социально-политических систем. Это совершенно разные стабильности, ибо может быть временная стабилизация системы, которая обречена, и

падение которой неизбежно вызовет общую нестабильность. Так, русский царь был гарантом стабильности и согласия в обществе, которое, тем не менее, шло к революции. Наши коммунистические вожди, кроме Брежнева, тоже были гарантом стабильности, и смерть Брежнева, конечно, способствовала дестабилизации. Более того, Гитлер был гарантом стабильности фашизма, и если бы, например, какое-нибудь покушение на него оказалось удачным, среди фашистских лидеров могла бы начаться кровавая борьба за власть и режим, конечно, дестабилизировался бы. Разумеется, подобные стабильности нечто совсем иное, нежели стабильность Англии, современной Западной Европы, США, поскольку не нуждается в персональных гарантиях. Чем больше стабильность режима зависит от личности, тем более нестабильны и режим, и общество в целом.

Безусловно, стабильность нашего режима зависит от президента. И степень этой зависимости очень велика. Если бы Ельцин вдруг заболел, я думаю, в стране действительно возникла бы крайняя нестабильность, хотя бы потому, что у нас нет должности вице-президента, к которому автоматически перешла бы власть. "Исчезновение" Ельцина могло бы повлечь за собой ожесточенную борьбу разных сил и группировок, вплоть до кровавых разборок. Более того, даже выборы президента опасны для нашей стабильности. Они непредсказуемы, и мы находимся в ситуации, когда выборы могут повлечь за собой что-то вроде социального переворота.

Таким образом, Ельцин - явный гарант стабильности и согласия, от состояния его здоровья непосредственно зависит общественный порядок, и он совершенно правильно делает, когда периодически являет себя народу в бассейне или на теннисном корте, - это должно демонстрировать его жизнеспособность. Но это и означает, что общество нестабильно, что режим, стабильность которого зависит от здоровья главы государства, обречен. Наш президент - гарант стабильности нестабильной системы. Что же это за система, как она возникла, и какое место в эволюции нашего общества занимает?

Любое общество, которое сегодня служит образцом демократической, не зависящей от личности, основанной на законе и правопорядке динамичной стабильности, прошло длительный период формирования социальных порядков, опирающихся на догматическую стабильность средневековья. Был относительно стабилен режим французской монархии, рухнувший в Великой французской революции. Стабильна современная Французская Республика. Между ними - период революций, наполеонов, реставраций, длительный и кровавый период перехода к современной стабильности.

Мы идем от царского абсолютизма к демократической России, между которыми - 1905-ый, 1917-ый, 74 года советской власти, 1991-ый и 1993 годы. Вопрос в том, достигли ли мы конца этого громадного и кровавого переходного периода, достигли ли мы тех форм общественно-политической жизни, при которых развитие может идти спокойным, эволюционным путем, без потрясений, является ли теперешняя политическая система, с характерной для нее громадной ролью президентской власти, "окончательной" или, во всяком случае, такой, которая может трансформироваться плавно, конституционным путем, поправками к Конституции?

Но вопрос этот в громадной степени риторический, сам факт, что президент у нас является гарантом стабильности означает, что к названным годам нам следует прибавить еще какой-то, допустим, 2005 год, после чего ритм истории будет определяться ритмом выборов, как это происходит в развитых демократических странах, где самые важные исторические события совершаются со строгой регулярностью. Движение от "средневековой" неподвижной стабильности к динамичной демократической осуществляется в различных странах в разных формах, с разной скоростью и с разного типа трудностями. Мы не будем вдаваться в причины этого. Ясно, что в нашей стране оно идет медленнее, тяжелее и "драматичнее", чем в Западной Европе. Медленность и революционная "драматичность" взаимосвязаны. Нового типа стабильности быстрее всего достигли Англия, Нидерланды, скандинав-

ские страны, где наименее "драматическое" развитие. Мы еще продолжаем переживать события 1991-го и 1993 годов, в то время как не только Англия и США, но Франция и Италия забыли аналогичные события своей истории. Мы же видим в своей истории два ярко выраженных цикла. (Впрочем, цикличность процессов перехода к демократии характерна не только для нас. Французская история тоже имеет яркие циклы).

Первый цикл - от царского абсолютизма к сталинщине через предреволюционный "либеральный" период 1905-1917 годов, очень недолгий период демократии, Октябрьскую революцию и послереволюционный "остаточный либерализм". Попытка достигнуть демократии в ходе этого цикла закончилась провалом. Общество, "переросшее" абсолютистскую стабильность, не доросло до стабильности демократической и после революционных конвульсий вернулось в новых формах к системе, разумеется, более динамичной и открытой, чем царский абсолютизм, но отнюдь не демократической. Царская власть как бы восстанавливается в новых формах во власти первого лица партии и государства - Сталина, Хрущева, Брежнева. Советская коммунистическая система, безусловно, более динамична, чем система царского абсолютизма. Развитие общества идет в ее формах. Но это все же "закрытая" система, и развитие означает ее дестабилизацию. Наступает новый цикл.

Второй цикл "мягче" первого, общество теперь более "зрелое", лучше подготовлено к демократии. (Эта разница между первым и вторым циклами - основное достижение советской власти.) Тем не менее, это тоже революционный цикл, а не просто плавная эволюция. Здесь та же логика "двух шагов вперед и одного назад", рывок к свободе и неизбежного при такой форме развития попадания в "ловушку", частичного воссоздания в новом виде старых политических форм. Второй цикл, как и первый, начинается с либеральной "продемократии", причем аналогом Дум 1905-1917 годов является, конечно, не теперешняя Дума, а съезд народных депутатов СССР с фактически "куриальной системой". 1991-ый - это аналог 1917 года. Дальше развитие идет "вспять".

Общество 1991 года было гораздо более готово к демократии, чем общество 1917 года, но значительно в меньшей степени, чем считало. При этом разрушение СССР и КПСС - внешне громадные шаги вперед, на основе которых и в борьбе с которыми могла бы вырваться демократия. В 1991 году полной свободы добилось общество, не готовое к ней, не имеющее практически никаких институтов гражданского общества, никакой привычки к демократии и правопорядку. Результат был предопределен. За 1991-ым с неизбежностью последовал 1993 год. Два шага - вперед, шаг - назад. Естественно в неструктурированном обществе, без массовых организаций, без реальных партий, со случайно выбранными депутатами парламента, со всеобщими ожиданиями «манны небесной», с сильными национальными противоречиями, начинает воцаряться хаос. А из хаоса возникает "гарант стабильности и согласия" в лице президента. Вряд ли надо доказывать, что наша конституция 1993 года, принятая после разгона парламента (аналога разгону Учредительного собрания), создала систему, значительно менее демократическую, чем системы 1989-1991 или 1991-1993 годов. Это система, в которой еще раз в русской истории произошло частичное "восстановление самодержавия". И очень характерно, что, как и при Сталине, власть тянется к русской монархической символике. Иного и быть не могло, "иного не дано".

Ясно, что восстановление это отнюдь не полное. Власть президента реально очень ограничена. И не столько Думой, Советом Федерации и Конституционным судом (теоретически он может разогнать их также, как разогнал парламент в 1993 году), сколько самим обществом, которое уже не поддается регламентированию и мобилизации. Общество не "созрело", не "доросло" до реального демократического самоуправления, но оно "переросло" настоящий авторитаризм. Уже в брежневский период генсек реально не мог командовать местными властями или руководителями промышленности. Его всеисие было скорее символическим. Тем более этого не может президент. В брежневский период существовала чисто формальная, иллюзорная "монолитность". Сейчас ее вообще нет, духовная жизнь народа идет "помимо" всех правительственных усилий. У президента нет "приводных ремней", и им неоткуда взяться.

Теперешняя система - это система, очевидно, переходная, она должна смениться полноценной демократией. Чтобы это произошло, общество должно, во-первых, "успокоиться", избавиться от завышенных ожиданий (как "манны небесной", так и "конца света"), свойственных революционному периоду 1989-1993 годов. Оно должно "привыкнуть" к свободе слова, к механизму выборов, должно как-то "структурироваться", создать свои институты. Только тогда мы сможем перейти к настоящей демократической стабильности и завершить громадный переходный период от средневековья к демократии (аналогичный период французской истории от Генеральных Штатов - к Пятой Республике).

Переход к полноценной демократии неизбежно будет в какой-то мере "революционным", хотя бы потому, что нам придется принять "настоящую" конституцию. Следовательно, пройти через что-то вроде Учредительного собрания. Но степень этой революционности, в громадной мере будет зависеть от субъективных факторов.

После чеченской войны и особенно после событий в Буденновске, когда Шамиль Басаев невольно сыграл колоссальную политическую роль для становления и укрепления демократии в России, выборы 1996 года стали, очевидно, неизбежными. Природа режима, отражающего нынешнее состояние нашего общества, такова, что 1996 год будет, несомненно, годом крайней нестабильности. Вполне можно предположить, что президент и его окружение предпримут какие-то чрезвычайные усилия, чтобы удержать власть. Однако, в "неструктурированном" обществе может произойти все, что угодно, например, в последний момент появятся самые неожиданные кандидаты. (Поучителен пример Беларуси, где победил не имевший ни программы, ни партии, вообще ничего кроме искренности и обещаний покончить с коррупцией А.Лукашенко). И поскольку власть президента у нас очень велика, от результатов выборов и характера президента зависит очень многое. Попытаемся понять, какого типа человек это может быть.

Мне думается, что это не будет политик демократического, парламентского типа, вроде Горбачева (несмотря на свое "происхождение", он именно демократический политик) или Явлинского. Это должен быть человек, психологически соответствующий типу "самодержавного президентства", способный дать обществу ощущение "твердой руки", "излучающий" твердость и решимость. Однако период, когда в этой твердости должен обязательно присутствовать несколько патологический "революционный" элемент, закончился. Ельцин не сможет победить в 1996 году не только потому, что его уже "попробовали", но и потому, что народ стал "разборчивее". Патологически революционный период эволюции общественного сознания, которому соответствовала ельцинская способность сначала говорить "простите своего президента" при нечаянной гибели нескольких человек в 1991 году, а затем стрелять из танков по Белому дому и устраивать бойню в Чечне, закончился. Я думаю и надеюсь, что одновременно с этим закончился и период Жириновского. Собственно, это один период. Жириновский и Ельцин имеют, несомненно, общие психологические черты. Сейчас народу скорее понравится более спокойный человек, лишенный истеричности.

Пока что я вижу двух таких людей, каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Первый - Лебедь, шансы которого сейчас, впрочем, упали в связи с его ошибочным согласием на вторую роль в команде Скокова и в связи с резким рывком Черномырдина после Буденновска. Лебедь идеально удовлетворяет тягу к патологической авторитарности и имеющиеся у народа "антиистеблишментские настроения", одновременно с этим он достаточно спокоен и умерен в своих политических взглядах и оценках. Негативной стороной его "имиджа" генерала является то же, что является позитивной: не будучи связан с политическим истеблишментом, он не имеет ни политического опыта, ни какой-либо программы, поэтому в нем есть элемент непредсказуемости.

Второй - Черномырдин, являющий сегодня "человеческое лицо правящего класса". Если Лебедь и вселяет страх - не совсем ясно, что он может устроить, то Черномырдин, напротив, внушает уверенность и спокойствие. И опять-таки негативные элементы его имиджа - продолжение позитивных. Хотя он и воплощает "человеческое лицо" элиты, слишком оче-

видно, что он и есть эта элита, миллиардер, причем тогда, когда большинство населения переживает время экономически очень тяжелое, если не кошмарное.

Не берусь судить, кто из них лучше и кто хуже. Оба – не мудрецы, не пророки и не святые. Но я не думаю, что России сейчас нужен мудрец, пророк или святой. Единственное, что нужно – это президент, который предоставит стране возможность более или менее спокойно жить, дает созреть институтам гражданского общества, не вынудит на четвертом году своего президентства гадать, допустит ли он выборы. Если он сделает это, он сведет к минимуму опасности, которые могут быть сопряжены с неизбежным переходом к политической системе, при которой общество уже не перестанет нуждаться в "царственном президенте", гаранте стабильности. Стабильность и согласие будут гарантироваться самим обществом, его самоорганизацией и его демократическими институтами.

О.В. Киселев

***Случилось то, что случилось.
Российское президентство
как субъект и объект влияния***

Я согласен с предложенным для экспертной рефлексии тезисом разработчиков проекта о том, что власть осуществляет свое господство не только и не столько легальными путями, сколько через всевозможные каналы прямого и косвенного влияния и что сегодняшняя модель российского президентства в этом отношении отнюдь не является исключением из правил.

Более того, президентство в постсоветском обществе относится к числу наиболее фундаментальных, с точки зрения влияния, субъектов власти. В этой связи я полагаю, что зависимость российского общества от феномена президентства, к сожалению, очень высока.

Почему "к сожалению?" Об этом ниже, а сразу - в чем причина? Наверное, для правильного понимания причины нужно время. А сегодня многим кажется, что причина очевидна - они говорят о России как о стране, которая не приемлет парламентаризма, о том, что она должна отождествлять свои чаяния и надежды с Персоной - то ли царя, то ли президента, то ли диктатора, что таковы привычки России, российского народа, такова его ментальность - для него всегда должен быть или гений, или негодяй, которые или привели к какому-то позитивному результату, или, наоборот, к отрицательному.

Зависимость нашего общества от «Первого лица» очень высока. Когда, например, решалась проблема «парламент или президент», для меня было очевидно, что президент победит. Парламент не мог победить просто потому, что таковым было общественное настроение в октябре 1993 года. Я не знаю, как считали мои коллеги, которые выступили на стороне президента, и как считали люди, которые выступили на стороне парламента - их было меньшинство, но для меня была ясна неизбежность победы президента, каким бы он ни был тогда. Просто в России такая привычка - ассоциировать все судьбоносные решения с «Первым лицом».

У нас даже природа корпорации воспринимаются в этом же ключе. Когда начинаешь объяснять, что нашей корпорацией руководит Совет директоров, все равно спрашивают: "А кто у вас принимает решения?". Повторяешь: фундаментальные решения в корпорации принимает Совет директоров. Снова не понимают: "Ну хорошо, а кто все-таки тот один, кто подписывает, за все отвечает?" - «Совет директоров». И опять объяснение не проходит: нужен человек – «Первое лицо», тогда все понятно. Это усложняет жизнь в России, но куда же от этого денешься. Итак, очень сильна зависимость общества от президентства. Опять же, повторяю, к сожалению, потому что это усложняет жизнь.

Насколько общественная ситуация зависима, в свою очередь, от конкретной персоны президента? В первом моем ответе уже содержится ответ и на второй вопрос: очень сильно. У нас еще не родился, как мне кажется, институт президентства как таковой, он

только рождается. Последние 3-4 месяца, может быть, полгода, проявляется сбалансированное взаимоотношение между президентом, правительством и парламентом. А до этого времени не было института президентства. Был институт ельцинизма.

Президентская власть в России изначально была очень персонифицирована. В начале вообще никто не понимал, что такое президентство. Вспомним как был представлен этот вопрос в Конституции: это был некий, говоря по-английски, draft - было непонятно, работает оно или не работает.

Как мы писали Конституцию? Эта работа мне очень не нравилась. Нас пытались загнать в очень жесткие временные рамки, против чего мы - группа, к которой я принадлежал, - и воевали. Мы, наверно, не самые незанятые люди в этой стране, и уж если на нас пала такая честь - написать Конституцию страны, то мы будем работать столько, сколько понадобится, чтобы написать текст, за который потом будет не стыдно. Но против такого подхода выдвигались другие соображения, которые, кстати, накручивала и президентская команда: давайте, давайте быстрее Конституцию. Поэтому многие конституционные уложения были прописаны достаточно невнятно, скороговоркой и не могли в полной мере отвечать ситуации. Единственно, что вселяло надежду, это институт Конституционного суда, который сможет в последующем давать различные толкования, дефиниции, и может быть, поставит российское право в ряд прецедентного права. И на прецедентах мы будем Конституцию как-то дополнять, модифицировать.

С Конституционным судом не получилось. Зато получилось с другим - с решительным президентом, который сразу поставил все точки над *i*. Что в конечном счете сделал президент? Он понял себя не столько как гаранта Конституции, хотя и этой своей ролью он пользуется, но как двигателя реформ и некоего впередсмотрящего, которому все известно лучше других. Он стал и русским царем, и мессией.

Он не стал лидером одной из ветвей власти, а поднялся над ними. И теперь президент возвышается и над парламентом, и над судом. И это заметно, это чувствуется. Периодически он спускается со своих высот для решения с "ветвями" каких-то проблем, но если ему надо ускорить ход реформ - он издает указ, особенно сильно не вдумываясь, конституционен этот указ или не конституционен, вмешивается он в права правительства или нет. Если ему надо решить какой-то вопрос, входящий в компетенцию парламента - он достаточно жестко работает с парламентом. К чести Ельцина и его команды надо сказать, что октябрь 1993 года научил их работе с парламентом.

И все-таки случилось то, что случилось: властная структура у нас оказалась не «демократически матричной», а пирамидальной. Во главе встал президент, и грамотно или не очень грамотно, но именно он определяет ситуацию.

Еще раз: президентство у нас только начинает становиться и вплоть до последних нескольких месяцев у нас был скорее "ельцинизм". Именно "ельцинизм" заложил основы российского президентства. Ельцин - первый президент, он и нащупал эти основы. Думаю, что многие последующие президенты будут нести на себе отпечаток первого президента. Например, заложенную им пирамидальную основу изменить будет очень тяжело: для этого, во-первых, потребуется инициатива тех, кто оказался внизу пирамиды. А во-вторых, наверно, это изменение и не покажется уж очень необходимым. Случилось то, что случилось.

Авторы проекта предлагают для экспертной рефлексии тезис о том, что смена конкретной персоны президента в нашей стране в принципе ни к каким серьезным изменениям в обществе не приведет. Полагаю, что все зависит от того, *каким образом* произойдет смена президентства. На мой взгляд, возможны три способа такой смены.

Первый путь - псевдодемократический. На мой взгляд, он наиболее предпочтителен сегодня. Что я называю "псевдодемократическим"? "Дофинский" путь, при котором выбирается дофин, удовлетворяющий сегодняшние власти, устраивающий элиты, которые не хотят быть устраненными - не хотят повторения 1991 года. При этом будет некий флер демократических выборов. Я не имею в виду подтасовку результатов голосования, наверно, у

нас все-таки хватит ресурсов - и государственных, и элитных, чтобы на самом деле *выбрать* нужную персону, но в принципе это будет персона, выбранная в тиши кабинетов. Ее восхождению к президентской власти и будет придан вид некоей демократической процедуры. И, как мне кажется, это наиболее желательный вариант для России наших дней, во всяком случае, для нас, предпринимательского сословия, как для некоей части России. Но, повторяю, это лишь мое мнение.

Второй путь - реальные демократические выборы. Без сильного участия в них нынешней власти он уже невозможен. И потому идет подготовка властных структур, элитных структур - не забудем о движении "Наш дом Россия" и т.д. - к такой форме выборов.

Третий путь - самый неприятный, ибо это революционный вариант, будь это дворцовый переворот, или, что мало вероятно, какие-то революционные события, со сменой элит и т.д. Опасность этого пути, по-моему, мы пережили.

Самая большая опасность сегодня - в самом Борисе Николаевиче как персоне. Сегодня существует элемент двоевластия, но не за счет того, что правительство - с премьером - выросло до уровня президента, а за счет того, что председатель правительства набрал сильный ход на уровень президента, оставляя правительство внизу. И премьер, видимо, согласится с тем, что если он станет президентом, правительство останется на том же уровне - оно будет под президентом.

У премьера хороший вектор движения. Ельцин это понимает и Ельцину это пока... выгодно. Сейчас самая главная проблема - чтобы Ельцин преодолел внутри себя морально-психологический барьер. Если он завтра внутренне восстанет, решив, что приход Черномырдина - это личный проигрыш Ельцина, это будет его личная громадная ошибка и громадная беда для всей страны. Если же президент найдет в себе силы - и политические, и человеческие, моральные силы и скажет: "Все, пора уходить на покой, Черномырдин единственный человек, который обеспечит спокойное существование после этой черты", - все пройдет нормально.

Черномырдин в этом смысле дофин, идеальный дофин, оптимально прорастающий дофин - через парламентские выборы, через большинство в парламенте входящий в президентское кресло: выходящий на «праймериз» уже как бы через парламентские выборы. Это оптимальная фигура. И если чего-то бояться, то надо бояться Ельцина. Как персоны, как Бориса Николаевича. И он себя сам, по-моему, немножко даже боится, потому что все-таки он понимает, что уж не его время. Время революционных преобразований, сильных боев закончилось.

В экономике все приходит как бы в разум. Я не знаю, что такое стабильность, может быть стабильность - это предсказуемость? И на самом деле экономическая политика стала предсказуемой. Все ясно, что происходит. Появилось то, чего мы много месяцев требовали, просили, утверждая, что нам не нужно, предположим, резких улучшений, или резких ухудшений, мы не это просим, мы просим выработать правила игры. "Мы" - это я говорю о людях, которые рискуют своим капиталом. Правила игры выработаны, нам показали вектор развития экономики в этой стране. Я его вижу, я его ощущаю в рамках этого вектора я и строю всю свою политику. Он может быть приятный или неприятный, речь не об этом. Но я знаю, как мне выжить и как мне преуспевать.

То же самое происходит в политике. И в политике остается только одно, на мой взгляд, взрывоопасное звено - это личные качества президента. Это, кстати продолжение ответа на предшествующий вопрос о зависимости общественной ситуации от конкретной персоны президента.

Итак, если произойдет дофинская смена, то никаких опасных изменений в обществе не произойдет. Если произойдет «дворцово-переворотная смена», то тоже больших изменений не будет - это всего лишь борьба за существование элит, которые не хотели бы смены через демократические выборы. Переворот дворцовый ни к чему серьезному не приводит - к серьезным изменениям приводят демократические выборы, которые неизвестно, что покажут. Если элита будут сильно влиять на выборы, то ничего не опасного не ожидается, ес-

ли не сильно - то произойдет смена элит, а смена элит в этом обществе - всегда несет риск крови.

У президентства есть две возможности влияния на различные секторы общества. Первая возможность - через имидж президента. Но наше президентство не научилось хорошо пользоваться этой возможностью. Не учитывает такой способ этого влияния, как опора на хорошо структурированные партии, на общественные движения. Этого нет. И это свидетельство того, что президентство родилось не как некий надстроечный элемент, корнями уходящий в поддержку людей. У нас такая поддержка понималась очень вульгарно: "Если вы - парламент, например, не поддержите нашу позицию - мы сейчас референдум проведем". А ведь и дорого, и неэффективно - срабатывает один, максимум два раза. Слава богу, сейчас угроз референдумами уже нет.

Вторая возможность - аппаратные методы реализации власти. Эта возможность воплощается, например, в создании как бы параллельных правительству структур, и может быть, отчасти, парламенту. Или созданием структур, которые работают с этими структурами. Сегодня для взаимодействия с парламентом созданы эффективные структуры. Что касается работы с правительством, ситуация довольно сложная. Несмотря на то, что президент практически еженедельно работает с премьером, они больше работают по инициативе Черномырдина и по направлениям будущих выборов. Часть аппарата президента просто работает на правительство. А часть президентской команды буквально за правительство работает.

Здесь сохраняется неясность ответственности, целей и задач, переименование функций. Никто не поставил себе задачи просто определить эти функции так, как это делается в корпорации: вырабатывается общая идеология, а потом прописываются внутренние политики с очень жесткой структурой взаимодействий.

Анализируя способы влияния президентства на различные секторы общества, разумеется, нельзя не попытаться определить: где проходит водораздел легальных и иллегальных форм президентского влияния? Дела здесь обстоят плохо. Я думаю, что должны еще долго существовать и взаимодействовать Президент и правительство, чтобы определились необходимые правила игры. Например, относительно влияния президента, которое осуществляется через силовую часть президентской команды.

На что президентство в принципе повлиять не способно и на что президентство влияет еще вполне успешно?

Президентство вполне успешно влияет на чиновничество, на элиты, на достаточно активную часть населения, которая еще чего-то хочет. И далее может влиять, потому что у президентства есть рычаги отсечения от ресурсов, или, наоборот, присоединения к ним, хотя последнее действует уже в меньшей степени; президентство держит в своих руках возможность влияния на средства массовой информации; на силовые структуры.

На что президентство уже не может повлиять, так это на всю ту массу людей, которая не особенно стремится продвигаться в рыночном направлении. Ошибка Ельцина в том, что он не попытался создать собственную партию. Отказавшись от этой партии, он не только оставил себя один на один с народом, что ему казалось эффективно - он всегда может апеллировать к народу, но как только народ от него устал, как только его фигура поблекла и стала терять популярность, он потерял возможность обращения к народу через партию, возможность управления массами, их пассивной частью, которая составляет большинство.

Сейчас начинается новый электоральный период и президентская команда ищет рычаги влияния на массы ... в старых методах. "Наш дом Россия" напоминает стиль партийного руководства: начинают апеллировать к руководителям территорий, к руководителям предприятий. А те надувают щеки, чтобы хоть ресурсы какие-то под это дело получить, но

реально такой подход уже давно не эффективен: сегодня нужна партия, созданная не по законам райкома. Борис Николаевич упустил эту возможность.

Быстро роста число групп, институтов, да и просто физических лиц, которые уже оказывают и желают увеличить свое влияние на президентство в России. Это очень опасная и очень интересная тема, она меня очень беспокоит. Но здесь я буду ее рассматривать только с позиций, что называется, цеховых, своего цехового братства.

На мой взгляд, происходит эрозия власти. Я знаю десятку, может быть, двадцатку крупных финансовых структур - амбициозных, энергичных, по-хорошему алчных, которые как бы уперлись в стенку, понимая, что сейчас только через президента, только через его личную волю можно расширить свое влияние. Ресурсы, в том числе информационные, возможность участия в крупных приватизационных проектах, в конце концов, просто природные ресурсы - практически все это можно реализовать через президентские указы. Прохождение какого-нибудь закона или постановления правительства настолько забюрократизировано, что указ президента - самый действенный и самый дешевый путь.

Казалось бы, я должен этому только радоваться - быстрее нарезается пирог. Но ведь пирог нарезается за счет того, что власть в стране начинают трясти как грушу. А у власти, как я понял за последний год, немножко потеревшись в этих кругах, есть такое качество: ее один раз трянешь - она может устоять, второй, третий - она может свалиться. Нельзя безнаказанно злоупотреблять этим способом. Власть может просто атрофироваться.

Если все указы издаются в интересах промышленно-финансовых группировок, конкретных людей, и все это «подкладывается» деньгами, интересами, власть перестает жить своей внутренней жизнью, логикой всего народа, и начинает интерес искать в логике какой-то группы людей, которая ее раскачивает. Хорошо бы эти люди, раскачав власть, потом подставили бы ей плечо, но они-то к этому не готовы. Они-то на себя ответственность за эту власть не берут.

Казалось бы: давайте поучаствуем в игре! Но я хочу спросить, а есть ли у нас сегодня хоть один министр, который бы вышел из нашей «среды»? Есть хоть один человек из банковской среды, где говорят: давайте не пропустим Парамонову - это очень легко сделать, дорого, но легко. Но кто вместо? Покажите мне - кто из них поднял руку и сказал "Я!". Нет ни одного такого, который бы сказал - как Берлускони: «Я берусь!» Никого. Никто не хочет, понимая, что это громадная тяжесть. А про хождение в президентство и говорить никто не хочет.

Поэтому ситуация, на мой взгляд, очень опасная. Очень опасная. Я считаю, что здесь надо - хотя это конечно, невозможно, - умерить пыл. Надо что-то делать. Необходимо отчетливое осознание того, что под обломками раскачанной тобою власти тебя просто похоронят.

Кто лично влияет на президентство - всем хорошо известно. Ближний круг - у нашего президента есть определенные привычки - не меняется и все мы его знаем: небольшая группа личных помощников плюс некая группа силовых министров. Тут я повторяться не хочу, это банально. В данном случае я говорю скорее не о президентстве, а об окружении президента, которое трансформирует этого президента или не трансформирует.

Вообще, игра с президентом его ближнего окружения - вопрос достаточно сложный. Дело в том, что вы никогда не знаете: выступает ли от имени президента его помощник, или от своего собственного. Вы никогда этого не проверите. Да, они страхуются, в крупных вещах такие люди страхуются президентским "да" или президентским "нет", чаще всего - президентским "да", но то, как они это "да" преподносят, в какой обстановке, и каким образом они получают это "да" - известно только им. Есть такие деликатные вещи, когда,

я уверен, президент говорит "да" как-то мимоходом, но дальше это трансформируется в какие-то серьезные акции.

Что касается именно президентского окружения, а не института президентства, то здесь есть группы влияния и очень серьезные. Чаще всего здесь работают не те, о которых обычно идет речь в СМИ? - нефтяной, энергетический, агропромышленный и другие комплексы. Здесь играют совсем иные группы и играют они по очень странным правилам, через людей, которые трансформируют те или иные инициативы, связанные в основном с экономической областью.

Что касается влияния на президента тех или иных лоббирующих структур - мне оно представляется смазанным. Я не знаю, какое влияние осуществляется, например, через коммунистов, но, тем не менее, президент прислушивается к их мнению или к мнению фракции Жириновского и т.д. Мне кажется опасной эта «игра влияний» на какие-то конкретные решения, через персоналии, игра опасная не только в области экономической - она меня больше задевает, но и в области социальной. Эти сферы взаимосвязаны: например, дав льготу по налогообложению для фонда спорта, вы, таким образом отбираете громадную сумму из бюджета. Отобрав из бюджета, вы «сажаете» социальные вопросы. И так во всем. Некая акция кажется лишь локальной попыткой пролоббировать, например, вопрос, связанный с акционированием первого канала ОРТ. Но этот вопрос задевает буквально всех. Представить только возможности ОРТ по зомбированию населения? Ведь первый канал - это Первый канал. Сегодня этим каналом реально управляет Борис Березовский. Это серьезный человек. Те, кто ему помогал в вопросе акционирования, должны были понимать, что это такое, и они, надеюсь, понимают, что это такое.

А вот Президентский совет, я думаю, на президента не влияет, Президентский совет нужен президенту как возможность нахождения ответа на свои уже завершённые мысли - у него сформировалась какая-то идея под влиянием собственного представления о добре и зле, знания жизни и тогда начинается игра под названием "Президентский совет". "Дальний диван", где президентский ближний круг имеет различный влияния, является инструментом игры, на которой президент или услышит отклики на идеи, для которых он внутренне созрел, или на те, по которым борьба будет продолжена. Иногда президент узнает неприятные для себя мысли, для которых он не созрел, которые он не хочет принимать, - тогда он обижается на президентский совет и некоторое время его не собирает. Так было с Чечней - была длительная пауза.

Что касается советников - здесь очень тонкая ситуация. Казалось бы, есть круг людей, которые составляют самый ближний круг, и которые, без сомнения, имеют возможность что-то шептать президенту не только в кабинете, но и в других случаях. В обывательском мнении и в мнении элитном эти люди и являются творцами президентской воли. До конца в этом не уверен. Часто я сам был свидетелем того, как и более дальний круг «продавливает» какие-то идеи. Президент не потерял умения слышать, понимать, запоминать, анализировать, и если он в хорошей форме, очевидно: это человек с большим потенциалом. И часто то, что может представляться некоей научной заумью, он действительно слышит.

Люди первого круга преуспели в аппаратном искусстве, они очень тонко подают информацию, так, что их никогда нельзя обвинить в поражении. Они аппаратчики чистой воды и так ему докладывают, что в конечном счете ответственность остается на президенте. Люди же, которым я больше всего симпатизирую, в своей искренности, горячности и уверенности в том, что они говорят - как бы огонь берут на себя. У президента блестящая память, потрясающая память. Он помнит удивительные вещи. Он очень хорошо помнит кто и что ему сказал, даже если один раз происходит «прокол» в совете, прогнозе. Пусть это не повод для того, чтобы отодвинуть человека, но это повод, чтобы усомниться в его компетентности, в умении чувствовать ситуацию. На этом такая категория людей проигрывает - она более страстная, более резкая в своих суждениях и уступает аппаратчикам.

Я считаю, что нельзя переоценивать роль советников или советчиков в принятии решений президента. Да, президент слушает разные мнения, чтобы понять балансы сил. Слушает. Но драматические решения он принимает сам. И чаще всего - такова психология нашего президента, - он принимает такие решения, которые проходят не по балансам, а смещают балансы, взрывают их, передвигают ситуацию. Все его драматические решения были связаны с изменением балансов и противовесов в стране: он переделывал ситуацию.

Казалось бы путь политика - это оптимум: просчитай, где ты лучше проходишь, и ты пройдешь. Главное, просчитай, чтобы нигде тебя не зацепили. У Ельцина совсем другой путь. Он на самом деле слушает советников и советчиков, чтобы понять, где расположены силовые точки, а потом выбирает совсем другой путь и меняет силовые точки в свою пользу или, как ему кажется, в свою пользу. В этом его гигантская сила. При этом интуиция здесь у него гениальная - интуиция или умение так поменять эти балансы, что у него открывается свобода действий.

Руководствуется ли он здесь конституционными параметрами? В этом смысле конституция мешает, ибо демократическая конституция фиксирует балансы и противовесы, а ему нужно больше степеней свободы.

Как президент поступает с советами? С советами любовыми он никак не поступает. Советы из категории "Борис Николаевич, такая вот обстановка, так бы было лучше" он слушает, но с попытками сказать: "Вам нужно сделать так-то" к нему нельзя входить. Несколько раз я видел бестактных коллег, которые говорили: "Вы должны сказать то-то и то-то". Он старался не подавать вида, что его коробило, но такие попытки могли вызвать только обратную реакцию.

Он человек творческий, у него хорошая память, он хорошо работает на аудитории среднего параметра, он хорошо знает свою силу, и ему не надо ничего выкладывать, он сам сможет определиться по ключевым вопросам.

В нашем обществе - ограничусь здесь оценкой ситуации только в своем цехе - ширится круг людей, которые стремятся не столько непосредственно участвовать в политике, сколько влиять на нее. На самом деле, искренне желающих участвовать в политике, немного - я говорю о среде предпринимателей. Есть достаточно большая категория людей, которые хотели бы влиять не столько на политику, сколько на власть. Как влиять? Через коррупцию, через политику, через интеллект? Через деньги - да. Так хотели бы многие предприниматели. Без сомнения. Участвовать же в политических действиях - немногие. Политическое действие выбивает из-под предпринимателя почву, платформу для существования, не дает ему ничего взамен, и у нас в обществе он как бы провисает. У него нет эффективной материальной поддержки, ему надо к кому-то идти просить, продаваться, играть в какие-то очень опасные игры, что само по себе для нормального человека не очень приятно. Ему надо все время доказывать право на существование. Человек, ушедший из нашей среды в политику - я могу оценивать только со своей позиции - теряет основы существования, теряет оценку своего труда. Ведь у профессионального политика размыто представление о том, что такое успех - неуспех.

Я не могу сегодня сказать, кто из политиков у нас сегодня имеет успех. У нас фактически один успешный политик - президент. Уже и быть конгрессменом в этой стране не очень престижно. Это, кстати, один из недостатков того, что президент возвысился над всеми, стал высшим из всех политиков.

Ю.В. Казаков
Публичное пространство
как «заповедник» гражданского мира

- Ты за Булкина или за Телкина?

- Простите, я не местный.

(Пауза.)

- Не ходи тут, мужик. Выборы у нас завтра, убить могут.

(Занавес.)

Виктор Шендерович, "Вечернее"

Президент и президентство

И в самом деле: почему в российских СМИ, где через строчку (с различными интонациями) – «Президент», не обсуждается президентство: властный комплекс, действующий в президентской "тени"?

Дело в значительной степени в самой персоне Ельцина, это факт: с его уже осуществленной исторической миссией, политической биографией. С присущими ему неординарными чертами личности, выраженной индивидуальными темпераментом, способом восприятия реальности. С амплитудой поступков, заставляющей воспитанных в традициях другой культуры делать поправку на специфику "национального" характера, склонного пренебрегать общепринятыми нормами, жить по принципу "захочу - сворочу". В самом деле: захочу - и "просплю" высокую встречу в чужом аэропорту. Захочу - и три дня не откликнусь на звонки американского президента. Захочу - и ссылкой на "черные повязки" террористов заставлю мир усомниться в своей "адекватности", как выразился один из журналистов НТВ. Но захочу - через неделю буквально в три хода разрешу острый политический кризис, дав повод тому же журналисту признать: в стране "нет политиков, способных соперничать с Ельциным в искусстве выживания".

Заметное несовпадение уровней интереса СМИ к Президенту и президентству в какой-то мере связано, вероятно, и с "нулевым циклом" российского президентства как культуры наследования и развития институтов власти и управления при смене "первого лица" через процедуру выборов.

Выскажем гипотезу: дело в том, что, в отличие от Президента, государственной фигуры с функциональным "паспортом" (см. гл.4 Конституции РФ "Президент Российской Федерации", ст.ст. 80-93), президентство как система (определение условно), обеспечивающая практическое исполнение президентом своих основных конституционных обязанностей, в публичном мире не "прописана". Почему, если речь идет о многоопорной и многообразной системе властеобеспечения, состоящей из множества институтов, служб и функций и дающую работу тысячам высокооплачиваемых госслужащих? Почему если российский аппарат не раз демонстрировал склонность разрешать трудные ситуации дьявольским трюком "переворота досок": для президента ли, вместе ли президентом? И возможно ли, чтобы отечественная журналистика "пропустила" институт, влияющий на жизнь как государства, так и общества, исходящий в своей деятельности из определенных норм и ценностей, из некой - какой? - комбинацией целей и средств их достижения?

Ответ, подтверждаемый совокупной журналистской практикой, таков: взгляд на президентство Ельцина как на систему властеобеспечения практически недоступен СМИ (и гражданскому обществу) в силу, прежде всего, своей закрытости.

Небольшое число конкретных представителей этой суперсистемы, попадавших в объективы телекамер (помощники, пресс-секретари, сменявшиеся руководители администрации и неизменный руководитель службы охраны), симпатий и доверия к ней, похоже, не укрепили. Возможно потому, что в телекамеры люди эти попадали обычно так и тогда, где

и когда суперсистемой либо уж очень явно (с прорехой в закрытости) нарушались внутренние правила игры, - либо предпринималась очередная акция, призванная сблизить "народ" с "Властью". Что касается эпизодов первого рода, - героями сюжетов СМИ чаще других становились Служба безопасности Президента и Главное управление охраны. Тут были и известный "наезд" на "Мост", и странный интерес к отечественной нефти, к торговле оружием, к имуществу ЗГВ, и скандальный, двойной недопуск в Кремль политобозревателя ИТАР-ТАСС Тамары Замятиной. По части сюжетов, пришедших в прессу из Кремля самоотеком, - вспоминаются отдельные выступления помощников, главы администрации, - вот пожалуй, и все. Но если система, первый по рангу властный институт, выстроена так, что информация о большинстве ее составляющих достижима разве что в режиме журналистского расследования, то все ли в порядке в нашем царстве-государстве?

Публичное пространство: возмущающие факторы

Президент в России - синоним реальной власти. Послербуденновский эпизод с написанием серии "добровольных" заявлений о высоких отставках только укрепил страну в убеждении: "там, наверху" все решает (но значит - и за все отвечает) лично президент.

С другой стороны, и пространство российских СМИ заметно превышает "покрываемое" совокупностью конкретных российских печатных и электронных СМИ. Информационное "эхо" их чутко улавливается и воспринимается близко к сердцу миллионами людей, живущих за пределами России, как ее граждан (то есть избирателей), так и просто кровно, исторически, духовно с Россией связанных. В силу же особого генезиса современной российской демократии и особого места и в ней свободы слова, состояние этой самой свободы тщательно, в мониторинговом режиме, наблюдается международным сообществом. Что означает на практике: любые серьезные "шумы" в пространстве российское президентство - российские СМИ практически немедленно перестают быть "внутренним делом" как каждой из систем (властной и СМИ) в отдельности, так и реально существующего, с мощными стягивающими силовыми линиями диполя "Власть - СМИ".

Сказанного достаточно, чтобы предположить: при хотя бы относительно проработанной системе законов, регулирующих правовые отношения в сфере массовой информации, существующая система взаимоотношений власти и СМИ объективно оказывается достаточно устойчивой, самонастраивающейся. Но это - в теории. Практика дает картину более сложную.

Российский Президент-1995, в отличие от Президента-1994, свободу массовой информации защищает уже явно не как "самый важный из охранительных рубежей демократии". Осуждая в своем Послании Федеральному Собранию "О действенности государственной власти в России" (февраль 1995 г.) желание власти "подчинить себе СМИ", факты "использования политического и экономического давления" на прессу, "прямого нажима на журналистов", президент высказывает "пожелание" о распространении моральной позиции журналистов "на использование недобросовестной рекламы, и на заполнившие эфир и страницы ряда изданий насилие, пошлость и непристойность". А потребовав обеспечить "полный доступ журналистов ко всей общественно-значимой информации, открытость и гласность в работе органов власти", тут же оговаривает: "Разумеется, с установленными законом исключениями, связанными с государственной тайной, специальными приемами борьбы с преступностью".

Или вдруг выясняется, что формально не имеющее собственных СМИ президентство неспроста благоволит к Общественному российскому телевидению (ОРТ). Что уровень, на котором принимаются решения, жизненно важные для этой "сидящей" на первом канале компании (Наблюдательный совет), напрямую связан с самим президентом и ближайшим его окружением.

Есть проблемы и с законами. Ссылка президента на исключения, связанные со "специальными приемами борьбы с преступностью", придала сил чиновникам, потребовавшим от журналистов, освещающих войну в Чечне, поступать в соответствии с 29-й статьей За-

кона РФ "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации". Эта статья запрещает - в целях защиты военнослужащих и членов их семей – раскрывать данные о воинских частях, принимавших участие в борьбе с бандформированиями. Но поскольку на необъявленной войне все чеченские формирования причислялись именно к этой категории, навязанное журналистам условие аккредитации при правительственном пресс-центре фактически обрекало их либо на молчание (!), либо на получение информации у другой, открытой стороны. Можно ли "игру" чиновников, заставлявших журналистов исполнять ведомственный закон (в нарушение ст. 29 Конституции РФ, гарантирующей свободу массовой информации, и ст. 1 Закона РФ "О СМИ"), считать игрой "по честным правилам"?

По данным Фонда защиты гласности, в России уже почти два десятка законов регулируют пространство массовой информации: не всегда обнаруживая себя в "штатной" ситуации (Закон "О внутренних войсках..." был вытеснен "силовиками" на третьем году существования), - и далеко не всегда корреспондируясь между собой. Шокирующий пример последнего рода: и поныне не приведены в соответствие друг с другом "старые" российские законы "О СМИ" и "О чрезвычайном положении".

Законы "новые", рожденные уже Госдумой, работают по большей части и вовсе на власть, а не на свободу слова. Федеральный Закон "Об информации, информатизации и защите информации", скажем, ввел внятные ограничения на право доступа граждан к информации самим фактом отнесения информационных ресурсов к категории "товара" и признанием документированной информации объектом права собственности. С Федеральным Законом "О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации" государственное ТВ (1,2 и 5-й телевизионные каналы), фактически получило дополнительную, не учитывающую интересов зрителя, но обязательную к исполнению "сетку вещания": расписанные до минуты и жанра информационные и информационно-просветительские программы, "освещающие" прежде всего саму Госдуму. Благодаря этому Закону, закрепившему в том числе обязательность освещения дебатов представителей депутатских объединений, законодатели заметно политизировали эфир, обеспечили себе, по сути дела, возможность начать публичную предвыборную борьбу задолго до ее официального старта.

Готовность власти принимать законы, идеологией которых является ограничение свободы массовой информации, расширение свободы маневра самой власти в информпространстве, - несомненно один из наиболее активных и потенциально опасных "возмущающих факторов", изменяющих качество самого публичного пространства "Власть - СМИ". Но власть, предъявляя на это пространство претензии, оперирует не только законом.

Не смутившая президента специфичность категорий "пошлость" и "непристойность" в оценке газет тем более не смущает Судебную палату по информационным спорам при президенте (СПпП). Собственно правовое регулирование этому активному органу (нередко действительно принимающему серьезные и полезные решения) в силу его странного статуса малодоступно, так что деликатная по природе сфера профессиональной этики журналиста и СМИ оказалась в какой-то степени для СПпП едва ли не единственной законной точкой приложения сил, побуждающей активно расширять и закреплять позицию. Любопытный пример такого рода - июньские "слушания", проведенные СПпП совместно с Союзом журналистов России (СЖР). Подготовленные на их базе совместные рекомендации ("О свободе массовой информации и ответственности журналистов") напомнили по смыслу и стилю постановления "по печати" "обкомовского" уровня. Единственным пунктом, восходящим к свободе массовой информации, в "Рекомендациях" оказалось признание прямой связи "недостовренности, неполноты и искаженности информации" с недоступностью источников. С закрытостью для журналистов "президентских структур, правительственных кругов, ведомственных кабинетов".

Судебная палата, впрочем, одной только ролью "этического эксперта" с судейской процедурой ограничиваться не намерена. Ее цель - активное соучастие в контроле за исполнением прессой законов. Практический выход, удовлетворяющий эти амбиции, самой

СПпП был усмотрен в том, чтобы постепенно подменить собой территориальные органы Комитета РФ по печати вместе с контрольно-регулирующими функций последних. Одобрив планы СПпП по расширению "почкованием", созданием в регионах свои отделений, президентское Послание без обиняков относит их к графе "усиление работы информационных структур государства".

Совместные рекомендации за подписями руководителей Судебной палаты и Союза журналистов России подтвердили, впрочем, что на роль попечителя нравственности СМИ в России все активнее претендует Союз журналистов России. С принятием VII Съездом СЖР (1995 г.) Кодекса профессиональной этики российского журналиста, бюрократическая надстройка СЖР сделала масштабную заявку на использование профессиональной этики в качестве инструмента "подравнивания" профессиональных рядов. Ее серьезность обеспечивается жесткой "сцепкой" Кодекса с "Профессиональной карточкой журналиста Российской Федерации". Объявив признание и выполнение Кодекса обязательным условием получения Профессиональной карточки (а за ней - система гарантий профессиональных прав, но также и система дополнительных льгот и привилегий, запрошенных Союзом у Президента и Правительства), руководство СЖР объективно создало мощный рычаг давления на журналиста, инструмент манипулирования им. Что касается взаимоотношений СЖР-власть, то обращает на себя внимание и сам торг, ведшийся накануне введения Профкарточки по наполнению "корзинки льгот", и интерес, проявленный Съездом СЖР к предложению Вице-премьера С. Шахрая о подготовке соглашения СЖР и правительства о взаимодействии: "партнерского документа", предусматривающего "определенные права и обязанности" сторон. Руководством Союза сделана заявка и на радикальное по характеру изменение качества участия Союза в политической жизни страны: объявлено о намерении СЖР участвовать в парламентских выборах в качестве избирательного объединения.

Заведомая невозможность рассмотрения всех "возмущающих факторов", действующих сегодня в публичном пространстве "СМИ - Власть", позволяет завершить перечисление их наиболее просматривающейся, публично проявляющей себя части склонностью определенных СМИ отождествлять себя с властью или играть роль режиссера на властной сцене.

С властью напрямую отождествляла себя во время редакторства г-жи Полежаевой "Российская газета", орган Правительства РФ. С одной стороны, результат такой позиции - фактическое непризнание газеты и ее руководства другими изданиями, профессиональным сообществом. С другой, нанесение публикациями "РГ" ряда ощутимых ударов (в основном, рикошетом от наиболее одиозных публикаций) и по престижу самой власти, и по самим основам общественного согласия в России. "РГ", с ее "властной" нахрапистостью, политиканством, выдаваемым за "высокую политику", государственничеством под флагом государственности, с постоянной настроенностью на поиск "врагов", - в чем-то уникальный, хрестоматийный образчик недопустимого как для самого СМИ, так и для властного органа, являющегося учредителем такого издания.

Оппозиционных газет, отождествляющих себя в том числе с ожидающей своего часа властью, в России сегодня достаточно много. Наиболее отчетливо способность находиться на черте, отделяющей закон от беззакония, проявляет, как представляется, газета "Завтра". О том, сколько раз это "на черте" реально оказывалось "за чертой", можно спорить. Бесспорны, однако, два факта: власть позволяет газете выходить, выполнять роль "пропагандиста, агитатора и коллективного организатора". Газета же не дает никаких оснований ожидать, что с нею могут быть согласованы правила честной игры. Очевидно, что рассчитывать с этим и подобным ему изданиями на некий "консенсус" в системе этических норм не приходится. Но добиться соблюдения ими нормы, буквы закона необходимо.

Скрыто-властная в своей основе позиция режиссера политической сцены также должна быть отнесена к "возмущающим факторам" негативного характера: независимо от намерений (а иногда и результатов) того, кто ее придерживается. У всех на памяти пример Евгения Киселева, "срежиссировавшего" в "Итогах" сближение Явлинского с Гайдаром. По-

литическая цена этой режиссуры стала ясна через день, когда выяснилось, что шанс на реальное сближение лидеров и фракций в результате искусственного информационного бума резко упал, а не повысился. Общественная цена киселевского стремления "посодействовать" объединению публичным действием определится, очевидно, по результатам парламентских выборов. Пример достижения эффекта обратного ожидаемому можно в итоге признать классическим.

Ответ на вызов: предвыборный "заповедник"

Установленные правила игры в публичном пространстве "Власть - СМИ" сегодня более необходимы, чем в "шоковой", послеоктябрьской предвыборной полосе 1993 года. Уже потому хотя бы, что сейчас непредсказуемо поведение "болевых точек" с повышенной информационной чувствительностью. Не перечисляя всех, заметим, что факторов политического терроризма и ничьей войны ("невойны") в России 1993 года просто не существовало.

Не стояло за парламентскими выборами, в непосредственной близости к ним, и выборов президентских. Между тем, борьба за президентство как выход на новые властные позиции в стране, на институты и механизмы практического управления Россией обещает активно развернуться, в том числе и как информационно-пропагандистская борьба высокой остроты и жесткости, уже в борьбе за думские мандаты. Парламентские выборы объективно будут предпольем выборов президентских. Их ход и результаты окажутся тем фоном (только ли?), который во многом предопределит характер политической борьбы-2 с ее июньским (1996 г.) разрешением.

Сформулируем в этой связи ситуацию, исходную для гипотетической попытки определиться с "правилами игры" в публичном пространстве "Власть - СМИ": не вообще, а на конкретный период двух предвыборных кампаний, предстоящих России. Малоразнесенные во времени, идущие "накатом", эти кампании, при всех их различиях, необходимо рассматривать как "двухтактный", но единый цикл повышенного общественного риска, - с объективным смысловым единством итогового результата, каким бы тот ни оказался. И со сквозной, неделимой на этапы, и в этом смысле единой ответственностью (у каждого, впрочем, - за свое) и власти, и СМИ.

Ключевой - и объективно объединяющей - представляется при этом ответственность власти и СМИ за то, чтобы полоса между сентябрем 1995 и июнем 1996 года не стала стартовой для "великих потрясений", подтверждающих самые мрачные прогнозы сторонников "теории катастроф".

Назовем публичное пространство, выстраиваемое с оглядкой на эту угрозу, "заповедником": соглашаясь и с теми, кому расслышится "заповедь", и с теми, кто подумает о пространстве со строго определенными правилами поведения. Речь как раз и идет о задаче выработки и принятия четко ограниченных по полосе действия (сентябрь - июнь) правил поведения, цель которых может быть сформулирована примерно так: превращение наиболее конфликтной, в том числе - взаимоконфликтной, предвыборной полосы в пространство, в пределах которого регулируется на взаимной основе то, что не подлежит регулированию законом и в обычное время является делом свободного выбора, - но в предвыборной полосе может представлять повышенную общественную опасность.

Принцип объединения усилий (не предполагающих братания, в том числе и внутри каждой из сторон этой модели "вынужденного партнерства"), принцип разработки самих правил поведения, или правил общежития ("правил игры"), принцип их выполнения, принцип подхода к развязыванию "узлов" - уважение к честной игре, опора на здравый смысл, профессионализм, добрую волю.

Самоограничение: рабочая гипотеза нулевого цикла

При том, что партнером-корреспондентом СМИ в процессе выстраивания публичного пространства сентября-июня должна оставаться вся власть, включая депутатский корпус

(в обоих его вариантах, старом и новом), остановимся для простоты на возможных вкладах в строительство "нулевого цикла" "заповедника" только президентства и СМИ.

Очевидно, ключевым вкладом президента в "нулевой цикл" является четкое подтверждение факта президентских выборов. Но это - пролог.

Нет сомнения, что едва ли не каждая часть российского президентства как властного комплекса немедленно воспротивится требованиям нерасширения границ в информационной сфере и облегчения доступа СМИ к общественно-значимой государственной информации как основным принципам своей деятельности в режиме "заповедника". Можно ли, однако считать, что эта специализированная корпорация больше поможет президенту, если останется раздражающе закрытой для гражданского контроля - или обнаружит поползновение в сторону массовой информации: в виде ли формирования "ведомства информации", попыткой ли усилить госприсутствие в эфире российских регионов (примеры условны), - или реализацией конкретных планов "расползания" в регионы Судебной палаты. Каким бы важным ни казалось президенту укрепление позиций федеральной власти в информационной сфере, все шаги должны быть либо отложены на более поздний срок, либо пройти экспертизу и получить одобрение партнеров.

Наконец, третья задачей президентства оказалась бы задача контроля за квалифицированным, точным, но жестким блокированием, недопуском в информационное поле носителей информации экстремистской, подпадающей под запреты и ограничения Конституции РФ и Закона РФ "О СМИ".

Могут ли реализоваться эти простые, не нарушающие ни логики, ни системы президентства "стартовые" принципы? Да, если эксперты сочтут их корректными и достаточными: автором они приведены всего лишь в качестве рабочей схемы. Важно понять: на добровольное самоограничение президентству пойти труднее (груз ответственности), но выполнить решение легче: пирамида-корпорации восходит к одной персоне.

Другая корпорация - журналистская, - по-своему не менее ответственна и не менее привержена идее служения России. Но к "генеральному решению" она неприводима: не только в силу своей структурной и идеологической разорванности, территориального разброса, особой природы деятельности, в основе которой лежит свобода (журналистика принадлежит к свободным профессиям), но и потому, что за ней, неконсолидируемой, именно неконсолидируемой "альтер эго": общественное мнение.

Какой вклад в "нулевой цикл" может внести журналистика? Очевидно, публично выраженную готовность руководствоваться правилами честной игры как принципом всех действий, стремление соблюдать нечасто соблюдаемые сегодня в России элементарные, базовые профессиональные и этические правила. Первое на совсем простом языке означает, прежде всего, не продаваться. Второе - это то частное, чего нет в Кодексе журналиста, но на чем стоит, как на системе добровольного самоконтроля свободных, вся мировая журналистика. Это четкая маркировка информации, отделение официального от непроверенного. Это проверка всей информации, связанной с кандидатами и президентом. Это полнота и точность ссылок на выходные данные социологических опросов. Это особо тщательная перепроверка сообщений или высказываний, которые могут послужить основой для массовой реакции граждан. (Надо полагать, без провокаций предвыборная полоса не обойдется.) Списков, конечно же, далеко не полон.

"Четвертой власти" трудно принять, но еще труднее выполнить режим самоограничения: каждое из приведенных правил-условий так или иначе ограничивает ее святое святых, свободу слова. Заведомо ясно также, что общественное мнение в этой ситуации может работать не как фактор поддержки идеи самоограничения, следования правилам честной игры, но как инструмент мощного контрдавления на СМИ и журналистов, индикатор иного представления читателя и зрителя о векторе ответственности СМИ.

В этой связи решающим для общественного мнения и для большинства конкретных СМИ, во-первых, оказалась бы устойчивость режима президентского самоограничения. Во-

вторых, - введение его президентом в инициативном порядке, элементом политики доброго примера. И, в-третьих, на этапе парламентских выборов.

Можно предположить, что от характера поведения президентства на этапе подготовки и проведения ПАРЛАМЕНТСКИХ выборов будет в значительной мере зависеть и общественная атмосфера на этапе подготовки к выборам президента. И что пресса как институт, предъявивший в "заповеднике" способность и волю выполнять обязательства, представлять не только групповое, но именно общественное мнение, позитивно повлияет на расстановку сил внутри самого президента, стимулирует поиск им как минимум более открытой, более адекватной модели взаимоотношений с общественностью и СМИ после июня 1996 г.

"Заповедник": технологии развития

Избежать "великих потрясений" вряд ли удастся, если не решить задачу предотвращения или нейтрализации наиболее опасных для общества "выбросов" избирательных кампаний. Для "заповедника" это практическая задача "первого уровня", центральная среди задач "разминирования" публичного пространства двухэтапных выборов.

Но "заповедник" богаче, ибо ориентирован на развитие. Двойное потрясение, предстоящее России, заставляет особенно внимательно присматриваться как к элементам культуры согласия (национальной, политической, профессиональной, художественной), так и к ее носителям. К тем объединениям журналистов, средствам массовой информации, общественным организациям, занимающимся проблемами СМИ, к тем конкретным журналистам, опираясь на понимание и поддержку которых можно попытаться сформировать некую "экспериментальную модель" "заповедника" в Москве.

Изначально ясно, что это модель, формирующаяся по принципу "Ноева ковчега": доступ в нее открыт всем, кто думает о защите уже известных институтов, механизмов, элементов национального согласия и о наработке новых, продуктивных элементов такого рода, как о задаче, которую могут и должны решать в предстоящей полосе и политики, и журналисты. То есть и власть, включая ее президентский отсек, и СМИ: включая и значительную часть СМИ, оппозиционных нынешнему президенту, но готовых сделать все необходимое для его законной, конституционно оформленной смены.

Условимся: все ответственные субъекты, заинтересованные в необходимости строить Россию "без великих потрясений", признаются патриотами. Патриотизм и ответственность - это уважением норм закона и добровольное соблюдение правил честной игры. На практике это в том числе (или прежде всего) знание, понимание и выполнение каждым из ответственных субъектов, будь то власть, политическая партия, средство массовой информации, Федерального Закона "О выборах Президента Российской Федерации", в том числе его гл.4 ("Предвыборная агитация").

Вот несколько возможных, реализуемых, практически полезных поводов для взаимодействия власти и СМИ, способных сыграть роль элементов технологии собирания и запуска рабочей модели "заповедника".

Обучение. "Предвыборно-агитационные" статьи Закона "О выборах Президента" (ст.40 для электронной прессы и ст.41 для пишущей), делают нелишним прохождения журналистом правового "ликбеза". Организовать и поставить его на поток вполне могла бы Судебная палата по информационным спорам. Сам "ликбез" в этом варианте (СМИ - структура президентства) стал бы принципиально важным элементом "заповедника".

Мониторинг. Взаимные претензии и требования СМИ и власти должны переводиться в форму конкретных задач, продуктивных решений. Возможно, одно из них - параллельный мониторинг. СМИ и президентство могли бы попытаться отследить в его ходе свой опыт участия в избирательной кампании под конкретным углом: проблемы соблюдения Договора об общественном согласии. Отслеживающее наблюдение дало бы конкретные примеры ситуаций, представляющих угрозу Договору в полосе избирательных кампаний. Проанализировать эти ситуации (в том числе в форме общественной экспертизы) и подготовить итоговые рекомендации могла бы, вероятно, специальная рабочая группа в рамках

Согласительной комиссии Договора. Цель национального уровня - общественное согласие, его качество, - неизбежно введет ветви мониторинга в диалоговый режим, с высокой вероятностью выхода на ментальные особенности корпораций и на повышение их взаимной "расслышиваемости".

Специальные слушания с участием власти и СМИ. Согласительная комиссия Договора об общественном согласии могла бы совместно с Центральной избирательной комиссией РФ и Судебной палатой загодя провести серию специальных слушаний: с квалифицированным анализом избирательной кампании 1993 года, с нащупыванием "узких мест" выборов предстоящих, с публичной экспертизой и обнародованием возможных технологий их преодоления с наименьшими общественными издержками.

Для СМИ и самой власти одной из безусловно полезных конкретных тем таких слушаний могла бы стать тема информационных гарантий предвыборной агитации. Статьи Закона "О выборах Президента Российской Федерации", посвященные предвыборной агитации, содержат ссылки на конкретные Инструкции ЦИК РФ. Но важнейшие - с точки зрения поддержания общественного согласия - разработки ЦИК стоило бы (учитывая печальный опыт 1993 года) проверить загодя, в том числе методами игрового моделирования ситуаций, ставящих под угрозу общественное согласие, поиска способов их предотвращения, блокирования, эффективного разрешения. Согласительная комиссия и ЦИК могли бы, соучаствуя в создании "Заповедника", вместе с вошедшими в него представителями независимых СМИ своевременно разработать рекомендации для тех теле- и радиостанций и печатных изданий, предвыборная агитация которых заведомо не регламентируется Законом о выборах Президента РФ.

Национальный совет прессы. "Клеточка", которую занимал в кампании-1993 Третьейский информационный суд (ТИС), могла бы заполниться неким отсутствующим пока в России образованием (условно назовем его Независимым советом прессы, НСП), выполняющим схожие с ТИС регулирующие функции, но на другой основе: без участия государства, состоя во внутреннем родстве со сферой массовой информации. Основу НСП могли бы составить 30-40 журналистов, 5-6 сильных юристов и 3-4 авторитетных эксперта по проблемам массовой информации, крупные эксперты по проблемам профессиональной этики, представители журналистских союзов и независимых организаций, защищающих свободу слова. Рассмотрение прецедентов этим "самодеятельным" институтом и подготовка им соответствующих рекомендаций помогли бы разрешению многих информационных конфликтов двухвыборной полосы. Но сам институт далеко пережил бы ее. Ибо представлял бы собой перспективный, сформированный путем "естественного отбора" сильнейших из добровольцев, - отечественный аналог германского Совета прессы: независимого негосударственного института, рекомендации которого принимаются СМИ в режиме добровольного самоконтроля цеха (успешно заменяющего государственное регулирование в сфере массовой информации, это наследие тоталитарных времен) в силу авторитета внутри самой корпорации.

Я полагал бы, что... (ответы на вопросы анкеты)

А. "Свое кредо в отношении освещения и комментариев предвыборной кампании" СМИ предъявлять, очевидно, нет необходимости. Ведь есть предъявляемое повседневно кредо данного СМИ. Есть задолго, заранее выработанный, проявляемый именно этим изданием, этим телеканалом взгляд на избирательную кампанию, как на апофеоз некоего политического цикла, действующие силы и лица которого, как и реакция на них "своего СМИ", обычно, хорошо известны данному читателю, слушателю, зрителю. Единственно необходимое условие - вести кампанию честно. Начиная демонстрацию честности именно с маркировки информации. С отделения факта от предположения, а предположения - от слуха. С отделения информации официальной от «комментарийной» и т.д. За маркировкой - нечто большее, чем профессиональная культура: уважение принципа свободы информации. Признание ответственности журналиста перед конкретным потребителем информационной

продукции как перед человеком, которому на основании (возможно) предоставленной именно данным СМИ информации предстоит принять решение в кабине для голосования, - и перед гражданским обществом в целом.

В. Что касается "хороших" правил, определяющих особенности работы электронных и печатных СМИ в период избирательных кампаний: да простится мне неизложение собственной версии. Во-первых, разработанного, мотивированного ответа на этот достаточно специальный вопрос у меня просто нет: не было практики, не было и повода заняться теорией. Все, что держу "на случай" под руками, - кроме известного издания Международного фонда "Культурная инициатива" (Э.Мицкевич, Ч.Файерстоун. Телевидение и выборы. М., "Культурная инициатива", 1993 г.) и подборки вырезок о теледебатах перед выборами-1993, - большой, на газетную полосу, документ того же 1993 года: "Положение об информационных гарантиях предвыборной агитации". Чего в нем только нет, каких только правил (в том числе и отдельно для печатных и электронных СМИ), процедур и институтов не предусмотрено! Итог применения "Положения" в общем и целом известен: довольных тем, как работало в период избирательной кампании телевидение, не было; печатные СМИ утонули в требованиях здравствовать на кандидатские чихи. И что теперь, в 1995-м: садиться за наброски нового "Положения"? Центризмом так и поступил, не почесав публично затылка над старым, не предъявив ни обществу, ни прессе картину информационно-агитационных "проколов" минувшей кампании. Это путь - не оптимальный. На оптимальный (альтернативный?) может вывести кампания парламентских выборов. Будет ли результат востребован? Не факт...

С. Разница между представлением в СМИ президентства и кандидатства - тема, очевидно, пока малоинтересная СМИ. Но - любопытная. Начать с того, что президент обречен тащить на выборы груз президентства (и времени, со всеми его конфликтами, и структур, ему напрямую подчиненных): заведомо обретая при этом в глазах избирателя уже и в новом своем, кандидатском качестве, массивную устойчивость, связь с реальностью (и в том числе, со всеми своими действительными и мнимыми грехами), но, несомненно, уже не рассчитывая на такие черты кандидатского имиджа, как свежесть, динамизм, новый подход. Другой поворот темы - задача обеспечить человеческую и политическую сопоставимость фигур кандидата и президента в СМИ: особенно если президент при этом исторический (первый) и объективно: даже в отрыве от ткани президентства. Как добиться необходимого (для выстраивания ситуации реального выбора) вхождения в один масштаб тех, кого подсознание разносит по разным полочкам? Как помочь в этих условиях проявлению кандидата, - и как не создать при этом ложных пропорций, не породить информационного Франкенштейна, способного зажить собственной (и избирателя) жизнью? Ответы на такого рода вопросы загодя и желательно - возможно более точно, должно искать прежде всего телевидение. Известно, что оно способно одним сюжетом или деталью - пес в доме героя, жест или шутка, попавшие в кадр, - вызвать эмоциональное отношение, способное перевесить все умное-негативное, что о герое написано "до" и "после" телесюжета. Заведомо известно, что президента так уже не снимешь...

Д. Мне представляется, что вообще не стоит говорить об ответственности СМИ "в информировании публики о президентстве": задача и ответственность такого рода должны лежать прежде всего на самом президенте, его пресс-службе и пресс-секретаре. Задача СМИ при этом - не нарушать правил честной игры, не устраивать президенту "темную", пропускать информацию о нем, и в том числе информацию из президентских структур, на полосу и в эфир: в размерах, сопоставимых с информацией о других кандидатах. Это - во-первых. Во-вторых, следить, чтобы официальной информацией публике не надували. Помогать ей рассматривать президентство не только как достижение (цивилизации или России), но и как тяжелую, дорогую, наделенную полномочиями, а значит и обязательствами по отношению к гражданину, часть властной системы. Если угодно - как часть, способную при определенных обстоятельствах отрываться, вести самостоятельную игру, в том числе и весьма опасную и для общества, и для самого президента, и в этом смысле постоянно нуж-

дающуюся в широком и гласном общественном контроле, в том числе (или прежде всего) именно силами СМИ, журналистов. Но это - версия "сценария" работы над темой президентства, не проходившая "промера" критериями "заповедника".

Еще не вечер?

"Флюгер был приколочен намертво, и ветер обреченно дул в указанную сторону". Это - Виктор Шендерович, автор "Вечернего". И автор текстов к "Куклам" "НТВ", зримому символу свободы слова в России.

Выборы - это искушение переменами. И искушение попытаться предохраниться от перемен: по всем азимутам, начиная с массовой информации. Укрепят флюгер? Уберут "Кукол"? Ты за Булкина или за Телкина?

P.S. Автор успевает внести правку-реплику: "Развожу руками". Гениальная прокуратура открыла предвыборную кампанию гениально: выстрелом по "Куклам". Президент молчит. "Правила игры", таким образом, заданы в режиме сезона охоты всех на всех?

МОДЕЛИ УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Возможны ли модельные инварианты российского президентства как явления культурно-политического?

Какая из модельных альтернатив российского президентства перспективна, адекватна и необходима сегодняшней России?

Какая из моделей неизбежно победит? Какой модели достойна Россия?

Наконец, нужно ли России президентство вообще?

Такова, пожалуй, квинтэссенция дискурсивного вопрошания о модельном вписывании нормативного инварианта российского президентства в контекст постсоветской реальности.

В этой логике, соответственно, и шел экспертно-аналитический поиск.

Л.А. Аннинский
Amor fati, или кто сядет к нам лицом?

Не могли бы Вы предложить емкую формулу того, что называется духом президентства?

А может, начнем с буквы?

Президент - буквально - всего лишь председатель. Сидящий перед. Собираются люди, одного сажают лицом ко всем, чтобы регулировал порядок высказывающихся. Только и всего.

Вы скажете: можно же сесть и в кружок. Чтобы все видели в лицо всех. Больше равенства.

Можно. Казаки, опасавшиеся всякого диктата в делах небранных, "кругом" и сажались. В деле бранном - "вся власть" атаману, полевому командиру, то есть диктатору, вождю, гетману, фюреру, дуче, каудильо. А без войны - в круг. Но опять-таки, надо же и в "круге" как-то уславливаться, кто за кем будет ораторствовать. Надо назначать кого-то, чтоб следил за порядком и давал слово. Чтоб был председатель. Президент.

К чему я занимаюсь этим буквоедством?

Чтобы не слишком обольщаться "словом".

Американский президент в иные времена (на нашей памяти - в военное время) имеет власть огромную, практически соизмеримую с диктаторской. Меж тем как английская королева имеет власть чисто символическую; при этом Британия слывет (и справедливо) эталоном демократии и обходится вообще без президента. Впрочем, она обходится и без конституции.

Вы скажете: так "каналы" власти - совсем другое дело. Речь-то идет - про "источник" власти.

Положим, источник власти королевской (царской, императорской) - иррациональный. Божье помазание. То есть нечто, несоизмеримо высшее, чем человеческий выбор. А источник власти президентской - именно человеческий выбор: выборы всеобщие, прямые, равные и т.д.

Охмурить себя, знаете ли, можно какой угодно сакральностью. При поиске "источника" власти все, так или иначе, уйдет в "бесконечность". Допустим, мы делаем "выбор". Но источник выбора - настроение народа, базовые интересы - все равно таится в "подпочве", в "подсознании", то есть в невыразимости.

Реальным смыслом все это наполняется только через каналы власти. Тут и решается, каким образом она, эта власть (сила, понуждение, принуждение) будет "давить" сверху и од-

новременно "переть" снизу - по тем же каналам - капиллярным или "аортным", местным или федеральным, легитимным или харизматическим...

Император, по ходу войны (классовой, национальной - любой) заброшенный на вершину власти, зависит от забросившей его туда солдатской массы. Чем он не "президент", если в одно прекрасное утро эта масса, отказавшись подчиняться, "переизберет" такого солдатского президента через процедуру митинга?

Да что говорить: сам товарищ Сталин, типичный по духу "солдатский император", звался всего лишь председателем (Совнаркома)... Правда, он был в ЦК еще и секретарем (то есть как бы "писцом", хранителем "секретов"). По существу же он более всего был - Верховным Главнокомандующим, то есть воинским начальником. Что соответствовало тому духу войны (мировой войны), которая этого товарища и вознесла. И однако не мешало ему быть избираемым на свой председательский пост согласно "самой демократической" в мире конституции.

Титулы коварны. Как говаривал художник А. Николаев, когда над Кремлем реяло знамя Советской власти, власть в Кремле была практически императорская. А когда (при Николае II) над Зимним дворцом реял императорский штандарт, власть в России - после 1905 года - практически была советская.

Так что дух Президентства - вещь настолько неуловимая и обманчивая, что и впрямь подумаешь не о духе, а о "духах" президентства. От всего этого за букву и схватишься.

Назвать президентом можно кого угодно: демократического таратуга, косноязычного держиморду, закулисного выдвигенца. Я не удивлюсь, если появится наследственное президентство. У нас и такое возможно.

У нас, как известно, было два президента. Один не решился стереть с лица земли бунтующий город, а в другом бунтующем городе не рискнул на большее, чем удар саперной лопаткой. Его сместили. Другой оказался достаточно крут, чтобы стереть с лица земли взбунтовавшуюся республику, а перед тем расстрелять родной парламент. Его стерпели. Дело, конечно, и в них, но еще более - в нас. Кстати, замена первого президента вторым произошла без всяких демократических процедур, а путем сговора (чтобы не сказать заговора) трех решительных мужиков, собравшихся для этой цели в пуще, то есть в лесу.

В общем, "дух президентства" в принципе ничем не отличается под родными осинами от духа "генсекства", "духа самодержавия" или "духа империи".

Дело - в родных осинах. Если так, то определите дух *российского* президентства.

Если так, то определим наново, что такое дух России. И что такое Россия - в настоящий момент и в наступающем веке, чтобы не загадывать дальше. Надо ведь и в прошлом выбрать из взаимоисключающих определений России те, что будут согласны с духом нашего поиска.

- Мировая империя, попытавшаяся навязать человечеству химерический строй, или попытка реализовать всемирное братство народов - подаренный человечеству уникальный опыт?

- Агрессивное племя, подчинившее себе окрестные племена, или полиэтническое целое, сложившееся в результате взаимодействия племен и не сводимое ни к одному из них?

- Лагерь беженцев-бомжей, всеобщая тюрьма, из которой все бегут, казарма, годная только для войны, - или "лагерь социализма", воплощение порядка и стабильности?

- Глухая культурная провинция, отгородившаяся от мира санитарным кордоном, железным занавесом, берлинско-китайской стеной, или страница, вписанная в культуру человечества совместными усилиями всех соединившихся здесь народов, благодаря чему и вошли культуры этих народов в общечеловеческий контекст?

Согласитесь, на любую чашу в вышеприведенных балансах можно бросить весомые доводы, и история России окрасится в тот или иной цвет. Соответственно окрасится и наше будущее. Разумеется, мы живем в "судьбоносное время", и от того, какой вариант выберем "здесь и теперь" (то есть и оттого, какого президента выберем), зависит, какую страну в будущем веке получим.

Я-то, грешным делом, думаю, что судьбоносно всякое время, если мыслить его в исторической связи, и всякое поколение в каждое мгновение своей жизни "стоит перед Господом" - не только мы здесь и теперь.

Но мы - стоим. Мы стоим между развалинами Грозного и могилами Сумгаита. Между кораблями Черноморского флота, которые надо делить. Между ветвями власти, ответственность за которые делить не умеем. Между кусками собственности, которую тоже не умеем переделить или делим с помощью киллеров.

СССР развалился. Развалится ли Россия? Дело ведь далеко не в "национальных швах", по которым "рвануло котел", а теперь "рвет" другой. Национальные автономии - это только наиболее заметные швы, которые легко обозначить. Между чисто русскими регионами и Центром напряжение не меньше. Между российской провинцией и столицей - ревность, зависть, счеты... Посмотрите на лица людей, приезжающих в столицу, - на лицах все написано. Взять эту зажавшуюся Москву штурмом либо измором! Вот так, наверное, и Аларих подступал к Риму - это было не вторжение вестготов; Аларих был - имперский "генерал", наместник в Иллирии, военачальник Западной Римской империи; скорее уж то, что называется губернатор, а потом и полевой командир, и Рим он взял - чтобы в полном смысле слова "стать римлянином".

Но не хочется мыслить по аналогии. Хочется элементарно-прагматически:

- либо Россия остается Державой, под тем или иным девизом собравшей и удерживающей регионы, народы, культуры как нечто целое (и тем самым - как часть человечества), тогда у российского президента есть основания держать спину прямо, ходить величаво, в ритме византийских императоров, и вообще как-то фигурировать на мировой арене;

- либо Россия разваливается на десяток-другой вполне человекообразных государств, в которых никто никого не "держит", а все сводят концы сами, то есть вкалывают и крутятся - торгуют, ищут партнеров, компаньонов, инвесторов, - и ощущают себя не частью Целого, а равноправными песчинками в бесконечной круговерти человечества. Президент в бывшей России будет дюжина. Неважно, что некоторые из них окажутся "национальными" - в торговом деле все равно понадобится "язык межнационального общения"-выучат! - а какой? время покажет - немецкий? английский? китайский? арабский? а может, по старой памяти русский?

Разумеется, в любой из этих новых демократий президенту не потребуется ни величавая осанка, ни размеренная речь, ни "мировой имидж". Скорее, это уж будет простецкий, общительный, цивилизованного вида "интеллигент", с печатью предыдущей профессии. Об одном будет известно, что он в прошлом писал неплохие пьесы (как Гавел), о другом - что был неплохим электриком (как Валенса), о третьем - что здорово играет в шашки (как Кравчук). И никто не различит в этих бойких ребятах бывших инструкторов райкома партии, прошедших фильтры совпартпроса, а до того - огни пионерских костров, воды комсомольских саун и медные трубы советских праздников.

Я говорю не о том, при каком варианте человеку российскому станет лучше. Тут надо еще понять, что такое "лучше". Телу будет лучше в малом государстве, при нормальном, своем, доступном, влияемом "президенте". Может, и душе лучше.

Но вы спросили про дух.

Не считаете ли вы российской особенностью (уникальностью) парадоксальную тенденцию - демократически выбирать вождя народа, харизматического лидера? чужая процедура для родной фигуры?

Родной вопрос. И ответ просится: так ведь мечта - чтобы "совпало"! Чтобы чудесным образом соединилось то и это: любимый вождь и законно избираемый администратор. Порознь - опасно, что так, что эдак. Идеал демократически избранной власти - ее незаметность. Как будто нету. Наш демократический журналист А.Минкин был в восторге от того, что швейцарские обыватели, опрошенные им на улице, не знали имени своего президента. Незаметная власть - райская идиллия: не мешает, не давит, не требует (а вечное российское ожидание: власть мешает, давит, требует).

Интересно, однако, что "незаметные" руководители и в небытие сходят незаметно, не оставляя в памяти людей никакого следа. В случае незаметности номинального лидера зияние на его месте вопиет и... заполняется. О, тут бывают всякие комбинации. Рядом с Николаем II (занимающим место "лидера" - свято место) появляется Столыпин (власть, по определению "незаметная", исполнительная). Слишком заметен - убивают. И свято место (царское место, лидерское - ось народа) остается по существу пустым, потому что по-прежнему занимает его личность сознательно незаметная: робкий интеллигент, по случайности рождения оказавшийся на троне.

Чем это в России кончилось, известно. Свято место заполнилось. Пришел тот, у которого "совпало": и олицетворять, и приговаривать, и исполнять.

Совпадает это нечасто. Совпадение - знак судьбы, мета гениальности. Как правило - не совпадает. Борется одно с другим: незаметная легитимность и властная воля. Даже и в одном человеке эти тенденции могут бороться. Наполеон "хотел бы", чтобы его запомнили как государя, давшего людям Кодекс. Но его запомнили как государя, прошедшего полмира с мечом и угробившего миллионы. Гитлер отмахивался от обязанностей конкретного "правителя", утверждая, что его миссия - продумывать и освещать немецкому народу глобальные цели, хотя титул "канцлера" предписывал ему вполне традиционные функции. Увы, пришлось и конкретностями заниматься, но уже в военной сфере - подменяя генералов, соображать, куда и как поставить дивизии под Сталинградом. Де Голль вошел в историю как создатель концепции Европы Отецеств и как спаситель Франции, но когда он принимался определять цены на молоко, французы стонали. Сталин вроде бы решал и определял все и вся: от судеб мирового коммунизма до прочности фанеры на боках истребителя, но когда прошел морок, выяснилось (из мемуаров маршалов), что лучше всего он практически организовывал снабжение операций армейского масштаба. А мировой масштаб? А идея коммунизма? Использовал практически. Идеи-то были не его.

А что же было - "его"? Воля. Чистая воля. Харизма. Вождь - заложник единства. Таких не "выбирают" - такие выдвигаются ходом вещей. Их выносит вперед потоками крови.

Но что неизбежно (и для России, и для всего мира), так это наличие в помыслах людей места, которое должно быть занято таким вот общенародным лидером. На то и "царь", чтобы олицетворять единство и незыблемость, а "правит" при нем - незаметный премьер-министр. Слабеет "царь" - тогда сильная фигура возникает рядом... или напротив. Патриарх Гермоген...

Между прочим, патриаршество на Руси и прививалось - как гарант духовного единства при неустойчивости власти государей. Увы, неладно получилось: власть самодержавная сожрала власть духовную, а сама стала надрываться на два фронта. И тогда к власти духовной пришла интеллигенция, вчера еще никому неведомая.

Пришла она, в конце концов, и к власти реальной. Литератору Ульянову пришлось отложить свои труды об отмирании государства и писать декреты об усилении ононого. На историческое мгновение "вождь" совпал с "администратором", теоретик - с практиком. И тотчас в его трудах спроектировалось, и в его же практике осуществилось все то же самое расщепление власти на магию и практику: советская власть - это власть повседневная, выбираемая по демократической процедуре, а над нею - еще одна власть, духовно-диктаторская - власть партии.

Вот мы и теперь гадаем: как бы нам демократически избрать такого президента, чтобы он еще и оказался единодушно поддерживаемым лидером?

Но такие "совпадения" бывают только в переломных точках истории. Нормально - разделение. По Ахизеру: есть элита правящая, и есть элита духовная... Где они пересекутся? Кто должен быть в точке пересечения?

В идеале - всенародно любимый вождь, периодически переизбираемый по демократической процедуре.

Совпадет - не совпадет?

А это опять - таки зависит от того, много ли будет "ведомых" у нашего вождя. Если останется под ним Держава (да не приведи господи, еще и воюющая) - единоклюнная харизма ему обеспечена (то есть он соберет, воплотит, олицетворит волю самого народа сохранить себя как целое - любой ценой). Если же останется под вождем "полтора уезда", - тогда, конечно, будем избирать такового на недолгий срок по общепринятой в цивилизованных странах процедуре.

Я, правда, думаю, что от этих "полутора уездов" опять начнет собираться Держава. Причем, снизу. По Алексею Толстому (помните разговор в "Хождении по мукам"?). Тут логика геополитическая. Евразийский жребий.

Будет это мука мученическая. Жизнь человека в Державе – вообще мука. Когда человек этой муке не выдерживает, он говорит: наконец-то мы доросли до "демократической процедуры", до "правил игры" и до "общечеловеческих ценностей".

Духовность президентства - это проблема имиджа личности или сущность явления?

"Духовность президентства" - нонсенс. Духовность - это смысл бытия - отдельного человека, всего народа, или целого человечества, но "президентство" - пред-сидение, положение стула - это функция. Оговоренная. Ограниченная. Обусловленная. Обставленная.

Куда при этом денется "духовность"? Куда хлынет эта энергия? Мимо "стула" - в дисидентство, в чистую веру, в сектанство, Бог знает куда. В бешенство, воинственность, бунт, кровь, насилие.

Если есть только "стул", и нет "престола" (это я - реваншистам монархии), то вся бешеная сила обрушится на президента. Это опасно: избранный по "процедуре" нормальный человек (функционер, администратор, электрик, специалист, шахматист-шашкист) начнет раздуваться в лидера. Это уже будет не личность. Это будет фараон. А фараон в наших условиях - это почти наверняка знак национального бедствия.

Если бы только найти формы для духовного неистовства нашего, тогда содержание управительской работы будет понятно: обеспечить стабильность при переменах и перемены при стабильности. Я беру эту формулу у современных западных политологов именно с тем, чтобы освободить ее от вездесущей русской "духовности". Мы эту нашу духовность наталкиваем во все поры и складки повседневного существования. Тут наша беда, но и счастье - наша "тема" в мировой культуре - вечное совмещение "верха" и "низа". Тут профанация духа, как бы дающегося без усилий, профанация быта, как бы возносящегося к вершинам бытия, минуя средние ступени. Но и - иррациональное просветление жизни, остающейся в черных безднах. И - бунт, если просветления нет, - бунт бессмысленный и беспощадный.

У нас так: либо одухотворение жизни свершится, либо не свершится, и тогда... свершится все-таки, но - через слом и трагедию. Президентство тут не причем. Президентство - это вершина жизнеустройства и жизнеуправления. Президент может (должен) быть личностью (то есть ощущать себя существом духовным) так же, как личностью должен быть (в идеале) каждый человек. И последний бомж. Дух дышит, где хочет. А президентство осуществляется именно в "средних этажах" реальности. В той самой сфере, где у нас сроду "ничего не держится": или застывает, или сламывается, переворачивается, рассыпается.

Потому и задаем себе безответные вопросы, кружа вокруг точки "президентства", что эта точка концентрирует в себе всю неустойчивость средних сфер нашей жизни. Туда край и сюда край. Либо летаргия застоя и иллюзия, будто верность устоям (любимым - хоть тысячелетней, хоть семидесятилетней давности) обеспечивает твердыню духа (потом вдруг оказывается, что это твердолобая бездуховность). Или бешенство перемен перестроек - переименований; иллюзия, будто прорываемся к откровениям духа (потом выясняется, что это всего только очередной "эксперимент" и, в общем, - тот же самообман).

Разумеется, и в том, и в другом случае виноваты оказываются "власти". То есть "президентство". С "явления" переходим на "личности". И начинается русская разборка.

Оставить бы Богу богово, но и кесарево решать на уровне кесаря. Устройство жизни, самосохранение, оптимизация затрат. Стабильность и развитие, развитие и стабильность. Два крыла в полете. Демократы и республиканцы... Консерваторы и лейбористы... Христи-

анские демократы и социал-демократы... У нас это только нащупывается. Точка опоры и импульс перемены. Попеременное движение правым и левым флангом. Президент - центр тяжести, хребет, баланс, шарнир, древко, флагшток, ось, мачта, вымпел...

Нельзя ли - одну емкую формулу, кредо *достойного* России президентства?

Нельзя. Формула сожрет явление.

Рождается формула в голове ученого или литератора, партийцы, "крепко взявшие за руки", извлекают из формулы девиз; затем масса получает лозунг. Потом те же самые ученые и литераторы, задрав штаны, бегут за очередным комсомолом, отрещиваясь от крайностей: "мы не этого хотели".

Сначала мы пытаемся придать человеческое лицо социализму; потом вместо лица видим задницу, а лицо перемещается туда, где раньше обретался зад, и мы начинаем придавать человеческое лицо капитализму.

Работы, таким образом, хватает - при любом "выборе". Остается безделица: понять, что происходит.

Ясно одно: кредо президентства зависит от того, как будет понято достоинство России. Для этого желательно перестать раздирать прошлое на куски. Нет ни одного периода (в семьдесят, в триста лет или в семь месяцев), который можно вымарать из истории как ошибочный или тупиковый. Нет тупиков в истории, а есть этапы, и легких этапов тоже нет. Не дай Бог, как говорится, ни революции, ни контрреволюции, ни войны гражданской, ни отечественной, ни бунтов, ни усмирений, но если уж что выпало, - надо тянуть. И уж что вытянуто, - то вытянуто. Отцов и дедов - не судить задним числом, а снять перед ними шляпу. Они достаточно сами себя казнили, хотя и по неведомому им кодексу. И "коммунизм" был - не тупиком и не дурным экспериментом (как это получается в головах очередных литераторов), а был это самогипноз страны в условиях двух мировых войн (лучше сказать, вековой мировой войны, полвека - в два наката горячей, и еще полвека - холодной). Да, вожди были - люди страшные, и отбор был - по их готовности на самое страшное. Иначе на этой земле не воюют, увы.

Как погасить искры войн будущих? Везде искрит... Кого избрать пожарным? Какого искать президента?

Какого ни избери - он попадет во власть исторических обстоятельств. Он будет делать не то, что обещал, а то, что надо и то, что можно. То, что по силам народу.

Если он обещает дойти до южного моря, - не верьте. Не пойдет он к южному морю. Потому что "некем идти". Бабы солдат не нарожали.

Если он обещает накормить всех досыта пятью хлебами, не верьте. Потому что хлеб растет на земле. Если люди с земли бегут и от земли гуляют, не будет хлеба.

Если он обещает отпустить вожжи с тем, чтобы сильные, рванув, вытащили слабых, - не верьте. Так не бывает. Сильные, рванув, передушат слабых. И он же будет между ними пластаться.

У повивальной бабки-истории не рожают без боли и крови, без пота и слез.

"Я не обещаю вам ничего, кроме пота и слез", - сказал англичанам Черчилль, когда его избрали... то есть назначили... и, кажется, не в президенты, а в премьер-министры... Как видите, должность и процедура не очень важны; важна функция; важна личность, которая обеспечит выполнение функции... А если перевесит функцию, перейдет через край, наломает дров? Тогда придется такую харизматическую личность останавливать. Кто остановит? Другая личность - такая же костоломная...

Как видите, я фаталист.

Президента мы, конечно, выбираем. Но мы не выбираем "ни страны, ни погоста". Ни эпохи, в которую нам доводится жить, ни народа, без которого и вне которого пропадает смысл существования.

Не ведая этого смысла, бессмысленно решать, кого "сажать впереди".

Могут ли иметь какое-то практическое значение наши вопросы к вам и ваши нам консультации на тему «достойности» президентства?

Никакого. Типичный русский разговор - о злобе дня и о Причине Космоса разом. Облегчение души. Попытка подготовиться к неотвратимому. Угадать его. Но лишите нас этих "русских разговоров" - не выдержим.

А.М.Салмин

Российское президентство: природа и проблемы

Рассуждая о природе и проблемах российского президентства, политолог испытывает несколько с трудом преодолимых соблазнов.

Заманчиво, к примеру, отождествлять президентство с личностью президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина или с угадыванием «властным центром», имеющим как бы трансисторическим (но отнюдь не внецивилизованный) характер, или с исполнительной властью в ее вечном и абсолютном противостоянии власти законодательной.

Все эти соблазны вызваны в первую очередь молодостью у нас этого института как такового. Его просто не с чем сравнивать – краткое президентство Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева в этом отношении почти не в счет: оно не имело самостоятельного характера и было дополнительной или переходной формой – скорее политическим контрфорсом, чем несущей конструкцией. Уникальность явления, относящегося к предполагаемому виду, плодит искушения: стремление вывести особенности вида из этого явления или поместить это последнее в родовой контекст: поместить непосредственно, минуя родовую ступеньку. Отсюда и то, что мы наблюдаем: персонализация, архитипезация (культурная или психологическая), а также определение по принципу «от противного».

В последнем случае – от противного, которое оказалось таковым по отношению к определяемому случайно, в силу некоторого, едва ли многократно воспроизводимого, обстоятельства. Таким обстоятельством была, к примеру, борьба двух клик или, если угодно, партий, одна из которых сплотилась вокруг как бы законодательной (на деле советской) власти, а другая – вокруг созданного в ней системного соотношения с нею, в борьбе с союзным центром, президентство.

Еще один типичный соблазн формального вычитывания особенностей российского президентства из статей Основного закона имеет, конечно, более универсальную, так сказать, дисциплинарную, академическую природу, хотя особенности нашей сегодняшней ситуации не могли не придать и этому соблазну несколько гипертрофированного или, скорее, некомпенсированного характера.

В рамках такого формально-юридического подхода проблемы российского президентства связывают чаще всего:

- с сомнительной легитимностью, обусловленной тем обстоятельством, что нынешний Президент Российской Федерации был избран в 1991 году как Президент РСФСР - государства не самостоятельного, являвшегося частью другого государства;
- с избыточностью конституционных полномочий президента;
- с неправильной моделью разделения властей («за слишком много власти»), что отчасти тоже или почти то же самое.

Надо признать, что эти наиболее распространенные претензии к российскому президентству не очень удивительны.

Вопрос легитимности российской власти – власти вообще, а не только президентства – по сути еще серьезно не поставлен как политическая проблема. Можно спорить, хорошо это или плохо, но, во всяком случае, для тех, кто не видит его существования, едва ли может быть принципиальным и вопрос об «эрэсэфэсэровской» природе власти нынешнего главы государства.

В той системе категорий, в которой власть – от народа, имеющего право на волеизъявление и самоопределение, здесь нет особой проблемы. Во всяком случае, она перестанет существовать в 1996 году, после избрания Президента Российской Федерации в ее нынеш-

нем статусе. Для тех же, для кого проблема легитимности послереволюционной (имеется в виду, конечно, революция 1917 года) власти реальна – она гораздо шире и глубже, чем вопрос о РСФСР.

Что касается конституционных полномочий президента России в отношении других ветвей власти (подразумевается, конечно, в первую очередь – законодательной), то они не так велики, как часто себе представляют.

Главу российского государства нередко сравнивают с «республиканским монархом» - Президентом французской V Республики, что в общем естественно: мерить себя лучше на подходящий, а не произвольно взятый аршин. По ряду случайных и не случайных причин наше президентство меньше искажается в зеркале французского, чем, скажем, американского или, тем более, итальянского или немецкого. Между тем, даже формально российский Президент не сильнее французского. В противопоставлении парламенту, во всяком случае, он едва ли не слабее. Речь, конечно, идет о противопоставлении «по московскому счету», то есть о конфликте и столкновении: но ведь именно этот счет нас с некоторых пор и интересует по преимуществу, а не повседневное, рутинное перетягивание каната в тройственной игре с тем или иным способом формируемым, так или иначе ответственным правительством. Французов, верно, сегодня практически больше интересуют другие сравнительные характеристики, отсюда некоторое непонимание между ними и нами.

В самом деле, известный из беллитристики вопрос: «Если слон на кита полезет кто кого соборет?» - волнует в первую очередь начетчиков, во вторую – тех, для кого это актуально, или лишь в третью – всех остальных. Кстати, и во французской истории бывали времена, когда он не казался вовсе не важным.

Если рассматривать крайний случай, то есть невозможность дальнейшего существования президента и нижней палаты парламента, то в обеих странах главы государства обладают правом ее роспуска. В обеих странах президенты не могут пользоваться этим правом неограниченно. Согласно конституции, российскому президенту, как и его французскому коллеге, не удастся распустить нижнюю палату в течении года после ее избрания.

Дальше, однако, начинаются различия. Наш президент не может распустить в течении года любую Думу, независимо от предистории, а глава Французской республики – лишь палату, избранную на смену досрочно распущенной. Правда, в нашей конституции есть лазейка – роспуск в течении года все же возможен после троекратного отклонения Думой кандидата на пост главы правительства. Наш президент, в отличии от французского, не имеет права распустить парламент так же в течении года до выбора президента. Да и вообще, французский президент может – «после консультации с премьер-министром и председателями палат» - распустить Национальное собрание в принципе в любой момент и по любому поводу. Наш же имеет право сделать это лишь в двух ситуациях: неоднократного изъявления недоверия правительству (ст.117) и неоднократного неутверждения премьер-министра (ст.111).

Все сказанное подтверждает, что в сравнительном контексте российский президент не так уж силен в своих отношениях с парламентом.

Проблемы нашего президентства как такового (повторяю, речь здесь идет именно о президентстве, а не о власти вообще) в основном связаны все же не столько с его легитимностью или с избыточностью его прав по отношению к Федеральному собранию, сколько с другими обстоятельствами. Им можно условно свести к пяти:

- чрезмерной ограниченности или нечеткости полномочий других институтов власти в сочетании с их реальной слабостью;
- юридической размытости самого института президентства;
- неадекватности легальных структур власти ее реальной основе;
- в конечном счете, возможно, изначально неправильно сформулированному «техническому заданию».

Остановлюсь на этих обстоятельствах немного подробнее.

Президента в жизни, как короля на сцене, играет окружение. Но наш парламент еще не самоопределился – и дело здесь не столько в законах, сколько в обычаях, принципах и общественных условиях его деятельности. Нельзя забывать о человеческом измерении политических институтов. Очевидно крайнее нежелание большинства наших депутатов, среди которых очень мало социально самостоятельных людей, идти на такое обострение отношений с исполнительной властью, которое грозит им немедленными пере выборами. Собственно, даже относительно ограниченное, как мы видели, право президента на роспуск Государственной Думы не может не восприниматься ими как несправедливо огромное.

Еще в меньшей степени сформировались дух и плоть нашей судебной власти, не исключая, в некоторых отношениях, и Конституционный суд.

Дело, иными словами, не столько в силе президентства, сколько в слабости других институтов. Вакуум в сферах законодательства и правоприменения всегда заполняется действиями исполнительной власти, даже если эта последняя сама не обладает достаточной силой и организованностью. В этом смысле совершенно наивны надежды на то, что можно усилить какие-то ветви власти, просто ослабив президентство. Разделение властей - не игра с нулевой суммой.

Что касается президентства, то и оно само отличается некоторой рыхлостью и неясностью полномочий и возможностей.

Можно указать на существование некоторых органов, формируемых президентом и недостаточно регулируемых или даже вовсе не регулируемых Конституцией, федеральными конституционными законами обычным законодательством.

Это Совет Безопасности – консультативное «политбюро для бедных»: «военный совет» без четких обязанностей и с непонятными, вероятно – все время меняющимися возможностями.

Это Президентский совет – «совет мирного времени», состоящий из людей, привлекаемых Президентом на индивидуальной основе.

Это Администрация Президента в широком смысле слова (вместе со службой помощников и другими структурами), чья роль и возможности колеблются в зависимости от ситуации в диапазоне от личного аппарата президента почти до параллельного правительства. Достаточно сравнить Кремль и Белый дом, чтобы понять, у кого власть, а у кого возможности, но иногда роль Администрации как бы неожиданно усиливается.

Наконец, это некоторые так называемые специальные службы, такие как ГУО и СБП, от которых, как все привыкли думать, могут исходить самостоятельные политические импульсы.

Главная проблема, однако, заключается в том, что президентская власть, привсей ее внушительности, не опирается на сколько-нибудь заметную властную структуру.

Идеальный Президент нынешнего «русского» - то есть американо-французского (сильного) типа:

- действует в системе четко разделенных властей;
- имеет исполнительную вертикаль;
- опирается на устойчивое большинство (сильное меньшинство) в парламенте и на влиятельную организацию в стране.

Рассмотрим ситуацию вначале в горизонтальном разрезе. Выделив конституционно (ст.87, п.1 о верховном главнокомандующем, ст.86, п. «а» о руководстве внешней политикой) и фактически «силовой» и внешнеполитический блоки в правительстве из-под непосредственного, оперативного контроля президента, по сути, вывели остальную часть правительства, в частности, что особенно важно, экономические подразделения.

В своем домене президент – царь и Бог, и воинский начальник – и если даже иногда переоценивает степень своего контроля, то и это выглядит вполне в духе соответствующих традиций.

Вне этого домена он правит посредством указов – причем, в силу неповоротливости и «отраслевой» рыхлости правительства, постоянно издающихся «законоподобных» указов –

что в совокупности превращает фигуру президента в необычную смесь единоличного главы силовых исполнительных властей со второстепенной законодательной властью. Мы можем наблюдать своеобразное разделение властей «внутри» президента. В одних областях (а не ситуациях, что не то же самое!) он систематически действует как квазизаконодательная власть, в других – как исполнительная.

Если говорить о другом измерении, то внешне у президента мощная «вертикаль», даже три:

- назначаемые главы администрации;
- правительственные службы;
- представители Президента.

Но с лояльностью губернаторов уже сейчас не все просто, и к тому же положение рано или поздно изменится: их начнут выбирать.

Правительственные агентства, если оставить в стороне «домен», президенту на деле не подчиняются, и чем ближе парламентские выборы, на которых у премьер-министра может быть самостоятельная роль, тем все очевиднее.

Представители же президента – слабые агенты на местах со штатом, состоящим всего из пяти человек, и не очень понятными функциями.

Наконец, президент не опирается на партию, у него нет даже фракции, которую он мог бы назвать своей на протяжении всего срока легислатуры.

Подводя итоги, можно сказать, что в зависимости от условий места и времени, а также от воли можно создать «сильное» или «слабое» президентство.

Идея «сильного» президента предполагает главу государства, сильного не только в особых, предусмотренных Конституцией случаях, но и повседневно активного: реального главу исполнительной власти.

Но она же, кроме того, больше подходит для страны достаточно однородной, такой, в которой большинство в масштабах всего государства не обязательно должно подкрепляться большинством, в каждом из частей страны.

В стране, пригодной для этой системы, победа избранного большинством народа кандидата не должна оказываться обоснованно неприемлемой для меньшинства, поскольку в противном случае следует опасаться гражданской войны, жесткой диктатуры или как минимум отмены результатов выборов.

Там и тогда, где и когда нет уверенности в наличии этих условий, глав государства избирают не большинством всего народа, а косвенно: в различных национальных или федеральных собраниях. (В США переходили от косвенной системы к фактически прямой по мере укрепления единства страны.) Не жесткое правило, но вполне определенная тенденция, что избранный косвенным путем президент в целом «слабее» избранного прямым.

Так или иначе, «сильный» президент особенно нуждается в сильной опоре: аппарате, партии, фракции – вплоть до культурной и постоянно подогреваемой эмоциональной поддержке шумного или молчаливого большинства.

Сегодня у нас в стране существует президентство, воспринимаемое как сильное, а в действительности оказывающееся довольно слабым. Слабым и институционально, и с точки зрения опоры в обществе. В этом втором случае мы имеем дело с тем, о чем в этом очерке я старался говорить как можно меньше: о легитимности уже не президента, а власти вообще.

Во всех или почти во всех так называемых посткоммунистических странах «харизмы» избранных прямым голосованием «сильных» президентов хватает ненадолго: чаще на месяцы, чем на годы, а иногда – на считанные недели.

Конституционная и фактическая роли президентства, а также зыбкие законные рамки этого института и слабость его общественной опоры превращают выборы (по новой Конституции – раз в четыре года) в серьезное испытание для страны.

В этой ситуации необходимо либо постараться оптимизировать «сильную» модель, либо решительно перейти к концептуально (а не фактически) «слабой»: с президентом, избираемым в специальном собрании, и с сильным главой правительства.

Во втором случае у президента появится больше шансов играть роль арбитра, постепенно приучающего избирателей к тому, что глава государства может пользоваться не только моментальной массовой поддержкой, но и длительным всеобщим уважением. Выражаясь слегка высокопарно, президент в этом случае, помимо прочего, как бы обустроивает обитель верховной власти в стране.

Что касается премьер-министра, то в идеале он должен был бы опираться на поддержку партии и фракции, что у нас сейчас не очень вероятно. Скорее, в реальной жизни речь могла бы пойти о чередовании сильных – с точки зрения полномочий – но не очень «долговечных» премьеров, опирающихся на прагматические коалиции в Думе: своеобразная итальянская модель на русской почве. Мы получили немало вдохновляющих импульсов с Апеннин в живописи, архитектуре, музыке. Сейчас, когда у нас «темнее», чем в Италии, возможно, настал черед политики.

В нашей ситуации принципиальное изменение способа избрания президента требует принятия конституционных поправок: маловероятных, учитывая, что основные политические силы примеряют пост «сильного» президента на себя.

Характерно, что на фоне напряженных и затяжных дебатов по поводу выборов в Думу и способа формирования Совета Федерации споры вокруг закона о выборах президента выглядели незначительными.

Претензии к закону не имели отношения собственно к избирательной системе. Она проста (два тура с двумя остающимися кандидатами во втором), однажды, в 1991 году, уже опробована в России и, наконец, имеет, если можно так выразиться, международную сертификацию. Именно ее пять-шесть раз за последние тридцать лет использовали на Президентских выборах во Франции.

В нашем «политическом классе», если можно так выразиться, она принимается едва ли не консенсусом: может быть, отчасти, из-за недостатка опыта и специальных знаний о других системах.

Споры шли вокруг безусловно важных, но все же второстепенных вопросов – кто и как должен определять дату выборов, сколько подписей необходимо собрать кандидату (1,5 млн. или 500 тыс. – и та, и другая цифры достаточно внушительны), каков минимальный уровень участия избирателей (50 или 25%), можно ли использовать внебюджетные фонды для поддержки кандидатов...

Если верить логике поправок и замечаний, Совет Федерации стремился уменьшить вероятность срыва игры, не ставя вопрос о рациональности самих ее правил. Поскольку позиция большинства Государственной Думы в этом вопросе не является принципиально и продуманно иной, было естественно, что согласительная комиссия палат сумела быстро наметить путь к компромиссу.

В итоге, сегодня мы знаем, как выбирать президента, но не очень представляем себе, каким должно быть президентство.

Сейчас – скорее подсознательно, чем сознательно – делаются попытки оптимизировать существующую систему.

После парламентских выборов, с новой Думой, теоретически еще будет некоторое время, чтобы попытаться оптимально ее изменить.

И.М.Клямкин, В.В. Лапкин
Российское общество:
стихийный поиск формулы согласия

Не исключено, что постсоветский человек, уставший от невыполненных обещаний, сегодня вообще не может быть политически мобилизован декларированием общих принципов даже при благосклонном к ним отношении. Есть все основания предполагать, что в массовом сознании зреет запрос на нечто такое, что одновременно было бы и идеологией, и не-идеологией, и что соответствовало бы его представлению, с одной стороны, о практической

политике (результат разочарования в общих принципах), с другой – о политике честной (прямое следствие бесчисленных обманов и самообманов последних лет).

Косвенным подтверждением второго (запрос на практичность наши данные проиллюстрировать не позволяют) может служить отношение российского населения к богатству и богатым. Нетрудно заметить, что россияне близки к согласию лишь в том, что касается безнравственных или криминальных способов обогащения, предпочитая сделкам с совестью ради богатства «честную бедность» и отвергая принцип «деньги не пахнут». Меньше всего мы склонны рассматривать эти данные как проявление нравственного здоровья постсоветского общества. Скорее всего, здесь проявляется традиционная для России реакция на недостижимость богатства для большинства людей никаким способом, в том числе – безнравственным и криминальным (не говоря уже о том, что последний наталкивается на инерцию страха).

Частный потребительский эгоизм, притязающий на абсолютную свободу, как бы фиксирует тем самым в нравственных понятиях границы этой свободы для себя, а главное – для других, чьи личные качества позволяют сделать недостижимое достижимым. При крайне низком уровне благосостояния большинства и отсутствии цементирующего это большинство устойчивого среднего класса, общепризнанность таких границ (если не действительная, то хотя бы декларируемая) выступает чуть ли не единственным стабилизирующим общество фактором.

Не удивительно, что даже предприниматели не рискуют открыто претендовать на легитимизацию сомнительных в нравственном отношении способов обогащения, которыми в реальной жизни они, как известно, не брезгают: среди них хотя и меньше, чем в любой другой группе, предпочитающих нечестному богатству честную бедность, но и заявлять о том, что предпочитают обратное, среди них готовы немногие. Вместе с тем значительная (свыше трети) доля затруднившихся определить свою позицию по данному вопросу, что у предпринимателей наблюдается крайне редко, более чем симптоматична. Симптоматично и то, что самыми свободными в декларировании своей свободы от нравственных ограничений при выборе средств обогащения чувствуют себя учащиеся и студенты: они, как правило, не успели еще сделать ни одного шага по пути к богатству, реально они не связаны никакой ответственностью и потому могут эпатировать общественное мнение, демонстрируя возрастной идеологический и этический нонконформизм. Но и в этой группе такие люди составляют все же явное меньшинство.

Так что использование нравственной риторики в отношении к способам обогащения сегодня для политиков беспроигрышно. Однако само по себе оно не может принести и гарантированного выигрыша именно потому, что такую риторику могут использовать, не жертвуя своими политическими принципами, деятели всех без исключения направлений и оттенков.

Но если по отношению к способам обогащения имеет место почти всеобщее согласие, что уже само по себе исключает серьезную конкуренцию на этом поле, то по отношению к самому богатству обнаруживается существенная дифференциация позиций, что создает пространство для острой политической борьбы. Правда, во всех массовых группах тон чаще всего задают люди, в чьем сознании сохраняется как традиционное для России нравственное неприятие богатства («богатство и нравственность несовместимы»), так и сформировавшееся в последнее столетие его политико-идеологическое отторжение в духе упрощенных концепций классовой борьбы («раскол общества на богатых и бедных – вот причина всех несчастий»), причем второе укоренено даже глубже, чем первое.

Это вовсе не значит, разумеется, что значительные слои российского общества способны в очередной раз увлечься революционной риторикой, хотя полностью исключать такую возможность при определенном повороте событий мы бы не рискнули. Но пассивная восприимчивость к подобному языку (а она вполне способна предопределить тип электро-рального поведения) налицо.

Вместе с тем последние советские десятилетия, в ходе которых формировались массовые индивидуалистические установки, а особенно – посткоммунистический период, отмеченный фактической и идеологической легализацией богатства, - не прошли бесследно. Ни в одной из массовых групп доля согласных с несовместимостью нравственности и богатства не набирает и половины, а доля несогласных лишь в двух группах (пенсионеры и городские рабочие) не достигает трети. Еще более выразительную картину можно обнаружить в элитных группах, к которым примыкают в данном случае учащиеся и студенты: в них (за исключением руководителей колхозов и совхозов) число сомневающихся в моральной допустимости богатства уже сейчас меньше, чем убежденных в обратном.

Особое внимание хотелось бы обратить на директорский корпус, который в этом отношении почти не отличается от «новых русских»: риторика, клеймящая богатство, если и способна найти в их среде сочувственный отклик, то очень слабый. Несколько медленнее расстаются с прежней моралью офицеры и работники аппарата управления, что, впрочем, вполне объяснимо: в глазах первых обогащение чаще всего связано со сменой профессии, а положение вторых не обрело еще былой устойчивости: у них есть немалые – легальные и нелегальные – возможности извлекать прибыль из своих должностей, но эти же должности делают их ответственными за стабильность, предполагающую, помимо прочего, терпимое отношение к богатству и богатым со стороны тех, кто при переделе собственности оказался обделенным.

Поэтому, наверное, многие чиновники и не спешат предавать забвению старый идеологический язык (не говоря уже о том, что обделенные есть и в их собственной среде). Скорее всего, фигура чиновника, учитывая его традиционно доминирующую (и отнюдь не уходящую в прошлое) роль в России, еще долго будет одним из главных объектов борьбы различных политических сил. Но все же ход и исход ее определяют, в конечном счете, изменения в сознании наших рядовых сограждан.

Да, многие из них готовы отказаться от прежней (в том числе революционной) морали в отношении к богатству. Но, во-первых, неготовых пока больше, а во-вторых, среди готовых далеко не все принимают нынешнюю практику обогащения. Не устраивает же их в этой практике скорее всего не только сомнительные способы приобретения состояний; принять ее мешают стихийно складывающиеся и идеологически внедрявшиеся представления о том, что есть трудовой доход и труд вообще.

Вообще мы уже высказывали предположение (оно, разумеется, нуждается в проверке), что в массовом сознании удерживается традиционная советская версия общественной полезности различных видов деятельности, согласно которой, в частности, ценность физического труда выше, чем любого другого, уже в силу самой его тяжести и непривлекательности, а значимость массовых видов занятий выше, чем немассовых (в том числе из-за затруднительности доступа к ним). Этим, а не только распространенным (и не обосновательным) представлением о сомнительности способов постсоветского обогащения может быть вызвано неблагоприятное отношение значительной части россиян к тем же коммерческим банкам, о чем мы подробно говорили в предыдущей публикации. (1).

Но еще существеннее другое. Частный потребительский индивидуализм советского человека, с которым он вошел в постсоветскую эпоху, мог подготовить его к восприятию идеи богатства, но само это восприятие не могло не преломиться сквозь призму самооценки им собственных возможностей. Поэтому он и ищет достойную ему меру богатства (не только нравственную), которая могла бы вместе с тем и мерой универсальной, то есть распространенной и на других, ограничивая их притязания. Как показывают наши данные, в массовых группах довольно мало сторонников известной формулы «новых русских» («чем больше в стране богатых, тем богаче весь народ») – их доля лишь у безработных, в силу неоднократно отмечавшихся нами особенностей этой группы, выше трети, а из остальных – лишь у бюджетников чуть выше четверти.

Если учесть, что часть принимающих эту формулу одновременно выражает согласие и с другой, плохо с ней совместимой («нам не нужно ни богатых, ни бедных – нам нужен

достаток для всех»), то можно сделать вывод, что социальная среда, в которой действуют сегодня «новые русские» с их установкой на безмерное обогащение, не очень благоприятна ни для них, ни для выражающих их интересы политиков. Правда, в элитных группах, если не считать опять-таки руководителей колхозов и совхозов, картина и в данном случае иная (они здесь близки к расколу). Достаточно симпатично, однако, то, что директора-промышленники, зависимые от окружающей их социальной среды (то есть от работников своих нередко простаивающих предприятий), больше, чем предприниматели, начинают дистанцироваться от последних, которые в приверженности своей формуле резко отличаются от всех других групп.

Российский предпринимательский класс, похоже, не спешит извлечь уроки из трагического поражения своих предшественников в 1917 году, подобно им делая ставку прежде всего на власть и чиновника и забывая о том, что одной из главных причин того поражения было отсутствие контакта не с властями, а с широкими слоями населения. Население же, повторим, может принять сегодня «капитализм» лишь в том случае, если будет найдена исторически приемлемая для него мера имущественного расслоения.

Впуская в свое сознание идею богатства и неравенства, постсоветский человек не отрекается от своего давнего и недавнего прошлого, а делает заявку на обновленную идеологию равенства, на этот раз не в бедности, а в «достатке для всех». И вряд ли можно сомневаться, что соответствующая риторика найдет в его сознании благосклонный отклик. Весь вопрос в том, какие политические силы смогут заставить его поверить, что именно они лучше других сумеют удовлетворить его новый запрос.

Запрос этот отчетливо проявляется в отношении россиян не только к богатству и богатым вообще, но и к кругу проблем, которые в совокупности можно обозначить как «богатство и власть». Уровень благосостояния руководителей в советский период приобрел особое политическое и идеологическое звучание: бедность большинства населения требовала создания особого образа «начальства», не имеющего никаких иных целей и забот, кроме «служения народу», что обеспечивалось демонстрацией личной «скромности» правителей и соответствующими требованиями ко всему чиновничьему классу. Между тем консолидация «начальства» не могла быть обеспечена без создания разветвленной системы льгот и привилегий. Консолидация же общества могла осуществляться только при их сокрытии.

Советский человек, оставленный один на один с гигантской государственной машиной, нуждающийся в чиновнике и от него всецело зависимый, а потому именно им в первую очередь и недовольный, мог быть примирен с властью только тем, что ее представители в повседневной жизни не имели ничего (или имели очень мало) сверх того, что имел он. Идеологическая доктрина, предписывавшая соизмерять заработок чиновника с «зарплатой среднего рабочего», вполне отвечала такому состоянию массового сознания. По мере же того, как власть, движимая интересами корпоративной консолидации, все дальше отступала от буквы доктрины, по мере того, как официально насаждавшийся образ «скромного» руководителя слишком явно переставал соответствовать видимой реальности (информация о взятках, «банях» и «охотах» к концу брежневского правления все чаще просачивалась в печать), слова о «нерушимом единстве партии, правительства и народа» утрачивали остатки смысла, их мало кто слушал и слышал, а, тем более, мало кто верил им. Тот факт, что режим рухнул под ударами именно «борцов с привилегиями», говорит сам за себя.

Смена власти и легализация богатства ничего в данном отношении не изменили: в обществе сохраняется массовый спрос на риторику, использовавшуюся «демократами» первого («перестроечного») призыва с той лишь разницей, что теперь он отражает разочарование в самих «демократах», оказавшихся у власти. Другое дело, что сама по себе такая риторика уже не обладает прежним мобилизационным потенциалом (разочарование порождает неверие). Поэтому сохраняющийся спрос на нее является как бы отложенным: люди ждут появления на политической сцене деятелей, которые не только критикуют старую и новую власть и даже не только не несут ответственности за советскую и постсоветскую политику, но и находятся в стороне от политического противостояния последнего десятилетия между

«коммунистами» и «демократами». Успех партии Жириновского на выборах 1993 года, всплеск популярности генерала Лебеда после его отставки объясняются именно этим.

Вопрос не в том, чьим словам поверят. Современное российское общество близко к согласию относительно того, что «у обнищавшего народа не должно быть богатого руководства». Даже представители частного сектора, не рискующие противостоять господствующим настроениям, очень мало отличаются в данном отношении от других групп. Впрочем, у «новых русских» здесь может быть и свой особый «классовый» интерес. Нетрудно заметить, что в массе своей они отнюдь не спешат присоединиться и к другой формулировке идеи «богатых начальников», когда идея эта соотносится не с печальным настоящим («обнищавший народ»), а с обнадеживающим будущим (сумев заработать деньги сами, богатые руководители и «народ научат зарабатывать»). Хотя среди «новых русских» готовых согласиться с такой формулировкой и больше, чем в других группах, многие все же затруднились определить свое отношение к ней, а многие и просто выступают против.

Примерно то же самое наблюдается и в отношении к прямо противоположной (и повсеместно популярной) мысли о том, что «богатые люди», получив власть, постараются не допустить других к богатству и власти: согласных с ней среди предпринимателей несколько меньше, а несогласных больше, чем в остальных группах, но согласных все же немало, как немало (почти треть) и затруднившихся определить свою позицию. Очевидно, в предпринимательской среде сталкиваются две разнонаправленные установки. С одной стороны, «новые русские», почти всецело зависимые сегодня от федеральной и местной властей, хотели бы максимально приблизить ее к себе, иметь в ней своих лоббистов и надежную политическую и административную защиту, что не исключает и хождения самих предпринимателей во власть (прежде всего в законодательную). С другой стороны, они опасаются, что богатое чиновничество поставит их в еще большую от себя зависимость и начнет обменивать свои услуги на очень высокие вознаграждения.

Иными словами, они могут опасаться, что обновленная номенклатура станет своего рода аристократией, вернет и закрепит за собой статус силы, стоящей над обществом, но при этом многократно укрепит, соединив в одном «сословии» власть и легализованный частный капитал. В то же время лишь сравнительно небольшая часть предпринимателей (меньшая, чем в любой другой группе) согласна с тем, что «у власти в России должны стоять люди скромного достатка», уровень жизни которых соизмерим с уровнем жизни большинства населения и потому делает их способными понять его «нужды и заботы». Очевидно, «новым русским» видится здесь возвращение к прежней идеологии «скромного начальства», с которым гораздо труднее найти общий язык, чем с нынешним.

В этом отношении ближе всего к ним сегодня находится директорский корпус, освободившийся от жесткой опеки со стороны чиновника и не желающий в массе своей возвращения ни прежних своих взаимоотношений с властью, ни соответствующей им риторики (при всем том, что и среди директоров, зависимых от государственных дотаций и кредитов, благосклонно воспринимающих ее все еще немало).

Во всех же других группах (особенно в массовых) тон задают люди, живущие воспоминаниями об идеологии «скромного начальства» и сохраняющие приверженность ей. Они, разумеется, не забыли, что при советском режиме она так и не стала действительностью, как видят и то, что этого не происходит и при режиме новом. Поэтому они еще долго будут восприимчивы к риторике, развенчивающей мафию и коррупцию, еще долго будут сохранять предрасположенность к мифологизации и демонизации этих явлений, что само по себе отнюдь не способствует их искоренению, а является лишь оборотной стороной их существования (напомним, что коррупция и словесная имитация борьбы с ней – одна из давних и устойчивых отечественных традиций).

Показательно, что само чиновничество, если судить по нашим данным, чаще принимает, чем отвергает идеологию «скромного начальства», позволяющую ему находить идеологический и психологический контакт с массовыми настроениями и ожиданиями. Правда, управленцы позволяют себе несколько отойти от этой идеологии, когда появляется возмож-

ность оправдать такой отход ссылками на интересы и престиж России. Чиновничий класс приближается к городским хозяйственным элитам (директорам и предпринимателям), соглашаясь в значительной своей части с тем, что недостаточная материальная обеспеченность руководителей выглядит «унижением страны и ее народа». В других элитных группах, не говоря уже о массовых, такие представления распространены заметно меньше, а многим они и просто не понятны, о чем свидетельствует значительное число затруднившихся определить свою позицию.

Таким образом, запрос на обновленную идеологию равенства проявляется не только в отношении к богатству и богатым вообще, но и в отношении к представителям власти. Можно, конечно, усмотреть в этом с советских времен сохранившуюся неуважительность к управленческому труду, недооценку его сложности и ответственности (что, впрочем, имело свое оправдание в низкой квалификации советского чиновничества). Но наследие советской эпохи, повторим еще раз, сказывается и в том, что вышедший из нее постсоветский человек остается атомизированным индивидом, испытывающим потребность в опеке со стороны государства и – одновременно – в свободе от его вмешательства в свою жизнь. Компенсацией такого раздвоения и выступает в его сознании желание видеть стоящего над ним чиновника таким же, как он сам, по крайней мере во всем, что касается материальной обеспеченности.

Надо сказать, что в каком-то смысле подобные настроения не столько способствуют, сколько препятствуют решению одной из главных проблем, стоящих сегодня перед страной, – проблемы эффективности управления. Последнее предполагает сокращение численности чиновников при одновременном повышении их профессионализма, компетентности и независимости, что, в свою очередь, требует соответствующей оплаты их труда. Вектор же массовых настроений направлен сегодня не столько в будущее, сколько в прошлое, а прошлое, воспроизведенное в условиях легализованного богатства и нынешней бесконтрольности властей, превращает каждого чиновника в потенциального взяточника.

И все же и в этом вопросе, в вопросе о достатке «начальства», народное сознание ищет, похоже, некую современную меру между «скромностью» и богатством. Такой мерой выступает материальная независимость руководителей, в которой усматривается, возможно, определенная гарантия их неподкупности. Правда, в массовых группах, к которым примыкают руководители колхозов и совхозов, материальная независимость часто ассоциируется, похоже, с богатством и независимостью «начальства» от населения; поэтому в этих группах некоторое преимущество отдается «скромности».

Обращает на себя внимание и значительное число затруднившихся определить свою позицию по данному вопросу – верный признак того, что в массовом сознании размыта граница между представлениями о независимости и бесконтрольности (впрочем, она размыта и в жизни). Однако в элитных группах доминируют настроения прямо противоположные: «скромность» здесь почитается меньше (а среди предпринимателей и директоров – несравнимо меньше), чем материальная независимость. Возможно, это симптом того, что разрыв с прежними идеологическими представлениями о власти в этих группах уже произошел, а преодоление ее прошлой и нынешней коррумпированности видится в ее профессионализации, предполагающей легализацию оплаты управленческого труда, соизмеримой с его общественной значимостью.

Но, повторим, массовые настроения пока таковы, что риторика, несколько лет назад приведшая к власти «борцов с привелегиями», еще долго будет находить сочувственный отклик в российском обществе. Осуществить прорыв к деидеологизации образа власти, к ее рационально-функциональной оценке, не позволяет сама нынешняя реальность, в которой корпоративные интересы бюрократии могут реализовываться вне и помимо общественно-правового контроля, так как демократические процедуры такого контроля не сложились и обществом они почти не востребованы.

Свободные выборы тут сами по себе еще ничего не изменили и изменить не могли: избиратели получили право менять власть, но итогом этой смены может быть лишь то, что она снова окажется над ними и вне их контроля. И так будет до тех пор, пока уровень консо-

лидации власти будет оставаться несоизмеримым (а сейчас дело обстоит именно так) с уровнем консолидации общества. Последнее в таких условиях способно противопоставить первой лишь абстрактные идеологические принципы, а не принципиально новый тип общественной организации и самоорганизации.

(окончание следует)

1. Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // ПОЛИС. 1995. № 2. Показательно, что даже среди тех, кто отвергает мысль о несовместимости богатства и нравственности, лишь меньше половины (44%) положительно оценивают появление коммерческих банков в годы «перестройки»

Д.В. Ольшанский
Президентство: какое есть, такое и будет

"Хотели, как лучше,
а получилось, как всегда"
В.С. Черномырдин
Ему и посвящается.

Что такое президентство в США, знают даже американские дети. Что такое президентство в России... Возможно, знает только президент России. Хотя, возможно, не знает никто. Во всяком случае, именно к такому выводу приводит ряд наблюдений начала 1995 года.

Когда, в соответствии с Конституцией России, президент уже во второй раз обратился к депутатам Федерального Собрания с очередным ежегодным Посланием, возникла легкая паника в обеих палатах парламента РФ: никто не знал, как, собственно, депутаты должны реагировать, отвечать на это Послание. В предыдущий раз, в начале 1994 года, было как бы не до ответов: парламент был свежизбранный, озабоченный проблемами амнистии для узников октября 1993 года, и вообще "неструктурированный". Удалось отмолчаться.

Но прошел год, и стало очевидно: новая российская Конституция хоть и приблизительно, но все-таки регламентирует права и обязанности президента (скажем, предусматривает ежегодное обращение со специальным Посланием к депутатам парламента), но абсолютно не регламентирует права и обязанности следующих, "нижележащих" (под президентом) уровней политической системы. И потому депутаты нижней палаты проводили специальные слушания, дабы самим для себя придумать хоть какие-то формы реагирования на Послание президента, а депутаты верхней палаты даже провели специальное заседание Совета Федерации.

Итог, впрочем, был одинаково неутешителен: формы реагирования найдены не были, а новоконституционная политическая система тем самым не выдержала простейшего испытания "на разрыв" между "самым верхним" и просто "верхними", последующими уровнями. Сказанное относится не только к верхнему уровню законодательной (представительной) власти. Мучения, связанные с принятием Закона о правительстве РФ, как и постоянные стремления Думы внести хоть какие-нибудь поправки в Конституцию, расширяющие ее права в отношении контроля за правительством, однозначно показали: институт президентства в России "висит в воздухе", не имея даже простейших легитимных, конституционных и чрезвычайных "подпорок" - во всяком случае, в рамках действующей Конституции. Он - над всеми. В этом есть немало плюсов, но и немало минусов для института президентства.

В конечном же счете, это достаточно драматическая ситуация для всей явно до конца непродуманной и предельно аморфной новой политической системы России, поспешно оформленной новой Конституцией. Известно, что любая политическая система устойчива

тогда и, в общем, только тогда, когда каждый нижележащий элемент этой системы достаточно четко представляет себе смысл своего функционирования (то есть, все те же права и обязанности) по отношению к выше- и нижележащим уровням – в рамках этой самой политической системы. Иначе для людей просто нет смысла подчиняться и управлять. То есть, в принципе нет системы власти и управления как иерархии взаимоотношений доминирования и подчинения. Попросту нет власти.

Если согласиться с иногда высказываемыми утверждениями о том, что президентство есть краеугольный то ли "камень", то ли институт российской государственности, вопрос встает достаточно жестко. В таком случае, это "камень" скорее неземного, а метеоритного происхождения, заброшенный сверху - или, во всяком случае, висящий в воздухе. Он пока что так и не смог "врасти" в глубины этой самой новой государственности и не нашел себе необходимых подпорок ни в им же сконструированных этажах политической системы, ни в глубинах массовой психологии.

Презумпции такого рода подразумевают специфические ответы на ряд фундаментальных вопросов в отношении российского президентства.

1. ЧТО? Действительно, что представляет из себя институт президентства прежде всего для авторов данной политологической конструкции?

Предыстория известна: для СССР институт президентства был введен М.С.Горбачевым в качестве адекватной, с его точки зрения, замены института «генсекства». Затем инициатива была подхвачена сторонниками Б.Н.Ельцина, первоначальной целью которых было уравновесить влияние этих двух соперничавших персонажей по крайней мере в титулах, а затем уже переломить равновесие в пользу Б.Н.Ельцина путем разрушения содержания первого президентства (СССР) и раздувания содержания президентства второго (России). Схема была реализована, российское президентство состоялось.

Таким образом (вопрос "что?"), российское президентство прежде всего и представляло собой орудие в борьбе против президентства союзного. Затем оно стало представлять собой инструмент проведения радикальных реформ (в частности, даже посредством временного объединения постов президента и премьер-министра России). Еще позже российское президентство стало средством концентрации государственной власти и налаживания управления - вспомним аргументы наиболее активных апологетов президентства типа Г.Э.Бурбулиса, С.М.Юшенкова и др., настаивавших на том, что хотя бы в тактических целях (подчинение Центробанка, Прокуратуры и т.п. институтов государственности) необходимо, елико возможно, усилить роль верховного социально-политического института. Вспомним и настойчивую аргументацию ведущих апологетов "просвещенного авторитаризма" А.М.Миграняна и И.М.Клямкина, настаивавших чуть ли не на абсолютизации роли и значения этого института.

В конечном счете, на сегодняшний день российское президентство это одна из последних опор сохранения российской государственности и управляемости страной в рамках избранной политологической парадигмы.

2. КАК? Действительно, как именно возникла такая ситуация, при которой единственная ставка была сделана именно на этот институт? Фокус именно в том, что уже изначально была избрана персонцентрическая, а не демоцентрическая парадигма. Вместо власти многих избранных ставка была сделана на власть одного избранного. Можно понять, что все надо делать поэтапно: если один "друг Буша" оказался "слабаком" и разочаровал своего друга тем, что не смог удержать Союз на пути управляемого распада, проще сделать ставку на другого друга. Разница между друзьями, в конечном счете, заключалась в том, что один был избран партией, а второй - российским электоратом. Однако почему единственное различие - характер избрания - оказалось достаточным и вытеснило второй фактор - количество избранных - остается непонятным до сих пор.

Введение полномасштабного института российского президентства (речь не о выборах 1991 года, а о событиях 3-4 октября и, затем, о референдуме по новой Конституции 1993 года) потребовало, в самом строгом политологическом смысле, осуществления госу-

дарственного переворота. Избегая политических оценок, нельзя не зафиксировать, что именно так и состоялось утверждение института российского президентства: через поддержку силовых структур и личное участие в этих событиях ведущих представителей правящей олигархии и основных "групп интересов" - например, В.С.Черномырдина.

3. **КТО?** Действительно, кто и на кого сделал данные ставки, кто был в наибольшей степени заинтересован в возникшей властной парадигме? В конечном счете, уже с конца 1991 года было понятно: ставка на персонцентризм означает отмену демоцентризма. С абсолютной ясностью это стало очевидным к концу 1992-началу 1993 года, в ходе борьбы президента с Верховным Советом и Съездом народных депутатов РФ. Все это выкристаллизовалось и вышло на уровень активных политических действий в сентябре-октябре 1993 года. Завершилось же все ликвидацией институтов "советской власти" и "народных депутатов". И дело совершенно не в том, кто, как и когда был избран в качестве высшей представительной власти России. Скорее, наоборот: дело в том, кто не был избран населением, а оказался назначенным на свои позиции. Вывод прост: переход от старого персонцентризма к чему-то новому (декларативно - к демократии) начался с нового персонцентризма. Новый же персонцентризм привел к очевидному восстановлению олигархии (то ли "старой номенклатуры", то ли новой - в данном случае, это не принципиально). Таким образом, становится понятно: именно олигархия и была тем самым "кто", двинувшим ситуацию в данном направлении. Как гласит восточная мудрость, в любой диктатуре есть свои прелести - особенно для людей, близких к диктатору.

4. **Почему?** Действительно, почему был избран именно этот вариант, хотя изначально было ясно, что "хранить все яйца в одной корзине" как минимум рискованно (даже для правящей олигархии)?

Да просто потому, что псевдодемократическая "ловушка для дурака" (политологический термин) грозила захлопнуться. Фокус заключался в том, что уже вторые выборы народных депутатов России могли стать той точкой отсчета, от которой страна и впрямь могла двинуться к демократии. Вопрос заключался в том, какой могла бы стать эта демократия. И потому, что кто-то испугался охлократического варианта развития событий, состоялся переход к настолько контролируемой и такой персонцентрированной политической системе, которая не может в строгом смысле слова называться демократической. Внутренне это авторитарная олигархическая политическая система. Возможно, переходная к демократической, но, возможно, и нет. Ясно, во всяком случае, что именно таким образом возникла квазидемократическая ситуация, которая на деле несколько противоречит самому смыслу слова "демократия". И потому президентство у нас парадоксальное: хоть и демократически вроде бы принятое (референдум по новой Конституции), но авторитарное по своему содержанию.

Таким образом (вопрос "почему?"), данный вариант был избран потому, что иной другой просто противоречил интересам олигархических кланов, стремившихся к переделу власти-собственности в свою пользу. Потому, что в трехчленной схеме, выработанной западными теоретиками и практиками перехода от тоталитаризма к демократии ("тоталитаризм" - "авторитаризм" - "демократия") не нашлось более мелких, промежуточных элементов. Потому, что якобы "иного - не дано". Вспомним: ведь именно этот бойкий лозунг уже с известного времени стал своеобразными шорами, ограничивающими сознание наших тогдашних ведущих политиков и аналитиков. Он породил, среди прочего, и пресловутую идею о том, что "нет альтернативы" лично каждому конкретному из наших президентов.

Разумеется, на заданные выше четыре ключевых вопроса возможны и принципиально иные ответы. Целостный и логически непротиворечивый набор ответов задает не только рамки осмысления произошедшего - в конечном счете, это достаточно бессмысленный процесс (ведь событие совершается только один раз, а потом обсуждаются исключительно версии, они же по определению различны). Он еще и очерчивает варианты прогнозирования будущего. Это же значительно важнее и продуктивнее. Попытка прогноза, в свою очередь, ставит несколько дополнительных, но не менее принципиальных вопросов.

Уникален ли российский политический опыт по части президентства? Разве что для самой России, да и то лишь отчасти: до российского у нас уже было хоть и недолгое, но союзное, горбачевское президентство. Однако, отсутствие уникальности не означает привычности и отработанности моделей. Это всего лишь значит, что при рефлексии о российском президентстве нет и даже не может быть речи о попытке построения "теории единичного факта".

На самом деле, в рамках обозначенной нами выше логики рассуждений (четыре ответа на базовые вопросы), это скорее теория опровержения единичного факта или, по крайней мере, теоретическое обоснование недостаточности даже двух единичных фактов для построения некоей теории. Нельзя строить ни теорию, ни антитеорию на основе единичных фактов. Но нельзя и заниматься софистикой, утверждая, что невозможность теоретических построений на базе единичных фактов требует сразу более широкого теоретического построения - это явно отдаёт утопией и попытками подвести под единичные факты некое квазиуниверсалистское обоснование. Иллюзии в отношении "мирового (?) опыта президентства" - абсолютно недостаточное основание для рассуждений об "универсалистской" природе данного феномена. Хочешь - не хочешь, а то, что по определению "российское", то уже специфичное. И никуда от этого не деться: что русскому здорово, то, как известно, для немца - смерть.

Самый важный с прогнозной точки зрения вопрос внешне звучит жестко: общество для президентства или президентство для общества? Однако жесткость в данном случае парадоксальна: ведь если вдуматься серьезно, то это - псевдovoпрос. Ответ на него, учитывая все недолгие исторические перипетии становления президентства в России, будет слишком прост. Не общество для президентства. И не президентство для общества. При полной неясности того, что же представляют собой (а) президентство, и (б) общество, их просто нельзя соотнести друг с другом и, тем более, соподчинить.

Российское президентство ныне - это, скорее, всего лишь новое обличье для все той же персонифицированной (внешне) власти олигархии (внутренне). Псевдodemократическое наименование для реставрации личностной структуры власти сложилось как переходная форма от "генсекства" и псевдо-коллективного руководства - к новым, более осовремененным, модернизированным формам. К внешне единолично ответственному (в противовес старому, "коллективно-безответственному" варианту), а глубинно - корпоративно разделенному по части той же ответственности корпоративному руководству. Таким образом, президентство - для олигархии. Как, впрочем, для нее же - и общество.

Российское президентство и российское общество пока что не связаны друг с другом напрямую. Как мы убедились, нет даже четко прописанной юридической связи через уровни политической системы. Тем более, нет связи и житейской, непосредственной. Можно прогнозировать попытки убрать даже электоральную связь - не случайно уже идут разговоры о том, что президента можно выбирать то ли выборщикам, то ли, как своеобразного "короля на паях", представителям специального корпоративного органа - скажем, Совета Федерации как корпорации региональных олигархов. В этом - суть: между президентством и обществом уже имеется "посредник" в виде правящей олигархии.

Это же означает, что наше президентство на сегодняшний день не демократично, а олигархично. Есть смысл вспомнить о том, что в конечном счете, принципиальная, парадигмальная разница между демократией и тоталитаризмом проста и почти ощутима: если демократия - это институционализируемая неопределенность, то тоталитаризм, наоборот, есть институционализируемая определенность. Соответственно, президентство в России могло иметь два базовых варианта. Один из них, действительно, институциональная определенность. Другой - определенность персональная. В первом случае, это просто президент имярек, регулярно сменяемый обществом (общенародным голосованием) на основе фиксированных и равнодоступных для участия процедур. Во втором случае - это президент Б.Н.Ельцин, указ о дате перевыборов которого должен подписать он сам.

Однако существует прогнозное предположение о том, что мы движемся к третьему варианту, при котором определенность будет и не институциональной, и не персональной. Есть определенная вероятность того, что она будет неформализованной, групповой и корпоративной - то есть, опять-таки, олигархической.

В конечном счете, в судьбе российского президентства нечто принципиально самое важное зависит сегодня от самого носителя президентского звания. Нельзя не понимать простых вещей: президент РФ - это пока все еще далеко не политический институт. Это все еще титул. Это высокое звание персоны, несущей данный титул и олицетворяющей данный политический институт. Сказанное же означает, что в конечном счете именно и конкретно от самого Б.Н.Ельцина зависит (как от Кучмы на Украине с одной стороны, и Ниязова в Туркмении, с другой стороны), станет ли российское президентство действительно институтом социально-политической системы, останется титулом одного человека или же станет коллективным псевдонимом олигархической группировки.

Ключ к пониманию важности этого вопроса очевиден. Нам предстоит либо сменяемость носителей президентского титула в рамках стабильного конституционно-правового поля, либо несменяемость носителя при сменяемости конституционно-правовых полей вокруг титулованной особы. Либо, в третьем варианте, сменяемость и того, и другого при несменяемости правящей олигархии. Вероятность того или иного варианта связана с тем, как будут развиваться и взаимодействовать три основных фактора: Президент, Олигархия и Массовое сознание.

Связи между президентством и олигархией на сегодняшний день просты и понятны. Сложнее со связью олигархии и массового сознания.

Обратимся к массовому сознанию. Как бы ни старались олигархи - конструкторы новой политической системы и идеологические дизайнеры, с точки зрения усвоения того или иного элемента политической структуры важнейшим является вопрос о том, насколько приживается его обозначение в массовом сознании. Имея в виду середину 1995 года, можно уверенно утверждать: хотя внешне наименование "Президент России" прижилось в обыденном словоупотреблении, содержание этого термина не вполне соответствует принятым политологическим канонам. По данным ряда опросов, Б.Н.Ельцин определяется 65-70% населения как "царь для богатых". Это с достаточной очевидностью говорит о том, что персонцентрическое правление, практически всегда (после новгородского схода типа "вече") свойственное отечественной политической культуре, сумело и в этот раз избежать модернизационных веяний. Двигаясь по нисходящим, регрессивно-деградационным линиям развития, массовое сознание парадоксально и неожиданно сумело вернуться к понятиям фактически допетровской эпохи. Как известно, это происходит с нами уже не в первый раз. Модернизаторские намерения Петра I, среди прочего, выразившиеся в перетитуловании царствующей особы (от "царя" - к "императору") не выдержали долгосрочного испытания. На смену "императору" и "императрице" вновь пришли "цари". После генсеков и президентов, похоже, нас ждет то же самое - во всяком случае, по обыденному словоупотреблению, что называется, "продолжение следует" уже сейчас.

Олигархия пока что не смогла достичь своих целей в массовом сознании: добиться восприятия президентства как корпоративно-олигархического понятия и института. Произошло это по простой причине: недооценили роль еще одного необходимого в таких случаях посредника - элиты.

То ли в принципе решили обойтись без нее (в период первоначального накопления капитала любая олигархия хотя бы отчасти криминальна, а криминальной олигархии элита, особенно интеллектуальная, просто не нужна и даже противна), то ли просто руки не дошли. Однако никто кроме элиты не может уговорить массовое сознание быть послушным и следовать принятым наверху "правилам игры". Именно уговорить - заставить могут репрессивные структуры, но тогда это уже даже не псевдодемократия.

Мировой же опыт перехода от тоталитаризма к демократии позволяет вывести один из базовых законов такого перехода: он требует фиксированного срока. И срок этот извес-

тен, он установлен эмпирическим путем: десять лет после вторых демократических выборов. Об этом - опыт Испании после Франко, Португалии после Салазара, Греции после "черных полковников", ряда латиноамериканских стран после военных диктатур. Более того: абсолютно точно известно, для чего нужен именно такой срок. Он необходим элите для того, чтобы, во-первых, сообразить самой, что новые "правила игры" лучше старых (а для этого она должна "почувствовать разницу" в своем положении и отношении к себе), а во-вторых, для того, чтобы уговорить следующие поколения следовать этим правилам, как бы примирить их с ними. Так было, и так будет. Нет никаких оснований считать, что нас минует чаша сия. Это же означает несколько простых и очевидных выводов.

Первое. Если в 1996 году действительно состоятся вторые, причем действительно демократические президентские выборы, будет смысл начинать отсчитывать искомые 10 лет. Если что-то будет не так - придется ждать вновь, причем вначале опять первых, а потом уже вторых выборов. И только уже затем, опять, вновь начинать отсчитывать эти самые роковые десять лет.

Второе. Нельзя консолидировать массовое сознание (то есть электорат), не консолидировав элиту. В конкретном выражении это означает, что олигархия, хотя бы отчасти структурировав власть-собственность после первичного раздела и размежевания "нефтяников", "металлургов", "банкиров" и т.п., должна структурировать элиту. Путь прост: надо структурировать, поделив, рынок интеллектуальных услуг. Это значит, по аналогии, скажем, с ресурсными "естественными монополиями", выстроить не менее интеллектуальные естественные монополии - например, "по обработке общественного мнения", "по связям с общественностью", "по проведению президентских избирательных кампаний" и т.п. После монополистов-держателей ресурсов (нефти, газа и т.п.) настало время монополистов-держателей власти. Но задача безнадежна без появления монополистов-держателей массового сознания.

Третье. Сколь-нибудь стройная и управляемая социально-политическая система требует четкого разделения функций и привлечения новых людей высокого профессионального уровня. Беда, как известно, начинается тогда, когда пироги начинает печь сапожник, а сапоги тачать пирожник. На сегодняшний день мы слишком многого требуем от президента - а его задачи гораздо скромнее. Они не в том, чтобы печь указы, а в том, чтобы служить гарантом государственности. Олигархия "навесила" на президентство слишком многое - так и надорваться можно. Не надо и брать слишком многое на себя - если массовое сознание видит в одном лице и ресурсную суперкорпорацию ("Газпром"), и правительство В.С.Черномырдина, и партию "Наш дом - Россия", пытающуюся рассестись на парламентских скамьях, то возникает слишком много ненужных вопросов. Не надорвутся ли? А то еще Черномырдин и в президенты пойдет - как же это, одновременно: и газ качать, и законы писать, и их же исполнять, и еще государственность гарантировать? И тут никакая элита, тем более в ее нынешнем положении, не найдет, что же ответить населению. А оно само уже про "нефтегазовую правительственную хунту" рассуждать научилось. И про то, что "в Кремле газом пахнет", тоже.

Правящей олигархии самой выгодно и просто необходимо четче разделить функции президентства, правительства и парламента, а также поделиться функциями с иными различными отрядами политической и околополитической, интеллектуальной элиты. Особенно нужна сеть специальных посредников во взаимоотношениях с массовым сознанием. И необходимо помнить, что от отсутствия четкой разделенности функций не так давно рухнул институт "генсекства" - хотя он был и покрепче президентства российского, и, по крайней мере, не слишком чурался элиты.

Увы - но странная игра в "русскую рулетку" продолжается. Причем ныне во многом это чисто вербальная игра: не умея улучшать суть, пытаемся ограничиваться переименованиями. Как когда-то введение слова "секретарь" вместо слова "царь", так сегодня - появление слова "президент" мало чего меняет. Пока что это - лишь очередной тур пресловутой "игры в бисер". Точно называлась книга Успенского: "Слово о словах: ты и твое имя". На

сегодняшний день главная проблема России, связанная с необходимостью нового структурирования общества и выстраивания уже не "принципиально новой", а хоть какой-нибудь устойчивой политической системы, связана с названием власти. Какая у нас власть? Как называется? Кому она принадлежит? Вот что тревожит людей. В ситуации дезориентации и распада прежде понятных понятий "слово о словах" становится основополагающим для структурирования человеческого сознания. И именно здесь принципиальным является то, как будет называться "кресло N 1", как будет называться "человек N 1", как будет называться высший уровень и олицетворение власти. На сегодняшний день все эти вопросы не имеют определенных ответов. Потому и президентство у нас - какое есть, такое и будет. Потому, что - такое и было.

А.С. Панарин
Какое президентство ждет Россию?

1.Методологическая преамбула

При анализе этой важной проблемы важно занять верную методологическую позицию. Наша политология - становящаяся наука. Она переживает ту фазу развития, когда молодое научное сообщество от методологической робости и растерянности внезапно переходит к безграничной методологической самоуверенности, обещая все объяснить, предсказать, предвидеть. Я бы назвал это состояние "лапласовским синдромом". [1]

Наряду с этим политическая наука наследует технократический синдром, связанный с поисками "отлаженных" механизмов в управлении обществом - его производственной, экономической, научно-технической сферами. Технобюрократический разум, активизированный на стадии "программированного общества", более всего страшился непредсказуемости, связанной с вмешательством "человеческой субъективности", и мечтал замазать трещины в мировом порядке с помощью "автоматически действующих" механизмов. Вот это стремление заполучить "полную предсказуемость" толкает политическую науку к поискам отлаженного политического механизма, а реформационную практику - к заимствованию тех политических учреждений, которые хорошо зарекомендовали себя в других странах.

Это относится и к институту президентства. Многие отечественные политологи пытаются перенести на нашу почву американскую модель, полагая, что ее эффективность целиком объясняется институциональным характером - идеальной взаимной пригнанностью учреждений законодательной, исполнительной и судебной властей. На самом деле американская политическая система своей устойчивостью обязана многим внеинституциональным предпосылкам, связанным с особенностями истории и культуры США.

Во-первых, молодая американская демократия опиралась на относительно небольшой, однородный в расовом и социальном отношениях слой населения - белых владельцев собственности. Этот слой свои основные проблемы решал вне политики и требования, к ней предъявляемые, никогда не были чрезмерными, создающими перенапряженность в системе управления. Политический консенсус также был легко достигаем - в силу однородности политически активного меньшинства.

Во-вторых, центральное правительство обладало сравнительно узким кругом полномочий: основные социальные проблемы решались на местах. В классический период становления американской политической системы последняя никогда не сталкивалась с чрезмерно завышенными ожиданиями населения.

Наконец, понятие "отодвигаемого фронта", связанное с обилием свободных земель на Западе США, служило важной отдушиной и питало американскую мечту о возможности каждого гражданина, потерпевшего неудачу в привычной среде, "начать сначала", на новом месте.

Только эти благоприятнейшие стартовые условия позволили американской демократической системе спокойно созреть и отладить режим работы. Вряд ли состоятелен механический перенос этой системы в условия нашего расколотого общества, к тому же возлагающего все свои надежды (или обиды) на Центр и, по меньшей мере, трижды роковым образом обманувшегося в обещаниях "светлого будущего", которые давали разные идеологии, разные политические элиты и режимы.

Поэтому и в теоретическом анализе, и в прогнозировании, и при выработке экспертных оценок и рекомендаций было бы крайне опрометчивым идти по пути поисков некоего автоматически действующего политического механизма, который обладает заранее заданными свойствами и гарантиями социальной стабильности. Таких механизмов нет и быть не может; ориентация на них свидетельствует о давлении старой традиции классической науки, не знающей ни принципов неопределенности и стохастичности, ни бифуркационных эффектов.

Интересно, что всякая новая наука наследует традиционные ожидания классики и немало способствует насаждению соответствующих иллюзий в обществе. Вероятно, люди нашей эпохи еще не в состоянии окончательно свыкнуться с мыслью, что "гарантированного порядка" и "гарантированного будущего" у современного человека быть не может - они ушли вместе с уходом традиционного общества, с его механизмами наследования и преемственности. В особенности это характерно для нашего общества, которому большевики в свое время, взамен разрушенной традиции, подарили "светлое будущее". Тот факт, что наша отечественная политология по преимуществу вышла из научного коммунизма (достаточно указать на происхождение соответствующих кафедр, лабораторий, секторов) лишь усугубляет давление несостоятельной системы ожиданий.

Таким образом, при анализе перспектив президентства в России необходимо сочетание институтоцентричного политологического анализа с анализом цивилизационным, культурологическим, геополитическим, с методом сценариев, сопоставляющим альтернативные варианты будущего. Политический процесс представляет собой сочетание различных "логик", одна из которых означает отнесение к интересам, другая - к ценностям, третья - к причинам (предшествующим состояниям), четвертая - к ожиданиям желаемого будущего и т. п.

2. Российский авторитаризм: давление традиций и обстоятельств, или логика производства власти?

Наше общество весьма быстро перешло от эйфории демократических ожиданий к тяжелым предчувствиям новой диктатуры. Давление каких факторов обеспечило искривление политического пространства молодой демократии и породило в нем неожиданные изломы и разрывы? Рассмотрим проблему в разных теоретических парадигмах.

Детерминистская парадигма: логика обстоятельств

В России общественное восприятие власти почти постоянно сопровождается ощущением чрезвычайщины: чрезвычайных обстоятельств и вызванных ими чрезвычайных полномочий правящего центра. Здесь - главный парадокс нашего общественно-политического бытия: ведь чрезвычайные обстоятельства, по определению, не могут быть перманентными. Над российской историей тяготеет драматическая дилемма: власть или анархия (безвластие). В относительно стабильные периоды людей интересуют социальные качества власти: насколько она компетентна, доступна влиянию снизу, учитывает интересы различных слоев населения и т.п. Но в смутные, переходные времена население России сталкивается со столь грозными социальными стихиями, что центральным становится вопрос: как обуздать эти стихии, не дать им окончательно захлестнуть общество, превратить его в "войну всех против всех". Действие "тоталитарного механизма" нагляднее всего проявилось

в практике большевистской партии, которая сначала развязала предельную анархию в обществе (развал армии, фронта, государства, рынка и т.п.), а затем породила особо жесткую технологию насилия для преодоления этой анархии.

Сегодня, наблюдая всеобщее попустительство властей в отношении всех видов анархии - от развала границ до развала общественного порядка - задаешься вопросом: не включен ли уже пусковой механизм нового тоталитарного "обуздания стихий", не сталкиваемся ли мы здесь со своего рода стратегией? Наряду с этими механизмами политического цикла (традиционный "душный" порядок, разрушение его, доходящее до невыносимых крайностей, и, наконец, тоталитарное усмирение крайностей) действует перманентное давление особых условий российской истории и географии. Как сказал И. Ильин: "Первое наше бремя есть бремя земли - необъятного, непокорного, разбегающегося пространства... Второе наше бремя есть бремя природы. Этот океан суши, оторванный от вольного моря..., эти губительные засухи, эти бесконечные болота на севере, эти безлесные степи и сыпучие пески на юге: царства ледяного ветра и палящего зноя... И третье наше бремя есть бремя народности... до ста восьмидесяти различных племен и наречий..." [2]

Понятие «разбегающегося пространства» является, пожалуй, ключевым. Долговременный исторический опыт показывает, что это пространство отличается особой геополитической жестокостью: чтобы выжить в нем, нужна государственность, существенно отличающаяся от того "государства - минимума", которое стало эталоном западного либерализма. В нашем евразийском пространстве требуется существенно иной баланс общественно необходимого времени: доля ратно-служилого и политико-административного времени здесь значительно выше, чем на Западе, доля производительного (экономического) времени существенно ниже.

Это специфическое соотношение является перманентным фактором давления в пользу авторитаризма и централизма и не может не накладывать отпечаток на эволюцию политических институтов. Вот почему достаточно последовательные радикал-либералы не оттаиваются перед любыми мерами, направленными на превращение России в государство "среднего уровня", отличающееся большей географической однородностью. Разрушительные последствия этой стратегии мы сегодня испытываем на себе: оставленные за бортом части бывшего советского пространства не остаются пассивно-нейтральными, они агрессивно вторгаются в нашу жизнь, создавая все новые социальные и геополитические угрозы... Следовательно, простая геополитическая редукция не является той процедурой, посредством которой мы сможем обрести вожеленную стабильность и облегчить тяжкое бремя российской государственности.

Парадигма производства власти

Сегодня мы переживаем примерно ту же фазу политико-исторического цикла, которая имела место после Брестского мира - тяжелого государственного унижения России, внутреннего развала и полной неопределенности геополитических перспектив. Большевики развалили армию и государство в качестве опор прежнего ненавистного порядка и третируют буржуазное "оборонческое сознание", ссылаясь на то, что ожидаемая ими со дня на день мировая пролетарская революция автоматически снимет все проблемы обороны границ, безопасности и тому подобное. Когда же обнаружилась утопичность ожиданий мировой пролетарской революции, перед большевиками встала жесткая дилемма: либо признать банкротство своего курса и уйти от власти, либо превратиться в национал-большевиков, осуществив процедуру внутреннего размежевания с утопистами-интернационалистами и обратив против них гнев обманутого народа.

В настоящее время мы наблюдаем тот роковой момент "диалектического превращения" отрицательной российской государственности в неистовую державность, которое в свое время изумило мировую социалистическую диаспору. Дело в том, что развал военно-промышленного комплекса, армии, геополитического пространства и оберегающих его со-

юзнических договоров наши либералы осуществляли под влиянием очередной утопии "светлого будущего". На этот раз речь шла о "новом мировом порядке" и возвращении в "европейский дом". Когда же все оказалось разрушенным и подорванным, а прием в европейский дом так и не состоялся, встала не менее жесткая дилемма: уходить от власти с бременем тяжелейшей государственной ответственности или осуществить внутреннюю инверсию в духе национал-патриотизма и попытаться направить недовольство обманутых соотечественников на срочно сконструированный объект ненависти.

Итак, условия игры остаются примерно теми же. Подобно своим большевистским предшественникам, совершившим неслыханные преступления против народа, против России и потому готовым цепляться за власть любой ценой (в противном случае их ожидал бы не статус уважаемой оппозиции, а эшафот), нынешний номенклатурно-мафиозный симбиоз не может просто уйти с властной арены. Его тайны никак не менее деликатны, чем тайны "великой подпольной партии" - их разглашение смерти подобно. Следовательно, необходимо сохранить власть любой ценой. Но сохранить власть на фоне сокрушительных поражений собственного курса - значит небывало взвинтить ее, вооружившись, для самооправдания, небывалыми, миропотрясательными аргументами.

Таким образом, главный парадокс нашей новейшей политической истории состоит в том, что основателям августовского режима для сохранения своей власти предстоит уже завтра занять позиции, прямо противоположные тем, с которыми они начали свою реформаторскую деятельность. Неистовые западники станут "восточниками", предающими анафеме "вавилонскую блудницу" - Америку. Либералы, адепты теории государства-минимума, станут законченными этатистами. Мондиалисты и космополиты станут националистами, да такими, что это, боюсь, превзойдет все, до сих пор виданное в России.

Сегодня предпринимаются отчаянные попытки предотвратить эту инверсию (ибо за ней непременно последуют внутренние чистки в рядах правящей элиты) на путях создания американской двухблоковой модели. Я имею в виду недавнее появление "центристской" системы: левоцентристского блока И.Рыбкина и правоцентристского - В.Черномырдина. Но дело в том, что "нормальные" центристские модели работают в нормальных политических ситуациях, в условиях общенационального консенсуса по поводу желаемого будущего и базовых ценностей. В условиях же расколотого общества, потенциальный электорат которого сосредоточен не в центре, а по краям политического спектра (в центре - вакуум), эта модель вряд ли окажется перспективной.

Кроме того, что за нею просматривается своекорыстие правящей элиты, стремящейся организовать "выборы без выбора", она оставляет за бортом две актуальнейшие политические идеи: идею *социальной защиты* (большинство населения причисляет себя к социально незащищенным и обездоленным) и *национально-государственную идею* (большинство причисляет себя к гражданам униженной и "побежденной" страны, само существование которой находится под угрозой). Обе эти идеи являются одинаково оппозиционными по отношению к обоим блокам правящего "центризма".

Как можно оценивать перспективы политической модели, оставляющей за бортом главные проблемы национального бытия, которые продолжают непрерывно обостряться?

Даже в США, где начал затухать "плавильный котел", а наплыв иммигрантов усиливается, механизм двухпартийной системы может сломаться. При приближении доли "цветных" к 50% населения социальная идея может стать настолько "горячей", что партия демократов, периодически олицетворяющая "социальное руководство", не сможет ее удержать. В свою очередь, вместе с возрастанием угрозы утратить англо-саксонскую идентичность национально - государственная идея Америки может стать не менее "горячей" - центристского темперамента республиканцев вряд ли достанет для ее "нормализации".

У нас же при полной разбалансированности социально - государственного порядка и расколотом обществе соединение двух мощных оппозиционных идей - социальной и национально - государственной способно опрокинуть режим и создать непредсказуемую ситуацию...

Итак, в обеих исследовательских парадигмах нормальная демократическая перспектива сегодня едва ли просматривается. На мой взгляд, искомую "умеренную дозу" авторитаризма нам вряд ли удастся найти в ближайшем будущем: вероятнее всего нас ожидает жестко авторитарный режим - или окончательный развал России.

3. Отношение исполнительной и законодательной власти и будущая модель президентства

Политическая история августовского режима отмечена острейшим противостоянием исполнительной и законодательной власти. Первый этап этого противостояния завершился октябрьским (1993года) переворотом. "Прогрессивный", согласно новодемократической лексике, президент расстрелял "реакционный" Верховный Совет РФ. На месте красно-коричневого Верховного Совета появился демократический парламент - Федеральное Собрание. Однако это не решило проблему: на наших глазах непрерывно обостряется противоречие между Федеральным Собранием (в особенности, его нижней палаты) и президентом. Что здесь определяется общим правилом противостояния властей, а что - к российской спецификой?

В США между Конгрессом и президентом периодически также возникают острые противоречия под знаком столкновения двух критериев: легитимности и эффективности. Отцы-основатели Америки полагали, что легитимность в долгосрочном плане важнее эффективности, измеряемой оперативностью принимаемых решений по поводу тех или иных назревших общественных проблем. Поэтому главные усилия они посвятили проблеме законодательного контроля над действиями исполнительной власти и заложили основы сильного Конгресса.

Президенты, нередко страдающие от регламентирующей опеки Конгресса, вооружались аргументами в пользу более эффективной исполнительной власти. Некоторые из этих аргументов приобретали идеологический характер. В частности, президент давал понять гражданам, что в отличие от него, представляющего нацию в целом, в Конгрессе преобладают представители местных (региональных) интересов. Немалое значение имели и ссылки на консерватизм Конгресса в вопросе принятия решений.

Действительно, в качестве законодательного органа, вынужденного подчиняться нормам юридического педантизма и согласовывать позиции различных фракций, Конгресс работает медленно. Любая инициатива исполнительной власти, не вписывающаяся в сложившуюся нормативную систему, берется на подозрение. Но в жизни нации бывают периоды, когда решения следует принимать быстро. И здесь важнейшим становится нахождение баланса между легитимностью и эффективностью. Какой из этих двух критериев окажется ближе к пониманию граждан, во многом зависит от национальной культуры и ментальности. Нации, не умеющие ждать, зачастую подвергаются искушению быстрых решений и склонны давать карт-бланш исполнительной власти. "Нетерпеливые" нации нередко кончают презрением к закону и законодательному собранию, подменяя законность харизмой "бесстрашного вождя".

С этих позиций напрашиваются малоутешительные выводы. Потенциальному узурпатору есть на что опереться в национальной традиции народа, ставящего благодать ("светлое будущее") выше закона. К тому же Конституция РФ содержит многие предпосылки для создания режима бесконтрольной личной власти. Во-первых, это касается ограничений прав парламента в вопросе о назначении главы правительства. Если парламент трижды отклонит кандидатуру главы правительства, предложенную президентом, то последнему предоставлено право досрочно распустить этот орган. Не менее многозначительна оставляемая Конституцией неопределенность во взаимоотношениях президента и правительства. Эта неопределенность уже истолкована президентом в духе режима личной власти. Так, указ N66 (январь 1994года) передает в непосредственное ведение президента все силовые министерства; наблюдается тенденция дублировать и другие важнейшие министерства лично подве-

домственными президенту службами. Это не только позволяет полностью вывести соответствующие государственные функции из-под парламентского контроля, но и лишает общество надежды даже на тот ограниченный плюрализм, который выявляет нюансы в позициях отдельных групп правящей элиты.

Итак, линий противоборства между парламентом, опирающимся на нормальную демократическую легитимность (волеизъявление электорального большинства при соблюдении конституционно-правовых правил игры) и президентом, ищущим иных оснований легитимности, может быть, по меньшей мере три:

Президент может противопоставить парламенту, якобы представленному "местными элитами", идею общенационального интереса - единое национальное пространство и единое время (общенациональную перспективу). В условиях реальной угрозы сепаратизма и местничества это противопоставление может стать достаточно убедительным для того, чтобы оправдать прерогативы исполнительной власти. Сегодня "партии" президента не хватило изобретательности застаться этим аргументом. Тем не менее показательно, с каким упорством она добивается того, чтобы верхняя палата Федерального Собрания формировалась не на выборных началах, а назначалась президентом;

Президент, ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства, требующие быстрых решений, может оправдывать этим бесконтрольность своей власти;

Президент может противопоставить "обыденному сознанию" электорального большинства высший исторический разум - требование прогресса, демократии, цивилизации. В свое время большевики обосновали узурпацию власти и нарушение воли электората (выраженной на выборах в Учредительное собрание) тем, что они, вооруженные знанием законов истории (прогресса), "лучше знают интересы народа, чем сам народ". Таким образом, если электоральное большинство третируется как "мелкобуржуазное" или как скопище "красно-коричневых", то нарушение его воли превращается в "суровый долг" демократа и прогрессиста.

В сложившихся условиях России велика вероятность наложения и взаимного усиления (резонанса) всех трех линий противоборства президента с парламентом. В этом контексте, вне зависимости от персонифицированных вариантов, можно ожидать быстрого перерастания института президентства в подобие самодержавной власти.

Может быть, еще более важную роль играет разделение политической власти и власти духовной (идеологической). Современный демократический режим не случайно называют светским: при нем политическая власть не вмешивается в вопросы духовного самоопределения граждан, не навязывает обществу "единственно правильную" идеологию, контролирующую духовную и культурную жизнь.

Тоталитарные режимы XX-го века, напротив, возрождали древнюю теократическую модель, объединяющую Жречество, Царство и Пророчество. Вожди (фюреры) тоталитарных деспотий объединяли в своих руках функции верховного правителя (Царя), хранителя культа и морали (Жреца) и глашатая "светлого будущего" (Пророка - носителя "великого учения"). Для того, чтобы режим мог обрести теократический (идеократический) характер, необходимо, чтобы духовное производство было целиком подчинено государству, а интеллектуалы более или менее искренно отождествляли свое "служение народу" со служением режиму.

Таким образом, в основе тоталитарной модели лежит двойной консенсус: между интеллигенцией и народом, между интеллигенцией и властью. Пресловутая массовая "вера" (неумеренное идеологическое воодушевление) тоталитарных режимов основана на этом двойном консенсусе. Особенностью этих режимов является чрезмерная зависимость от *слепой веры* (демократически режимы, как правило, без этого обходятся). Поэтому нарушение консенсуса между интеллектуалами (носителями духовной власти) и режимом, знаменуемое активизацией всеразъедающей интеллектуальной иронии в условиях сохраняющегося консенсуса между интеллигенцией и народом ведет к подрыву массовой веры - основы основ тоталитарного порядка.

С этих позиций можно видеть этапы новейшей духовно-политической эволюции нашего общества.

Первый - этап идеологического кризиса тоталитарного режима, начавшийся в 60-х годах, как раз и характеризовался отмеченным выше сочетанием: интеллигенция начала *высмеивать режим*, а народ все более охотно внимал ее сарказму.

Этот этап завершился массовым демократическим воодушевлением августа 1991г. Политическую *сцену* августа создало соединение либерально-демократической идеи, вынашиваемой интеллектуалами, с народным антитоталитарным движением. Однако за сценой скрывались *кулисы*, где происходил торг: прежняя властная номенклатура соглашалась "сдать" свой режим лишь в обмен на статус монополистических буржуазно-номенклатурных собственников. Этим объясняется бескровие августовской революции, в противном случае номенклатура сумела бы мобилизовать достаточно сил для сокрушительного отпора.

И вот, по мере того, как закулисные механизмы обнажались и номенклатурный капитализм выходил на сцену, на глазах захватывая все позиции и лишая общество реальной экономической самостоятельности, в массах происходит разочарование новым официозом либерально-демократической идеологии, тогда как интеллигенция продолжает ее поддерживать и насаждать. Народ требовал самостоятельности в сфере материального производства и измерял достижения режима в основном экономическими критериями, тогда как интеллигенция, по-видимому, готова была довольствоваться интеллектуальными свободами - самостоятельностью в сфере духа. Так происходит нарушение консенсуса между народом и интеллигенцией при сохранении ее консенсуса с властью.

Здесь мы имеем дело с нешуточным событием идейного плана. Со времен возникновения христианства основой консенсуса между носителями духовной власти и народом была морально-религиозная легитимация (презумпция духовного превосходства) "нищих духом" - угнетенных и слабых. Революционно-демократическая интеллигенция в основном наследовала это христианское обетование, грядущее блаженство нищих духом, придав ему форму социалистической утопии. Сильные, наглые, преуспевающие будут унижены, обездоленным - воздастся. Сегодня мы можем говорить о настоящей социокультурной катастрофе, связанной с языческим вырождением духа интеллигенции. Даже в условиях номенклатурного капитализма, равно оберегающего свою монополию на хозяйственную власть и собственность, попирающего все нормы и правила нормальной экономической соревновательности, интеллектуалы продолжают твердить, что бедность свидетельствует не о честности и святости, а о лени и нерадивости.

Либеральная идеология пришла в современную Россию очищенной от своих протестантских корней и была понята как безусловное утверждение индивидуального успеха *любой ценой*. Непреуспевающие и обездоленные не имеют алиби и не заслуживают сострадания. Их возможный политический протест, в том числе в форме волеизъявления на предстоящих президентских выборах, изначально оценивается как бунт темного и злого "красно-коричневого" большинства.

Таким образом, подготовлен консенсус интеллигенции и власти за *счет народа*. Интеллигенция готовится выдать алиби возможному "демократическому диктатору", оправдать его узурпацию власти (очередной разгон парламента) посредством ссылки на неразумие народа и его тяжелую историческую наследственность. Это готовит нам новую разновидность идеократии: демократическое "великое учение" ставится выше воли избирателей, а власть вместо нормальной демократической легитимности вновь стремится к идеократической форме, базой которого является не "обыденное сознание" электорального большинства, а новый "священный текст", не подлежащий эмпирическому тестированию (остающийся "истинным" вопреки свидетельствам массового повседневного опыта).

Теоретически вырисовываются следующие политические модели:

- интеллигенция вместе с народом против власти (революционно-демократическая модель);

- власть вместе с народом против интеллигенции (ретроградно-традиционалистская или фундаменталистская модель);
- интеллигенция вместе с властью против "темного народного большинства" (элитарно-реформаторская или олигархическая модель, чреватая неоавторитаризмом).

Именно последняя разновидность определяет сегодня "дух президентства" как режима очередного насильственного «осчастливливания» народа. Альтернатива такой модели, вызревающая в недрах общества по законам инверсии ("от противного"), мыслима в разных формах: неоконсервативной, ретроградно-фундаменталистской, революционно-демократической.

Я лично считаю наиболее продуктивной неоконсервативную модель. Она предполагает, что наряду с высокомерным демократическим "авангардом", третирующим "темное большинство", формируются интеллектуалы национально-консервативного направления, прямо адресующиеся к "молчаливому большинству" и озвучивающие его позицию. Это предполагает эффективную ротацию элит и наличие ее "второго эшелона", ничем не уступающего первому по профессиональным критериям современного духовного производства, но исповедующего иную, национально-патриотическую систему ценностей. Именно такая модель, поднятая на гребне неоконсервативной волны, позволила Западу преодолеть капитулянтство и попустительство декадентствующих политиков и интеллектуалов и победить в "холодной войне".

Если своевременной ротации элит не произойдет или станет ясно, что указанный "второй эшелон" в нашем обществе попросту отсутствует в нужном количестве и качестве, тогда повышается вероятность более драматических вариантов развития событий, связанных либо с «новым изданием» народно-демократического революционаризма, (тираноборческая интеллигенция вместе с народом против нынешней власти), либо ретроградно-фундаменталистского традиционализма (реставрационные элементы власти вместе с народными "низами" - против интеллигенции).

Последний вариант наиболее подготовлен в организационно-практическом отношении. Соединение традиционалистских элементов, сохраняющих влияние в наших силовых структурах, с народной оппозицией, разочарованной в либерально-демократических ценностях (и интеллигенции как их носители) по причине демагогического "присвоения" их номенклатурно-мафиозным и компрадорским альянсом, представляется наиболее вероятным из всех альтернативных сценариев. Реализация этого сценария означала бы, что наша политическая история по-прежнему развивается не по законам европейского линейного времени, а по законам времени циклического, все возвращающего на круги своя.

В настоящий момент общество подошло к точке бифуркации, когда будущие события не являются predetermined прошлыми состояниями. История взывает к нам, нашему выбору, воле и ответственности. В такие периоды контрпродуктивным является исторический фатализм - все равно, оптимистический или пессимистический. Фаталисты "обкрадывают" историю, уменьшая ее творческий потенциал, сужая круг возможных альтернатив. Постараемся же избежать фатализма и не упустить шансов истории.

-
1. Лаплас на базе основного уравнения классической механики полагал возможным, используя знание "предыдущих" состояний Вселенной, объять разумом "в одной формуле движения величайших тел Вселенной, наряду с движением мельчайших атомов не осталось бы ничего, что не было бы для него недостоверным, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором".
 2. Ильин И.А. О России. М. 1991. с.12-13.

Б.Ф. Славин

Нужно ли России президентство?

На этот вопрос, безусловно, не может быть однозначного ответа, т.к. президентство - лишь форма власти, в которую можно облечь любое социальное содержание, разную политику, любой механизм принятия государственных решений.

Президентство, как форма политической власти, исторически зародилось вне России и уже поэтому является для нее проблемой. Наиболее адекватное выражение институт президентства нашел в США, стране сравнительно молодой и исторически своеобразной. Зародившись как политическое выражение интересов колонистов, как средство скрепления и организации взаимодействия относительно самостоятельных штатов промышленного Севера и рабовладельческого Юга, президентство США решало задачу создания новой капиталистической цивилизации практически на пустом месте (если не считать "подготовительные работы" по изгнанию индейцев). Эти исторические условия и определили место и роль президентства как института, выражающего политическую волю нового американского общества.

При всей относительной самостоятельности, роль президента США не так уж велика, как кажется. Он зависим как от парламента, так и от господствующих в обществе социальных слоев и классов. Убийство Кеннеди, "Уотергейтское дело" и т.п. показывают социальные рамки действий президента. Т.е. как только президент США выходит за эти рамки, его просто физически или политически убивают, не дожидаясь очередных выборов. Но и социально-лояльный президент может не все: его зависимость от парламента очевидна. Без него он не может распоряжаться финансами, вводить новые налоги, объявлять войну и т.п. Одним словом, в США институт президентства контролируется парламентским большинством, а через него доминирующими в американском обществе социальными слоями. Права выражать интересы этих слоев он и добивается на выборах один раз в четыре года.

По-иному выглядит институт президентства в нашей стране. Как известно, он впервые зародился в СССР как своеобразная альтернатива генеральному секретарю КПСС. Власть генсека СССР со времен Сталина была почти абсолютной: об этом неоднократно говорил первый и последний президент Союза - Михаил Горбачев.

Соединив в себе одновременно и должность генсека, выражающего волю уходящей с политической арены КПСС (отмена 4-ой статьи Конституции), и заимствованную в США должность президента, Горбачев ослабил значение власти и того и другого института, вызвал негативное отношение общественности к самому слову "президент". Это негативное отношение усилилось после того, как Горбачев не пошел на всеобщие президентские выборы. Его избрание в качестве президента съездом народным депутатам превращало, во-первых, эту должность во многом в нелегитимный институт, во-вторых, лишило его действенной социальной поддержки. После того, как президенты союзных республик разогнали съезд народных депутатов СССР, легитимность власти союзного президента исчезла полностью, что и способствовало быстрому уходу Горбачева с политической арены. До сих пор неясно, чью волю, каких социальных слоев общества выражал президент СССР. Эта неопределенность его социальной базы и определила легкий уход Горбачева в политическое небытие. С его уходом скончался и институт союзного президентства. Одним словом, президентство в СССР было политическим выкидышем, своеобразным финалом горбачевской перестройки, так и не сумевшей обновить и демократизировать "реальный социализм".

Президентство в России на первых порах также носило сугубо искусственный характер, т.к. возникло рядом с сохранившейся советской властью, претендующей выражать интересы абсолютного большинства народа и, прежде всего, трудящихся. Однако выборы первого российского президента показали, что бывшее единство советского народа весьма призрачно. После августа 1991 года Советы почти перестали выражать интересы трудящихся: все большую роль в них стали играть так называемые демократические слои обще-

ства, представленные значительным слоем интеллигенции, зарождающейся буржуазией. В этой связи противоречивость советской власти стала очевидной. Со временем политическое выражение интересов этих новых слоев сосредоточилось в институте российского президентства. Последний, в конце концов, стал гарантом их социальной защиты, гарантом неизблемости нового политического порядка. Проведение всеобщих президентских выборов в России, а затем и общероссийского референдума легитимизировали должность президента, усилили его власть и роль в обществе. Сохраняющаяся советская власть стала мешать этим политическим изменениям. Конфликт между законодательной и исполнительной властями разрешился осенью 1993 года расстрелом российского парламента в Белом доме. Этот расстрел усилил исполнительную власть, сделал президента в России единовластным правителем. Возможность создания парламентской республики в стране была упущена, что и было закреплено в новой Конституции. По этой Конституции президенту предоставлена почти монархическая власть, а парламенту отведена роль демократического прикрытия этой власти. Политическая власть президента России сегодня не подконтрольна обществу, что нередко порождает произвол. Характерным примером такого произвола являются события в Чечне.

Теории, оправдывающие усиление роли президента в России являются не только своеобразным идеологическим лизоблюдством нашей интеллигенции, но и прямым следствием укрепления новых буржуазных слоев в обществе, среди которых эта интеллигенция хочет играть доминирующую роль. Президентство в России - свидетельство нового времени. Оно является политической формой господства капитала в новых исторических условиях. В этом смысле российское президентство имеет свою адекватную социальную базу.

Президентство в России также наиболее приспособлено для процесса трансформации бывшей советской бюрократии в современных буржуа, так "новых русских", которые все больше и больше предъявляют свои права на власть. По сути своей эти слова не нуждаются в демократии и парламентаризме: им ближе авторитарная, диктаторская форма правления. Отсюда их пренебрежительное, а, порой, и враждебное отношение к парламенту, к средствам массовой информации, выступающим против усиления президентской власти. В последнее время произошла эволюция взглядов и идеалов многих демократов. Ими забыта теория разделения властей, их устраивает государственное управление на основе указов президента. Неплохо эту эволюцию выразил В.Шумейко, сказав, что у нас президентская республика, и поэтому никого не должно волновать большинство в парламенте. А ведь это большинство и есть проявление демократии в обществе. Все сказанное говорит о том, что президентство и демократы в России – вещи несовместимые. Президентская власть в России - это полное доминирование исполнительной власти над законодательной и судебной. Без президента в России не может быть утвержден ни один закон, ни один кандидат в судьи Конституционного суда, ни один министр в правительстве. Подобное возможно лишь в глубоко авторитарных государствах.

Само по себе доминирование исполнительной власти над законодательной и судебной, хотя и не демократично, но ничего не говорит о характере власти и содержании той политики, которую осуществляет президент. К сожалению, эта политика – классово ангажированная. Об этом наглядно свидетельствуют данные социологических опросов. Их результаты все больше говорят о том, что современная политика президента, связанная с осуществлением радикальных реформ, удовлетворяет лишь 20% населения. Это соответствует той социальной структуре общества, которая сложилась в России за последние пять лет: 20% так называемых "новых русских", выигравших от этих реформ, и все остальное население, недовольное ими. Примерно такой же расклад дают и опросы по поводу военного конфликта в Чечне. 80% населения осуждают этот конфликт и лишь 18% требуют ведения войны "до победного конца".

Данные цифры показывают, что президент и его политика в России имеют весьма узкую базу социальной поддержки. В этом смысле он напоминает последнего российского монарха, который был вынужден отказаться от престола. Что же касается проводимых па-

раллелей между президентством и монархией для доказательства традиционности политической власти, то такие сравнения некорректны. Во-первых, потому, что монарх в России был выразителем интересов помещичьих кругов, которые ушли в историческое небытие. Во-вторых, монарх не был представителем только исполнительной власти - как самодержец, он в одном лице был и законодателем, и исполнителем. И это объединение двух властей в одном лице соответствовало тому укладу жизни, который мы называем крепостничеством, и который был сметен позднее революцией. Вполне возможно, что президент в России захочет стать равным монарху (Конституция РФ практически дает ему соответствующие права), но это желание будет противоречить тому общественному прогрессу, который осуществляется в условиях НТР и требует не единовластия в политике, а демократии.

Вообще разговоры о том, нужен ли президент России, или не нужен, в определенной степени наивны. Дело не в президентстве, а в той политике, которую оно проводит. Если бы институт президентства выражал интересы большинства общества, он бы привился в России. После "шоковой терапии" его историческая судьба весьма проблематична. Требование "Трудовой России" покончить с президентством в определенной степени есть инстинктивное стремление покончить с политикой "шокотерапии". Повторю еще раз: президентство есть лишь форма власти, которую можно наполнить различным социальным и политическим содержанием. До сих пор это содержание имело явно антинародный характер, если под народом понимать большинство общества.

При каких условиях президентство может прижиться в России? Если появится мощный средний класс. Возможно ли это в ближайшем будущем? Вряд ли, ибо становление среднего класса на Западе происходило десятилетиями, при этом становление опиралось кейнсианские и подобные им идеи, чего в России нет. Нет у России и тех зависимых и полузависимых стран, которые могли бы подпитывать рост жизненного уровня средних слоев, что характерно для всех развитых стран Запада.

Если исходить из реальной политики, то в России в будущем возможны две версии развития института президентства. Первая – устранение президентства и в определенной степени возврат к советам или к подлинно парламентской республике. Вторая - трансформация президентства в диктатуру или даже тиранию одного лица под видом защиты радикальных реформ. И первая, и вторая версии будут реализовываться в ходе мощных социальных столкновений, если не гражданской войны.

В возможность вдохнуть в российское президентство демократическое содержание с помощью выборов и Конституции я верю мало. Еще меньше я верю в монархическую эволюцию политической власти. Если это и случится, то будет фарсом, а не реальной политикой. Уже сейчас мы этот фарс наблюдаем, когда президент-западник пытается на себя одеть пиджак крутого президента-патриота. Только становление национального капитала может придать этой метаморфозе какой-то смысл. Но пока национальный капитал предпочитает убегать за границу и это еще одно доказательство тому, что социальная база президентства в России весьма шатка. А то, что шатается, может в одночасье упасть, как это произошло с властью генсека КПСС и президента Союза, когда от него отвернулся народ.

Пока народ молчит, но будет ли он молчать и дальше, мы скоро увидим и на выборах, и на улице.

А. И. Ковлер

Какое президентство легитимно в России?

Вопрос о легитимности президентской власти в России - не праздный. В программах партий левого лагеря (левого - в универсальном, общепринятом понятии) упразднение этого института, как потенциального носителя угрозы авторитаризма, - одна из "ударных тем". Как будто генсек КПСС был менее "авторитарен"...

Конечно, с точки зрения тысячелетней традиции российской государственности для нее более "идентичен", "национален" и "легитимен" великий князь - царь - государь император. Никто ведь всерьез не подвергает сомнению легитимность британской короны

или скандинавских монархов - они органично вписались в конституционный строй как некий гарант демократии. (Между прочим, из 20 самых "передовых" демократий в мире половина - монархии!)

В России 1917 год все поставил с ног на голову и теперь, пожалуй, поздно возвращаться к идее даже конституционной монархии, как ее мыслили, скажем, кадеты. Возвращение к идее генсека как политического лидера тоже вряд ли оправдано - уже нет той единственной правящей, которая была "ядром" действительно уникальной птолемеевой политической системы.

Идея парламентской республики, которую нам предлагают взамен "тяготеющего к авторитаризму президентства" была бы хороша, если бы в России были развитые политические партии, способные осуществлять государственную власть, получив на это мандат избирателей. Но опыт IV Республики во Франции, послевоенной Италии показал, что парламентская республика при сохранении множества партий, претендующих на свою долю власти, ведет, в конце концов, к узурпации госаппарата партийными функционерами и к дестабилизации государственного управления, поскольку само государство становится полигоном партийной борьбы. Опыт февраля-октября 1917 года - это опыт парламентской республики в России. Результат известен.

Итак, куда ни кинь - всюду клин, то есть президент как некое объединяющее государственное начало. Каким-то путем и Горбачев, и Ельцин уловили, в общем-то, простую истину: президент для СССР - России лучше, чем царь, генсек или коллективный парламентский многоглавый управитель.

Чтобы ответить на вопрос, отвечает ли нормам универсальной легитимности модель российского президентства, надо, прежде всего, обратиться к истокам президентской власти в нашей стране. Президентский пост вводился в СССР при отсутствии разработанной концепции президентства в условиях "власти Советов" и "остатков" (причем весьма ощутимых) власти КПСС.

Конституционная реформа декабря 1989 года, когда вводился институт президента СССР, была очередным упражнением в искусстве политического маневрирования: необходимо было противопоставить всевластию КПСС сильного и дееспособного президента, но на первых порах пост президента и генсека совмещался, что делало более чем затруднительной роль советского президента как "председателя комиссии по ликвидации КПСС". М.С. Горбачев, генеральный секретарь КПСС, не желал всеобщих выборов себя как президента и предпочел более или менее комфортный вариант избрания Съездом народных депутатов, то есть вариант, характерный для стран с парламентским режимом, где президент играет достаточно декоративную роль. Так, президент М. С. Горбачев невольно сделался заложником и КПСС, генеральным секретарем которой он оставался, и народных депутатов, которые избрали его президентом и могли в любое время сместить.

Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин учел просчеты Михаила Горбачева; им проводится поправка к российской Конституции о всенародном избрании российского президента, что ставило этого президента и над партией, и над парламентом. Единственная уступка депутатам - возможность инвеституры кандидатов в президенты самим депутатским корпусом (наряду со сбором подписей), но и эта "уступка" имела своей целью лишь ускорить процедуру выдвижения и побыстрее провести выборы.

Таким образом, в России в отличие от СССР сразу был взят курс на учреждение поста президента как народного избранника, то есть выразителя "народного суверенитета", противостоящего партийной, хозяйственной и государственно-аппаратной номенклатуре. Напомним, что введение поста российского президента в отличие от президента советского, происходило не аппаратным путем, а было одобрено на референдуме 17 марта 1991 года, а сам Б. Н. Ельцин был избран президентом с весьма почетным результатом - 57,3% голосовавших россиян. Его легитимность имела, таким образом, двойной запас. Одновременно президент, стоящий вне партий, существенно ослаблял свои политические тылы, что не преминуло сказаться на его позициях в ближайшие после избрания месяцы.

Глубокие последствия введения поста президента в России очевидны:

- изменилась система организации государственных органов, произошло перераспределение полномочий между ними;
- изменился характер политического режима, проделавшего за три года эволюцию от парламентского к президентско - парламентскому, чтобы затем утвердиться по Конституции 1993 года как президентский режим;
- уже в составе СССР Россия получила не только важнейший признак своей государственности, но и реальную возможность проводить собственную политику, благодаря президенту;
- наметилась перспектива приступить к реализации принципа "разделения властей", основы основ правового государства;
- появилась возможность (реализованная частично и непоследовательно) более мобильно и оперативно организовать государственное управление и координировать работу государственного механизма;
- была достаточно четко очерчена роль Председателя Верховного Совета Российской Федерации: организация законодательной работы, столь необходимой для укрепления российской государственности.

Источники полномочий нынешнего российского президента разнообразны:

- он приобрел ряд полномочий Президиума Верховного Совета (награды, почетные звания, гражданство) и его председателя (представление России в межгосударственных отношениях до поправок 1991 года к действовавшей Конституции 1989 года, внесение вопроса об отставке Председателя правительства и самого правительства);
- он приобрел новые полномочия, вытекающие из природы самого института президента (командование вооруженными силами, назначение премьер-министра и министров, назначение выборов, референдума и роспуск нижней палаты парламента, руководство Советом безопасности и так далее);
- он приобрел ряд полномочий главы правительства, в частности, право председательствовать на заседаниях правительства.

Таким образом, президент приобрел легитимные рычаги воздействия на все три власти:

- законодательную: право законодательной инициативы, право подписывать законы, право отлагательного вето;
- исполнительную: фактическое формирование исполнительной власти и руководство ею;
- судебную: подбор кандидатур судей высших судебных органов, Генерального прокурора, судей федеральных судов.

Легко предположить, что такие изменения в статусе президента должны были иметь определенные последствия. Естественно, указанные последствия не могли проявиться сразу и во всей своей полноте, к тому же попытки старой номенклатуры взять реванш за августовское и октябрьское поражения тормозили, и будут тормозить реализацию заложенных в Конституцию 1993 года возможностей. И все же генеральная линия конституционного развития России совпадает с зарубежной тенденцией укрепления исполнительной власти и ослабления власти представительной, все более превращающейся в полигон политических столкновений, сведения счетов с политическими противниками, то есть в некую политическую "отдушину", необходимую любому плюралистическому обществу.

Поскольку институт президента в России, как и в СССР, создавался фактически на пустом месте, иностранные заимствования были неизбежны. Вопрос в том, как эти заимствования отражаются на статусе президента и как они вообще укладываются в политическую систему новой России. Напомним, что по прежней Конституции президент пользовался традиционным для западных демократий правом отлагательного вето, то есть правом не подписывать принятый парламентом закон, а отправлять его на повторное рассмотрение парламента (часть вторая статьи 117, часть пятая статьи 121 Конституции РСФСР).

В свою очередь, очевиден и "американизм" в виде права парламента (в нашем случае - Съезда народных депутатов) досрочно отрешить от должности президента двумя третями голосов депутатов по инициативе Верховного Совета, его палат и на основе заключения Конституционного Суда. Избрание президента всеобщим голосованием, ограничение сроков его мандата в случае переизбрания, возрастные ограничения, ежегодный доклад президента парламенту (в Конституции 1989 года - Съезду народных депутатов) о положении в стране, контроль депутатов за деятельностью правительства - все эти положения действуют в конституциях зарубежных государств, имеющих президента.

Отходом от мировой практики было положение, не допускающее роспуска Съезда народных депутатов и Верховного Совета президентом (часть пятая статьи 121), а также положение о том, что полномочия президента не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства, роспуска, либо приостановки деятельности любых, законно избранных органов государственной власти (часть шестая статьи 121). Довольно "оригинальным" было и право Конституционного Суда признавать утратившими силу указы президента в случае нарушения Конституции (первой "ласточкой" был Указ от 19 декабря 1991 года о слиянии министерств безопасности и внутренних дел).

Обобщенно говоря, Конституция 1989 года со всеми ее заплатками в виде поправок отработала в основном на президенте зарубежные нормы, ослабляющие власть президента. Напротив, при подготовке Конституции 1993 года, особенно на завершающей стадии "ретуширования" выработанного Конституционным Собранием проекта, были заимствованы зарубежные нормы, всячески укрепляющие полномочия президента: он квалифицируется как "глава государства" (часть первая статьи 80), является "гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина", "обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти" (часть вторая статьи 80), назначает Председателя Правительства с согласия Государственной Думы (статья 83 "а"), хотя самостоятельно (без каких-либо согласований с парламентом) принимает решение о составе Правительства и его отставке (пункты "в" и "д" статьи 83), предлагает Совету Федерации кандидатуры не только всех судей высших судебных инстанций, но и "назначает судей других федеральных судов" (пункт "е" статьи 83), помимо всего прочего российский президент формирует и возглавляет Совет Безопасности, формирует Администрацию - эти полномочия имеются у президентов за рубежом, но не все и не у всех.

Отношения Президента с парламентом строятся по французско-германской модели: президент назначает выборы, он же в определенных случаях распускает Государственную Думу, назначает референдум, вносит законопроекты, подписывает и обнародует федеральные законы - многих этих полномочий у российского президента по прежней Конституции не было. Более энергично и детально выписаны нормы, регулирующие полномочия президента в сфере внешней политики (статья 86), обороны (статья 87), введения чрезвычайного положения (статья 88).

Все это дает основания сравнивать статус нынешнего российского президента со статусом французского президента, как он был сформулирован по воле генерала де Голля. Вообще российская модель президентской власти внешне очень напоминает французскую модель с некоторыми "американизмами" в виде статьи 93 об отрешении президента от должности. Однако более уместным представляется сравнение с президентами Центральной и Восточной Европы, решающими те же проблемы перехода от тоталитарного режима к демократии. Не входя в детали политико-правового статуса президента в каждой из этих стран, отметим общие тенденции.

В каждой из этих стран, включая Россию, довольно отчетливо прослеживается сосуществование двух "конституций", формальной и реальной: традиции сильной личной власти и тяжесть продолжающегося кризиса неизбежно наделяют президента большей властью, чем та, которую предоставляет ему писаная конституция. Реальным источником власти становится умение хорошо организовать аппарат; право назначения на влиятельные посты в экономике, политике, средствах массовой информации; популярность, особенно в пер-

вый период правления (когда "образ" президента еще не изношен), и прямой доступ к СМИ; умение встать над партиями, маневрировать между ними и опираться на одни из них в борьбе с другими; наконец, возможность "припугнуть" парламент угрозой роспуска или апелляцией к избравшему президента народу. Конечно, сила власти президента зависит от силы или слабости потенциально соперничающих с ним других ветвей власти.

Добавим для полноты анализа и способность президента реально контролировать "силовые структуры": не случайно во многих посткоммунистических странах президенты, а не премьер-министры непосредственно курируют эти структуры.

Каждый из восточноевропейских президентов играет особую роль, независимо от способа его выборов: все они являются воплощением борьбы с прошлым, все они символизируют единство нации, оказавшейся в трудных условиях. Это, естественно, усиливает и их личную харизму, и их легитимность.

Но в этой сильной стороне есть и элемент слабости: неспособность "лидера нации", вернее, невозможность для него, создать собственную партию. В этом смысле у западных претендентов на пост президента больше опоры на конкретные политические силы, хотя в их позиции слишком много "накатанности" по сравнению с позицией восточно-европейских президентов, вынужденных импровизировать, апеллировать ко всей нации, то есть следовать более непредсказуемой политической драматургии.

Парадоксом президентской власти на начальном этапе ее становления является необходимость рано или поздно отдать власть, скроенную под конкретного политического деятеля, другому, который, естественно будет пользоваться этой властью по-иному. Такова была личная драма генерала де Голля, такая участь постигла Ярузельского, Пожгаи, Младенова, такой же будет дилемма Ельцина: "отдавать - не отдавать". Это может подвигнуть уходящего президента на попытки либо создать условия для своего возвращения, либо воспрепятствовать приходу президента из другого стана. В последнем случае он резко теряет запас легитимности.

Примечательно, что парламентско-президентский режим с избранием президента корпусом депутатов сложился в странах с достаточно разившейся партийной системой (Чехия, Венгрия, Эстония, Латвия, Словакия). Напротив, сильная президентская власть появляется на европейском Востоке, там, где политические партии находятся в эмбриональном состоянии или являют собой печальное зрелище наследников политических монстров. Иными словами там, где гражданское общество не настолько организовано, чтобы создать парламент, способный сформировать монолитное или коалиционное правительство, готовое при согласованной поддержке парламентского большинства пойти в условиях кризиса на жесткие действия, появляется - с неумолимой логикой заполнения вакуума - сильная президентская власть. Именно эта власть призвана сочетать в себе легитимность и эффективность.

Вывод напрашивается сам собой: в обществах переходного периода с их высокой (и подчас малопредсказуемой) социальной и политической динамикой необходимы временные конституции, позволяющие переходить достаточно легко от президентской формы правления к парламентской и наоборот; жесткое закрепление президентских полномочий опасно узакониванием режима личной власти, особенно в странах, где президент избирается всеобщим голосованием; это в свою очередь может привести (и приводит) к конфликту между двумя демократически избранными институтами власти - парламентом и президентом.

За время, прошедшее после введения в действие новой Конституции, можно констатировать бесспорную внедренность института президента в политическую систему российского государства. Его доминирующая роль в жизни государства очевидна даже противникам президентского режима и лично Бориса Ельцина. На фоне очевидной слабости представительной власти, на фоне разлаженности правительственного аппарата, раздраемого ведомственными противоречиями и отраслевым лоббизмом, наконец, на фоне поразительного бездействия судебной власти администрация президента являет хотя бы внешне более благоприятную картину. "Секрет" - в высокой концентрации властных, распоряди-

тельных полномочий, которые достались администрации президента от набора полномочий самого президента, причем полномочий легитимных.

Вместе с тем более глубокий анализ показывает, что институт президента в России при внешне угрожающем обличье "суперпрезидента" в действительности недостаточно определен как в правовом, так и в политическом смысле. Недостатки правового регулирования функций президента, допустимые в начальный период утверждения этого института, не устранены и сейчас.

Изначальное отсутствие механизмов реализации власти президента на местах лишь частично компенсировано введением института глав администрации краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов (Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 1991 года "О порядке назначения глав администраций" – утратил силу в октябре 1994 года), статус и полномочия которых до недавнего времени были очерчены неясно. Указ Президента Российской Федерации "О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации" от 3 октября 1994 года и "Положение о главе Администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации" (эта "малая конституция" административного управления) приняты три с половиной года спустя после избрания президента, когда политическая конъюнктура уже существенно изменилась.

Примечательно, что республики опять оказываются в особом положении и как бы выводятся из "единой системы исполнительной власти". Это не способствует укреплению власти президента на местах. Еще менее ясен круг полномочий и статус представителей президента в республиках, краях, областях и других субъектах Федерации. Отсюда отсутствие четкого разделения полномочий между главами администраций и представителями президента в субъектах Федерации. Наделение последних контрольными функциями вызывает в лучших случаях непонимание и раздражение "контролируемых", прокуратуры, следственных органов.

Взаимоотношения президента с правительством, оформленные положениями Конституции, существенно сужают поле маневра обоих. Отставка правительства, руководимого фактически президентом, означает возложение всей ответственности за его неудачи и просчеты именно на президента. Таким образом, кризис правительства неизбежно будет означать кризис президентской власти и обострение обстановки в стране, что было продемонстрировано в ходе июньского противостояния Правительство - Дума.

Во многих странах с президентским режимом премьер-министр обладает высокой степенью самостоятельности и ответственности за проводимую правительством политику и служит своеобразным "громоотводом" недовольства населения. В течение срока полномочий президента может смениться несколько премьер-министров, уход каждого из них как бы освобождает президента от груза прежних ошибок. Так было с отставками Силаева, Гайдара.

Выглядящее внешне впечатляюще право президента распускать Думу на проверку выходит правом действовать в очень ограниченных рамках, хотя именно в этом праве (обычном, кстати, для многих президентских и даже парламентских республик) многие усматривают опасность бонапартизма. Право российского президента распускать Думу напрямую связано с судьбой премьера или правительства: либо с трехкратным отклонением представленных кандидатур главы правительства (часть четвертая статьи 111), либо с вынесением вотума недоверия правительству (части третья и четвертая статьи 117). Иных оснований роспуска нижней палаты у российского президента нет.

Российскому президенту сейчас противостоит потенциально не менее оппозиционный ему парламент, чем распущенные его Указом N 1400 от 21 сентября 1993 года Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Без преувеличения можно сказать, что с уходом из правительства Гайдара ("Выбор России"), Глазьева (ДПР), Шохина (ПРЕС), расколом внутри фракции "Выбор России" Дума почти в полном составе перешла в оппозицию президенту. К тому же российский парламент имеет сейчас обновленный запас легитимности,

обретенной 12 декабря 1993 года, в то время как президент избран в июне 1991 года, то есть, выражаясь его же словами, "в иных условиях и в иной стране". Это вынуждает его к "сосуществованию" с парламентом.

Глава государства обречен на такое сосуществование и в силу значительной затруднительности политического маневрирования, что никак не подвигает характеризовать его как "суперпрезидента". В большинстве стран с президентским режимом сила власти и свобода маневра президента прямо зависят от политических сил, приведших его к власти и оказывающих ему поддержку в парламенте и в правительстве. В России "президентской партии" нет, а запоздалые попытки создать ее обречены на неудачу: время создания "сверху" политических структур уже прошло. Российский президент лишен той политической поддержки, которую имеют американский, французский, германский президенты.

Общий вывод. В России 1994-1995 годов мы имеем институт президента с несколько гипертрофированными полномочиями (по сравнению с недавним прошлым, а не по сравнению со странами классического президентского режима), у которого в то же время нет достаточных возможностей (ни правовых, ни политических, ни в территориях) сполна воспользоваться этими полномочиями.

Формула легитимности российского президента, абстрагируясь от личности носителя этого титула, определена самой эволюцией посткоммунистического, постсоветского периода, когда страна была вынуждена "приткнуться" к какой-то сильной и эффективной (как всем хотелось) власти. Эта эволюция отразилась и на поправках к прежней Конституции, и особенно в тексте Конституции действующей. Причем, с каждым месяцем не критикуемая только ленивыми "ельцинская" Конституция доказывает хотя бы тот очевидный в любом демократическом обществе факт, что всем властям должны быть навязаны довольно жесткие правила игры во имя сохранения стабильности в обществе и государстве.

Никакой иной формулы, кроме как "Право, только право и ничего кроме права", быть не должно. Другое дело - необходимость учитывать эволюцию государственно-правового развития и, хотелось бы надеяться, рост правового сознания участников политического процесса, и вносить определенные коррективы в статус органов государственной власти, включая президента.

В условиях достаточно высокой степени непредсказуемости политического развития страны прогноз сценариев развития модели президентства - дело неблагоприятное. И все же можно высказать несколько пожеланий:

- желательно, чтобы эволюция президентской власти сопровождалась повышением контроля за конституционностью действий и актов президента со стороны Конституционного Суда (например, оценка выносимых на референдум вопросов, законности Указов президента, соответствия некоторых внешнеполитических решений принципу государственного суверенитета и т. п.);

- необходимо более четкое определение взаимоотношений президента с правительством и с законодательными органами, прежде всего - в сфере принимаемых решений по социально-экономическим вопросам;

- с точки зрения более последовательного проведения принципа разделения властей целесообразно постепенно свертывать компетенцию президента по назначению судей всех уровней или ограничивать его возможности по подбору кандидатов на высшие должности в правоохранительной системе.

Говоря несколько высокопарным стилем, ответ на вопрос, поставленный в заглавии, должен быть таким: подлинно легитимным президентом - легитимным не по букве Конституции, а по духу самого принципа конституционности, - в стране, веками страдавшей от беззакония, станет такой президент, который будет руководствоваться в своих действиях и даже помыслах законом и справедливостью. Россия выстрадала право предъявлять своему избираемому президенту именно такие требования.

Г.Э. Бурбулис

Президентство выбирает новое поколение

Российское президентство в одинаковой мере связано с определенными глубинными традициями российской политической культуры, и, вместе с тем, является естественной формой адаптации к моделям управления, выработанным в XX веке мировым сообществом. Без учета этих моделей трудно решать задачи становления новой российской государственности.

Одновременно крайне важно понимать ближайшие истоки становления президентской системы управления, которые были порождены маневрами распадающейся советской коммунистической системы, искавшей эластичный переход от структуры КПСС, уникального в истории мировой политики «кентавра», предложившего миру своеобразную и неподдающуюся никаким окончательным экспертным оценкам систему управления. Этот переход сопровождался внешне привлекательной идеей переименовать генерального секретаря ЦК КПСС в президента Советского Союза и через это словесное обновление постепенно осуществить переход к юридически приемлемым формам управления страной.

Президентство найдено было на пространстве Советского Союза раньше того, как появилась возможность искать политическую стратегию собственно в России. И в этом смысле, кроме глубинных тенденций, которые для меня крайне важны в реформировании государственно-политической системы России, был еще короткий опыт перехода в рамках Советского Союза к новой форме правления. Я оцениваю этот опыт как стимулирующий, как полезный. Если президентство в Советском Союзе было задумано как конъюнктурное политическое решение для того, чтобы предотвратить распад тоталитарной системы, то президентство в России учитывало этот печальный опыт приспособления к процессам, происходящим в мировом «пространстве», мы не могли допустить здесь каких-либо промежуточных, сиюминутных решений. Коллизия выражалась просто: надо добиться прямых выборов президента, не понимая еще до конца, в какую реальную юридическую форму это президентство должно быть воплощено.

Нет никакой тайны в том, что на первых порах идея президентства носила сугубо персонифицированный характер. Так же, как президентство в бывшем СССР было маневром для сохранения персоны Михаила Горбачева в новых формах управления, так и президентство в России имело принципиальный актуальный политический смысл как избрание именно Бориса Ельцина с приданием Российской Федерации в лоне распадающегося Советского Союза более устойчивой, более самостоятельной и представительной формы государственности.

Непростым был путь к развитию российского президентства в унаследованных политических, социальных и юридических условиях его формирования. Мы учредили президентство при сохраняющейся по сути советской системе власти. Первоначально президент президентства внедрялся в старую Конституцию со всеми особенностями того опыта социального и политического поведения, который был развит в рамках советской системы. Наша стратегия выражалась в том, чтобы изменение типа государственности и модернизацию политической системы в России осуществить по принципу параллельного выдавливания. Мы исходили из того, что президентство в России позволяет приступить к постепенному, последовательному и решительному формированию президентской системы власти по вертикали с формальным сохранением института советской власти, а по сути - выдавливанием этого института на периферию властных полномочий и с освоением всех необходимых форм и приемов эффективного дееспособного управления.

Эта методология параллельного существования с накоплением полноценных функций дееспособного управления государством, на мой взгляд, была абсолютно оправдана

концептуально и можно лишь сожалеть о том, что реально ее осуществить не удалось. Нам не удалось избежать также импульсивных, несистемных действий в формировании кадрового корпуса для назначения на ключевые должности. Когда был введен институт назначений, нам не удалось до конца осуществить разделение государственно-управленческих функций и функций политического представительства президента на местах.

Самая большая ошибка заключалась в том, что концепция выдавливания советской власти, к сожалению, не сопровождалась тонкой психотерапевтической, «социально-комфортной» формой поведения и выразилась, к сожалению, в конечном счете в непримиримом противостоянии двух ветвей власти с трагическим финалом роспуска, разгона и обстрела остатков советской власти на территории Российской Федерации.

Вместе с тем, у этого печального финала был и свой конструктивный ресурс (если отвлечься от принципиальной оценки случившегося). Этот ресурс выразился в том, что изнурительное приспособление зарождающегося российского президентства к унаследованной правовой основе - старой конституции - оказалось не только бесперспективным, но и приняло форму болезненного разлагающего процесса. Там отсутствовала жизнотворная цель и энергия. В октябре 1993 года сложилась возможность приступить к созданию новой Конституции. Эта возможность была реализована в формах, свидетельствующих как о серьезных приобретениях в рамках развития института президентства, так и о не менее серьезных внутренних противоречиях, которые были заложены в новую Конституцию.

Первое обстоятельство заключается в том, что обнаружилась прямая зависимость между социально-политическими и экономическими условиями создания новой конституции, и ее принципиальным содержанием. Конституция 1993 года создавалась без развитого политического диалога, при отсутствии принципиального оппонирования власти со стороны конкурентных социальных сил, в условиях некоего исследовательского шока, поскольку и научная общественность была лишена возможности внести свою лепту в разработку тех или иных статей Конституции.

Наша Конституция содержит в себе два внутренне противоречивых начала. Они соответствуют противоречивой ситуации создания конституции. Речь идет о демократизации институтов государственного управления и социальной сферы в России и, одновременно, сохранении той авторитарно-репрессивной тенденции, которая была традиционно присуща государственным системам России. Это противоречие сохраняется сегодня как в конституционно-правовых принципах (главы и базовые статьи Конституции), так и в практике управления страной со стороны президента.

Если задуматься о том, каковы истоки президентства в нашей российской истории, то, скорее всего, это истоки не юридического плана, а некоего стиля власти. Стилль власти в России традиционно носил вождистско-лидерское оформление, и президентство, учреждаемое в 90-е годы XX века, было, на мой взгляд, весьма своевременным, поскольку оно корректно преодолевало время от времени возбуждаемые попытки реанимировать «моновласть» в России.

Я полагаю, что бесполезно искать ресурсы для восстановления, скажем, монархической формулы власти, поскольку в результате большевистского переворота трон был упразднен категорически, а не просто оставлен вакантным. Президентство в России есть корректное сочетание того политического стиля, который был присущ многовековой российской традиции, с возможностью наполнить его современным содержанием, опираясь на опыт передовых демократических стран мира.

Постоянно воспроизводятся классические вопросы: строит ли сегодня Россия президентство по американскому или по французскому образцу? Можем ли мы утверждать, что создаем классическое президентское государство? Есть ли у нас понимание своего своеобразия, хватит ли у нас ума и мужества воздержаться от копирования и наполнить президентство содержанием, наиболее адекватным нашей традиции и нашим возможностям? Я считаю, что нет никаких возможностей избежать заимствования, поскольку изначально оно ничего плохого не содержит, и опыт управления, который накоплен и в американской, и во

французской моделях, весьма полезен. Вместе с тем, очевидно, что ни одна страна в мире не может создавать дееспособную систему управления, ориентируясь на известные аналоги и лишь послушно копирует их. Такого рода задачи - творческие по своей природе.

Попытка примерять костюм американской демократии или французского президентства к изможденному политическому телу России имеет театрално-принудительный характер. Очевидно также, что закрывать глаза на этот опыт, любой ценой пытаться построить что-то супернеповторимое столь же опрометчиво и неоправданно для решения главной задачи: мы стремимся иметь такую государственную систему, которая была бы органична глубоким российским традициям и одновременно узнаваема и дееспособна в сегодняшнем мировом сообществе. Иначе говоря, следует учитывать мировую практику управления и внимательно относиться к нашей исторической традиции, не соблазняясь болезненной самобытностью, которая чаще всего превращается в самоизоляцию и в травмированное восприятие наших перспектив уже в рамках мирового сообщества.

Я думаю, что акцент на персональную сторону российского президентства будет со временем существенно снижаться. Это уже чрезвычайно актуально. Мы находимся сегодня в состоянии, когда в России сложилось президентство как перспективный институт управления страной с базовыми конституционными нормами, и еще нет президентства как согласованной системы, предполагающей корректный и опирающийся на влиятельные социальные силы способ выработки, принятия и исполнения государственных решений, как системы дееспособного практического управления и своевременного контроля за институтами государственной власти и, наконец, как системы, стимулирующей столь важное для демократических перспектив России сотрудничество государственных институтов с формами гражданского общества.

Все это находится в зачаточной стадии и предполагает, на мой взгляд, выработку долговременной, системной и многомерной стратегии, где идея становления новой российской государственности будет в одинаковой мере связана с развитием института президентства, института парламентаризма, институтов исполнительной и судебной властей, в развитии которых главным интегрирующим фактором будут выступать реальные условия жизни конкретной личности и система гражданских прав как приоритетные для всех ветвей власти в их общих усилиях.

Для меня очевидно, что работа по укреплению и развитию института президентства на путях придания ему четкого конституционно-правового оформления и наполнения содержательными элементами по всему спектру властных полномочий в большей степени связана с усилиями нового поколения политиков России, которое сумеет преодолеть наследуемые нами от недавнего прошлого традиции.

Первое правило новой "игры" я уже упоминал - признание исторической исчерпанности вождистско-лидерского типа власти в России. Второе - запрет на организацию президентского института власти по традициям корпоративно-персональной организации и ставка на компетентный, профессиональный и в этом смысле самостоятельный актив. Третье - обеспечение конституционного сотрудничества между различными ветвями власти, где президентство - организующий, стимулирующий и координирующий институт этого сотрудничества без спекулирования слабостями или естественными попытками расширить свои полномочия за счет других ветвей власти. Четвертое - президентство в перспективе является базовым институтом общества и государства, который в своей деятельности ориентируется на и защиту прав личности.

Президентство в России должно не допускать ни одного самого ничтожного случая ущемления прав человека, тех или иных попыток повернуть демократический процесс в прошлое, когда господствовал принцип: «Человек для государства, а не государство для человека».

Я хотел бы, чтобы президентство в России (в нашей истории такие усилия уже неоднократно предпринимались) выступило в качестве института, культивирующего опору на глубинные духовные начала российского общежития. Президентство - носитель понятной,

внятной и адекватной интересам людей государственной идеологии. Тогда нам не понадобится метаться в поисках духовного пространства, духовной основы и духовной скрепы, бросаться в крайности от экзальтированных увлечений религиозными откровениями до продолжения бесплодной дискуссии об уступках России западным моделям общественного устройства, об утрате самобытности и тому подобное.

И, наконец, президентство для меня - институт, который обеспечивает максимальное развитие, поддержку и, одновременно, контроль за функционированием системы безопасности гражданина. Право в России должно превратиться из репрессивного инструмента в инструмент созидательно-прогрессивный, а президентство станет реальной базой привлекательного для людей, понятного им и желанного для них института правоохранительных органов. Идея нового поколения требует известной расшифровки.

Во-первых, новое поколение для меня - понятие не столько возрастное, сколько качественное. За последние 10 лет, а особенно - за последние 5 лет, в условиях распада советской тоталитарной системы и в процессе трудного, длительного переходного периода формируется специфический слой людей, которые своими действиями, чувствами и ценностными установками, своими убеждениями несколько опережают реальную практику и выступают в качестве активного меньшинства, основным признаком которого является ясное, четкое понимание универсальности либерально-демократических ценностей, их незыблемости для себя и для страны.

Во-вторых, это тот слой людей, который преодолел синдром публично-политического активизма, внутренне неудовлетворен словесно-митинговым отношением к задачам переходного периода, и в значительной степени сосредоточен на культивировании профессионализма. Для этого слоя базовыми ценностями выступают компетентный труд и компетентный результат, деловой успех.

Наконец, у этого поколения, независимо от возраста людей, в него входящих, существует солидарное отношение друг к другу, а естественные навыки конкурентной деятельности не превращаются в действия, разрушающие устойчивую среду единомышленников, людей, объединенных коренным интересом.

Этот слой людей сегодня создает предпосылки для будущего страны, ибо он уже неудовлетворен лишь быстро достигаемыми результатами, связанными с утилитарными задачами текущего успеха. Он неудовлетворен действиями временной власти, демонстрирующий махровый дилетантизм с опустошающими для базовых сфер жизни общества и государства последствиями, и, наконец, ориентирован на бережное, трепетное отношение к тем внешне неприбыльным сферам жизнедеятельности, вклад которых в общественное благосостояние является незаменимым. Речь идет об образовании, культуре, обо всем духовном наполнении нашей жизни.

У этого слоя существует не всегда артикулированное общее представление образа России в мировом сообществе. Это представление преодолевает соблазн кичиться нашей державной имперской историей, абсолютно не допускает суетливого, зависимого и конъюнктурного поведения на мировом политическом рынке, а воспринимает сегодняшнее положение страны как исторически неизбежное со всеми трудностями становления новой экономики и новой государственной системы, преодолеваемыми с сохранением чувства достоинства.

Чрезвычайно важен и образ президентства, каким он представляется новому поколению.

Прежде всего, следует иметь в виду, что в отличие от первого советского, которое скорее отражало стремление к самосохранению, чем волю к власти в новых содержательных ее наполнениях, характерная черта становления российского президентства заключается в том, что оно сопровождалось очень наполненной волей к власти. Персона Ельцина воплощала весь комплекс этого желаемого, переживаемого, убедительного стремления.

При этом Ельцин действовал в режиме некоей российской политической эстетики. Воля к власти предполагает не только идеи, порождаемые сильным чувством, желанием их

реализовать, но и точность психологического и вербально невыразимого попадания в фокус ментального мира общества. Ельцин отличался и своей фактурностью, и уникальным сочетанием доступности, решительности и личной уязвимости.

В разрабатываемый нами курсе "Философия политики" предстоит ввести соответствующую тему. В одном из разделов курса "Политика как ролевое действие" рассматриваются роли политика-актера, политика-оргтехнолога, политика-менеджера, политика-стратега. Мы покажем, что существует общественная потребность в установке, сознательной или бессознательной, на то, чтобы политик-актер был доступен большинству избирателей. Сценарная и режиссерская закулисная разработка этой роли должна предусматривать определенные элементы уязвимости, созвучности слабостям нормальных людей и в этом смысле узнаваемости. Популизм - это не только эксплуатация неразвитых чувств населения в желании завоевать поддержку. Это еще и определенная техника обеспечения связей с электоратом, умение быть доступным и доходчивым.

Кроме всех рационально фиксированных признаков утверждения президентства в России с максимальной эксплуатацией вождистско-лидерских традиций, мы знали еще и мощный волевой импульс Ельцина, с помощью которого он вписывался в утраченную за десятилетия советской власти, но сохранившуюся в памяти населения политическую эстетику. Фактурный, в определенных ракурсах ярко красивый, величавый, такой, которым можно в определенном настроении любоваться, и одновременно человек, который может совершать невероятно простые, очевидные проступки, и в этом смысле вхожий в любой дом – таков образ Ельцина.

Понятие воли к власти, на мой взгляд, предполагает умение сочетать некоторые внешне несовпадающие элементы политического действия. Один нетрадиционный элемент мы только что отметили - он связан с комплексом образного восприятия власти через призму конкретного лица. Второй элемент - точно найденная яркая идея и умение «озвучить» ее с учетом текущих обстоятельств. Очевидно, что идея имеет долговременный, мировоззренчески стратегический характер, но ее утверждение и культивирование нуждаются в остром ощущении сегодняшнего настроения.

Бесспорно, что выдвижение идеи современной России как независимой, способной опираться на собственные силы и ресурсы, не реализованные из-за советского опустошающего прошлого, идеи протеста против несправедливости, десятилетиями совершавшейся в отношении России, идеи ее освобождения было во многом нашим достижением к моменту становления первого президентства.

И, наконец, воля к власти предполагает, по крайней мере, на первом этапе переходного периода известную форму жесткости к оппонентам. Есть, видимо, какая-то закономерность в том, что в разные этапы переходного периода, который мы сейчас определяем как волю к власти, разные элементы комплекса будут выступать в качестве доминирующих. Так, признак бескомпромиссности и жесткости по отношению к оппонентам уместен лишь в условиях, когда власть только-только достигнута, когда нет возможности допустить плодотворный диалог с оппонентами.

Совершенно другая ситуация связана с задачами нового поколения, без которого страна не сможет иметь полноценную историческую перспективу. Новое поколение должно разработать идеологию здорового прагматизма и, сохранив свою глубокую приверженность либеральным ценностям, наполнить их текущим каждодневным содержанием. Но еще более важно добиться того, чтобы воля к власти как интегральное выражение последовательной, решительной политической позиции сопровождалось принципиальной новой культурой политического взаимодействия в пространстве конкуренции, так называемой борьбы за власть.

Видимо, мы должны добиваться умения четко выделять в спектре политических интересов те крайности, которые исключают какой-либо компромисс и предполагают неприемлемость. Этот тип политического поведения требует меньшего усилия для того, чтобы его освоить. Конфронтационно-обличительный тип - из разряда легко доступных. Созида-

тельность воли к власти у нового поколения предполагает, на мой взгляд, развитую и сознательно реализуемую культуру политического диалога, культуру коалиционно-согласительную, культуру, где обеспечивается задача социальной терапии как нейтрализации всех последствий деструктивного решения, культуру конструктивно-созидательную, накапливающую в обществе представления о том, что власть надежна, последовательна, предсказуема и, самое главное, власть законно реализуема.

Классическая триада, однажды мной предложенная для демократического направления - свобода, собственность, законность - никогда не потеряет своего значения. Можно лишь обсуждать вопрос о том, какая из этих трех ценностей в какой момент перехода к полноценному обществу, полноценному государству будет определяющей, а какие дополнительными. Очевидно, что на первых этапах ценность свободы, окрыляющая, пафосно заражающая и одновременно обличительно-разоблачающая выступает в качестве доминирующей. Сегодня мы вынуждены разрабатывать более сложную технологию и методологию политического поведения, и сегодня воля к власти означает закрепление идеалов свободы через утверждение незыблемости права собственника, реализуемого в бесспорно законных формах. Перемещение акцентов в базовой триаде предполагает совершенно новый уровень профессионализма тех, кто, добиваясь власти, в состоянии ее полноценно реализовать.

Возвращаясь к образу президентства, следует заметить, что очень часто стратегическую проблему утверждения президентства в России как дееспособного и исторически оправданного института власти сводят к личности президента. Сегодня - к личности кандидата в президенты. В рамках концепции, которую я сейчас излагаю, очевидно, что новое поколение не может соблазниться образом, связанным с осколками вождистско-лидерского типа.

Президентство в России не может быть дееспособным, когда президент выступает в образе выдающейся личностью, возбуждающей в людях полурелигиозные, полумифологические надежды на его личные усилия, в одиночку преодолевающей бесконечные препятствия на трудном пути становления новой российской государственности. Президентство дееспособно тогда, когда президент будет порученцем среды профессионально ориентированных соратников, которые умеют слушать музыку жизни и представлять своеобразие интересов различных социальных групп в согласованной форме в рамках стратегических задач развития российского государства и гражданского общества.

Вместе с тем, когда я говорю «порученец от адекватной среды», это совершенно не означает, что президентом может быть любой и каждый. Первое условие предполагает достаточно тонкое и чуткое отношение к фактурности президента, к личности главы государства.

Учитывая множество обстоятельств, можно с некоторой долей уверенности утверждать, какие качества, какие характерологические и биографические признаки были бы желательны, необходимы и достаточны для того, чтобы страна сумела поддержать президентство на основе поручительства с адекватной этой концепции личностью президента.

Новый президент России должен, прежде всего, быть человеком от 50 до 60 лет. Это означает, что у него будет достаточный жизненный опыт, чтобы выступить в качестве представителя профессионалов.

Второе - он должен иметь корни в регионах России. Если сформулировать более жестко - он не может быть столичным кандидатом. Сложная гамма разного рода «токов» (столица - провинция, Россия вчерашняя - Россия сегодняшняя) свидетельствует, что наиболее эластична и наиболее желательна кандидатура президента, корнями связанная с региональной Россией.

Третье - это должен быть человек, сумевший претворить в жизнь какое-то конкретное дело. Признак делового успеха, профессиональной состоятельности должен быть в полной мере присущ этому кандидату и выступать в качестве его дивиденда в отстаиваемой нами концепции здорового прагматизма и профессиональной власти.

Следующий признак - он должен быть русским. Это не совсем совпадает с базовыми нормами Конституции, которые безупречны в этом отношении и вбирают в себя без противоречий весь мировой опыт, но существует некий запрос духовного и психологического плана, не считаться с которым нельзя.

Президент, далее, должен демонстрировать свою способность работать в командной, согласованной, коллективной форме и исключить действия амбициозно - импульсивные, авторитарные, которые быстро разлагают саму концепцию «порученческой» власти и нарушают правила профессиональной солидарности на принципах компетентности и результативности.

И еще один признак. Новый президент должен демонстрировать некий переход от того типа делового человека, который отличался незаурядными практическими достижениями, к типу, который обладает достаточно развитой духовной культурой, - переход, не позволяющий делить общество на "практиков" и "книжников", обеспечивающий полезное и приятное представительство в личности президента и тех, и других в одинаковой мере. Это будет означать не только реальную перспективу объединения усилий деловой и духовно-гуманитарной элиты, но и реализацию тех базовых задач президентства и президента, о которых мы говорили выше.

И последний признак. Президент обязательно должен каким-то образом соответствовать той политической эстетике, которую заложил сегодня Борис Ельцин в образ главы государства. Точно так же, как Ельцин удачно вписывался в некое представление о стране такого масштаба, такого горизонта, которой является Россия, точно так же наш новый президент должен соответствовать определенным базовым признакам этой политической эстетики, политической фактурности. Это обстоятельство не определяющее, но крайне важное в рамках того целостного образа, к которому мы сейчас стремимся.

Естественно, конкретный кандидат должен быть обучаем в рамках этих критериев и требований.

Губительна попытка развивать президентские перспективы на эксплуатации индивидуального персонифицированного избирательного процесса и уповать на то, что поскольку нет ни партий, нет ни организованных профессиональных структур, то снова и снова будут состязаться личности с их индивидуальными претензиями. Убежден, что это ложная перспектива, она внутренне уязвима себя. Даже если какой-то персонаж, «разогретый» и «раскрученный», победит, трудно рассчитывать на дееспособную власть с необходимой политической ответственностью к историческому творчеству.

М.В. Масарский

Новое президентство: обновление или смена?

Конституция, принятая в декабре 1993 года, определила политическую модель государственного устройства России как президентскую республику с некоторыми примесями парламентской. Законодатель брал за образец наилучшие конституции состоявшихся демократий - Соединенных Штатов и Франции. Была учтена также и конституция Германии. Помимо чисто учебниковых, базовых представлений, у коллективного разума Конституционного Собрания, к которому я принадлежал, участвовал в согласительной и рабочей комиссии при написании самого текста Конституции, были и некоторые представления о том, что подойдет для России.

Исходили из того, что Россия - страна традиционно унитарная, где власть персонифицируется и нет развитого гражданского общества, общества структурированного, осознавшего свою дистанцию от государства, экономически самостоятельного, где социально-экономические группы имеют долгосрочные интересы и предсказуемое поведение. Несущей конструкцией государственности была власть исполнительная. Классического - по Монтескье - разделения законодательной, исполнительной и судебной властей не было, ибо

Советы, по замыслу Ленина и большевиков, демонстрировали нераздельность этой власти и видели в этом даже свое преимущество, а не откат назад.

Сначала для России примеривалась модель парламентской республики. И Верховный Совет, и всевластный Съезд народных депутатов России нечто вроде французского Конвента, который одновременно и законодательствовал, и правил, и контролировал, и формировал судебную власть и власть исполнительную. Народоуправство через Съезд, который мог принять к рассмотрению любой вопрос и у микрофона изменить Конституцию, - конечно, попытка с негодными средствами, без учета исторической традиции не только России, но и Европы, и Соединенных Штатов.

Таким образом, и в России была предпринята попытка создания парламентаризма в классическом смысле этого слова, когда кабинет министров формируется на заседании парламента, а роль президента и премьера - подчиненная. Более того, первого президента СССР избрали вовсе не всенародным голосованием, а как президента какой-нибудь латиноамериканской республики, выборщиками. Например, в Чили Сальвадор Альенде был избран Конгрессом. При этом выборщики не рассматривали себя держателями императивного мандата, им никто, в общем-то, не диктовал, как им надлежит вести себя: они Горбачева избрали, повинувшись не общенациональным, а корпоративным интересам.

Вообще говоря, идея демократически избранного короля витала несколько столетий. При этом в Польше, например, пытались уравновесить короля чрезвычайно сильным сеймом, у членов которого было право "либерум вето". Самый последний шляхтич, выйдя на трибуну сейма, мог брякнуть саблей по столу и сказать: "Ня позволяю". Можно было создавать так называемую конфедерацию с легальным правом вооруженного сопротивления, если, например, решение сейма или распоряжение короля не устраивали какую-то часть истеблишмента, и этим правом широко пользовались польские паны. Но мы знаем, как это ослабляло государство.

Мы знаем, если говорить о российской традиции, как отсутствие единства в верхнем эшелоне новгородской власти ослабило Новгородскую "республику" (слово "республика" я беру в кавычки) перед внешней опасностью, перед завоеванием - это было именно завоевание, а вовсе не присоединение Новгородской республики войсками Ивана III. Например, в сражении на Шелони владычный полк архиепископа просто не принял участия в сражении; и отсутствие единства боярского совета господ, и противоречия между посадниками и вече привело к тому, что более воинственное, но более слабое в экономическом отношении Московское княжество одолело республику и установило автократический режим.

Говоря об автократических тенденциях российского политического режима, надо констатировать, что современная наша политическая система находится еще в состоянии становления, не отлилась в законченные формы. Обычно авторитарные тенденции в российской государственности связывают с личностными характеристиками первого президента России, с его сильным характером, с его бойцовскими качествами. Но это заблуждение. Авторитаризм утвердился в России не одно столетие назад и, видимо, имманентен российской государственности, которая формировалась совсем по другому системообразующему принципу, чем западноевропейская и сконструированная на ее основе североамериканская государственность.

Если англосаксонская государственность формировалась в условиях компромисса между различными частями гражданского общества, между различными силовыми структурами, между церковью, феодальным замком и городом, то ничего подобного не было в России, где с самого начала роль политического арбитра выполнял князь с его дружиной. И княжий суд, и «Правда Ярослава» - это было как раз документальное оформление того обстоятельства, что ни общество, ни церковь не могли выполнить ту роль, которую выполняло обычное англосаксонское право, где кодификации подлежали нормы, уже бывшие в употреблении столетия назад. Между прочим, точно так же формировалось и римское право, а в англосаксонской традиции утвердилось прецедентное право - оформляется ка-

кое-то конкретное дело на основе обычного права, но после того, как оно стало приговором, превращается в часть кодекса. В российском же государстве - и в княжестве, и в царстве, и в империи - общество занимало относительно государства страдательное, подчиненное положение. Объяснений масса.

Во-первых, русское государство с самого начала носило боевой, оборонительный характер. В основе российской государственности лежало семейно-дружинное начало - принцип завоевания, а вовсе не общественного договора и не корпоративный компромисс. Очень долго государство вело себя на территории русского селения как завоеватель - собирало дань, а не налоги, зависящие от доходности и промысла, от успеха хозяйственной деятельности. Очень часто оно замыкалось в самом себе и не соразмеряло свои цели с общественными ценностями.

Цели государства замыкались на государе, и само слово "государство" происходит от слова "государь", термина частнопроводного, в отличие от "state", термина публично-правового, отражающего "состояние", "сословие", "упорядоченность". "Государь" - собственник вещей и рабов. И поэтому приписанность, как бы пленность россиян предполагалась даже в самом этнониме "русский". На это обратил внимание А. И. Герцен. Он сравнивал этноним "русские" со словами "французы", "англичане", "немцы", подчеркивая прилагательность этого этнонима: приложенный к Руси. Русский - человек государственный. Это стало основой довольно оригинальной концепции, что русские - часть славян, которые были охвачены государственными функциями, и русскими в начале были варяги, а уж потом русскими становились и славяне.

Это интересно как концепция, но еще более интересно как некий знак, как некий симптом размышлений в этом направлении, вектор перспективных исследований. Во всяком случае, общество рассматривалось государством инструментально: сколько оно должно дать крови, имущества, повинностей натуральных, денежных налогов - решало государство. Скажем, перед ливонской войной российское население просто не в состоянии было выдержать тяжесть государственных поборов и державных поползновений царской власти. Тем не менее, несмотря на катастрофичность экономического положения, на то, что в "пусте лежала" новгородская земля, ее громили опричники.

Такое инструментальное отношение к обществу было всегда характерно для российской государственности, для русского государства, которое было не частью политической системы, а самой политической системой. Все, что вне государства, политической системой уже не было. Правда, государство допускало некую политизацию общества, например, политические притязания церкви, но очень недолго. Церковь в новгородской республике выполняла роль КПСС: у нее были свои вооруженные силы, своя казна и, строго говоря, архиепископ был генеральным секретарем. И его измена, конфликт со светской частью республики, в сущности, было лишением одной из несущих опор не очень сильной новгородской государственности.

Я здесь употребляю слова "сильное" и "слабое" только в боевом, военном смысле, но не с точки зрения возможности выживания в веках. Например, у многих политических структур типа Византии инерция институций политических была настолько велика, что они тысячу лет существовали еще до полного краха, после того, как уже пала Римская империя.

И они существовали. Смогло существовать и российское государство в виде империи, еще до этого - новгородская республика в виде олигархической республики. И точно так же можно сказать, что и дороссийская государственность, то есть советская государственность, тоже могла бы существовать.

Фундаментальное противоречие между интересами общества и интересами государства выражалось в том, что государство навязывало обществу свои цели, заставляло нести издержки. Чиновничество рассматривало всю территорию или свои должности как поле для «кормления». Кстати говоря, с кормлением-то покончил не Петр I, а Иван Грозный, он заменил кормление службой, утяжелив тягло для всех непривилегированных слоев русского населения.

В цивилизационном идеале отношения гражданского общества и государства функционально должны строиться совершенно иначе: часть функций общество делегирует какой-то внешней для себя силе, которая называется публичная власть. Публичная власть от любой другой власти отличается тем, что она - результат консенсуса. Люди договорились часть своих свобод ограничить и поручить их профессионалам, которые будут охранять, например, правопорядок, вести сбор налогов, чеканку монет, формирование таможенного пространства, внешнеэкономическую деятельность.

Советское государство чрезвычайно много навязывало обществу. Сначала оно надорвало силы общества, а затем, лишившись этой подпитки, надорвалось само. Это уже бывало не раз: в 1917 году надорвались на первой мировой войне, надорвались также в ходе военного состязания во время "холодной" войны и проиграли ее по всем статьям. Но и в этих условиях, на обломках старого государства можно было регенерировать Российское государство. Несущие конструкции старого государства не рухнули. Не разрушилась армия. Она поделилась, но не разрушилась. Ее не воссоздавали, ее выделили и нарекли российской армией. Не разрушилась налоговая система, не разрушился отраслевой принцип управления народным хозяйством. Денежная система фактически трансформировалась, но только в разновидности: внешность денег изменилась, но система денежная осталась та же самая. Можно было трансформировать ее без риска обрушить на головы населения осколки, потому что когда рушится государство - это трагедия, прежде всего, для общества. Потому что в истории России государственность - это общее цивилизационное достижение. Российская социальность напрямую зависит от государственности.

Государственность - корсет для социальности. В американской политической традиции, например, поправки к конституции дают право гражданам вооружаться и создавать национальную гвардию. Это сила не государственная, а общественная, и право на ношение оружия, в сущности, продолжение идеи национальной гвардии. И экономическая самодостаточность, и самоуправляемость, и регистрационный, заявочный принцип создания юридических лиц в бизнесе - все это означает могущество гражданского общества. Некоторые функции оно делегирует вне. Например, виджиланты в западных штатах, комитеты бдительности, суды Линча - самые демократические суды в мире, брали на себя государственные функции. Ничего хорошего в долгосрочной перспективе от этого не происходило, потому что не могло обеспечить баланс интересов.

Баланс интересов могла сформировать только публичная власть, власть открытая, власть, формируемая в результате демократических выборов. Именно такой шанс и возник перед Россией в конце 1991 - начале 1992 года, когда шел поиск нормативных моделей, моделей для сравнения, заимствования, когда нужно было строить новое конституционное здание. Хотя реально строили не "от фундамента", а проводили реконструкцию имеющегося и поэтому использовали элементы, бывшие в употреблении.

Перед глазами у нас были модели классического парламентаризма. Было также ясно, что в классическом виде парламентская демократия нигде не утвердилась. Утверждалась либо чисто президентская, либо президентско-парламентская, либо парламентско-президентская. Можно было предположить, что в России президент, избираемый всенародным голосованием, не ограниченный контролем парламента, будет тем самым некоронованным королем, об опасности которого писали многие политологи. В частности, Морис Дюверже опубликовал несколько трактатов на эту тему: "Демократические короли", "Демократия без народа". Эта опасность осознавалась, и поэтому российский президент не был наделен функцией прямого управления, он не мог руководить, например, министерствами и ведомствами. Он - глава государства и главное должностное лицо, но не единственный глава исполнительной власти.

Исполнительная власть в России оказалась двухвершинной. Премьер-министр по Конституции является фактически вице-президентом. В случае отрешения президента от должности (либо невозможности для него исполнять свои обязанности по состоянию здоровья, либо в результате иных причин, импичмента, например, или ухода в отставку) он на

три месяца занимает должность президента и готовит новые выборы. Это записано в Конституции и подчеркивает, что премьер - второе государственное лицо. Нечто подобное мы наблюдаем в Англии: там тоже два государственных лица: один неизбираемое - король, другое избираемое - премьер-министр. Отметим, что глава исполнительной власти, который получает свой мандат непосредственно от корпуса избирателей, всегда сильнее того, кто получил его от истеблишмента или парламента. И в этом смысле российская Конституция предусматривает сильного президента.

Опыт первых четырех лет российского президентства позволяет сделать некие выводы и предложить некие прогнозы накануне первых, по новой Конституции, выборов второго президента России.

Президентом может вполне оказаться и сам Борис Николаевич Ельцин. Но образ первого президента в любом случае окажет влияние на облик последующего президентства. Джордж Вашингтон сформировал некий идеальный образ президента, президента, который был героем и победителем в войне за независимость, получил свой мандат непосредственно от народа. Однако с самого начала он был ограничен в финансовых возможностях мощным конгрессом, оказался под дамокловым мечом импичмента и при жизни испытывал постоянные нападки конгресса. Все почти как у Ельцина.

Хлебнув парламентской свободы, политическая аристократия не хочет отказываться от своих феодальных свобод. Да, свобода приходит в политическую сферу сначала в виде феодальной, а уж потом - буржуазной. Чем отличается феодальная свобода от свободы буржуазной? Буржуазная свобода - это равенство всех перед законом, это обезличенная свобода, свобода анонимная, свобода, которая нивелирует и лишает разнообразия. А свобода феодальная - это свобода персональная, свобода лично окрашенная, свобода, которая основана на преференциях, эксклюзивах, на несовпадающих привилегиях.

Вот такие свободы после 1991 года и до конца 1993 года, до принятия новой Конституции, процветали у нас и доходили до абсурда. Скажем, спикер Верховного Совета имел собственные вооруженные силы, 5 тысяч вооруженных людей, и не подчинялся этот корпус ни МВД, ни МБР. Были люди, которые сосредоточили в своих руках огромные материальные ресурсы. Шли раздачи различных эксклюзивных полномочий, налоговых льгот, внешнеэкономических полномочий, статусов (статус спецэкспортера один из них). Определенные привилегии раздавались по тому типу, по которому наделялась корпорация английских купцов при Иване IV, - "торговать вам безданно, безошлинно". Это была псевдокорпоративность российского общества, которая очень быстро приобрела характер злоупотреблений.

Феодальное толкование свобод и парламентаризма в конце XX века просто не выдерживает испытания временем. Нужна была более обезличенная система, и она была предусмотрена Конституцией. Президент был поднят над отраслями, корпорациями и вполне мог претендовать на роль "отца нации". Президент является внепартийной силой, потому что государство, строго говоря, непартийно, партийным может быть только общество. Государство - это инструмент. Если подходить к вопросу технологически, государство состоит из обезличенного аппарата, где важна функция, исполнение которой, в общем-то, от личности не должно зависеть. Департизация и деидеологизация государства - необходимое условие для исполнения его технологических функций, потому что они для государства - главные. Технологичность президентства заложена в Конституции. Институт президентства не должен быть и лично окрашенным.

Но такова особенность и массового восприятия, и исторической традиции - как царской, так и генсековской, - что очень многое зависело от того, кто занимает этот пост. Небезразлично для истории было, что после смерти Николая I царем стал реформаторски настроенный и по характеру более способный к реформаторству Александр II. Небезразлично было, что в марте 1985 года стал генсеком, а в апреле провозгласил новый курс Михаил Сергеевич Горбачев, человек, способный на реформы, не догматически мыслящий, незаидеологизированный.

Институт президентства в России отягощен исторической наследственностью – «генсекства», конечно. Царь - это слишком дальняя аналогия, и "царь Борис", в общем, литературный образ, хлесткая публицистическая метафора, но не более того. А вот «генсекство» - да. И ничего плохого, собственно, в этом нет, потому что согласно общей теории систем реформированная система, если она соблюдает свои базовые параметры, эффективнее, чем система, заново созданная. Новая система всегда компенсирует отсутствие профессиональной традиции массовидностью, репрессивностью. Непрофессионализм компенсируется численностью состава, резко растет аппарат при снижении его эффективности.

"Кухарки" в буквальном смысле управляют государством, "живое творчество масс" становится государственной функцией, государство все время взывает к какой-то части общества, объявляя ее прогрессивной. Ее ценности навязываются остальному обществу: например, беднейшие крестьяне, комбеды, которые успешно заменили Советы, избираемые хоть по ограниченному, но все-таки закону, или, скажем, ревкомы, заменявшие те же самые органы представительной власти, либо "тройки", заменявшие суды, либо просто прямой диктат ЦК КПСС, который заменял решения Совнаркома, а в последствии - Совета Министров. Совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров - результат такой замены.

И дело не в слабости государства, а в том, что оно действовало по принципу партийного, а не департизированного и деидеологизированного управления. А для того, чтобы создать иллюзию обезличенности, незаинтересованности, говорили о том, что есть "блок беспартийных и коммунистов", опирались на какую-то часть общества, объявляя ее наиболее прогрессивной.

Нынешнее президентство ни на какой класс не опиралось, хотя были обвинения, особенно в первый год, что Ельцин - президент богатых. Ельцин даже заявлял, что он будет способствовать строительству капитализма без капиталистов, даже вынужден был демонстрировать популизм, чтобы защититься от обвинений в прокапиталистической ориентации, в буржуазной ангажированности. Он предпочитал говорить об интересах России, государственности российской, о ее исторических задачах.

Понятно, что в период реформ президент не может быть величиной скалярной, он - величина векторная и поэтому должен делать выбор между различными социальными группами с несовпадающими интересами. Группы с неконкурентным типом социально-экономического поведения, экономически пассивные люди, которые в политической агрессии компенсируют свою экономическую пассивность - это электорат, конечно, не президента.

Президент должен быть тараном на первой стадии и строительным инструментом на второй стадии создания нового порядка. Такая задача заставляет изобретать некие несвойственные спокойному президентству функции и роли. Например, роль Совета безопасности, указов, чрезвычайно преувеличенную функцию служб безопасности президента, которые сейчас демонстрируют расширенное толкование своих задач, демонстративно обнаруживая их в некоторых нашумевших историях. Но тут проявляется не воля президента, а исторические обстоятельства. Президент, в известной мере, - в круговой обороне. Он главнокомандующий не только войск, он коллективный главнокомандующий неких классовых сил, находящихся в атаке, рыночных сил, которые борются с силами антирыночными, и президент, постоянно клянясь в верности этим силам, должен доказывать им не просто лояльность, а то, что он достойно выполняет роль их командира.

Российское президентство, независимо от личностной окрашенности (человека с опытом партийной, хозяйственной, государственной деятельности) вынуждено выполнять функции, которые, может быть, через 10 лет и не будут ему свойственны. Ельцин, к чести его, не пользуется инструментами плебисцитарной республики, инструментами прямого народоправства, он напрямую не апеллирует к народу или апеллирует очень редко. Референдум о доверии президенту в апреле 1993 года был едва ли не единственным случаем, когда президент воспользовался дубиной народного волеизъявления. А мы знаем, что Наполеон применял этот инструмент очень часто и очень охотно.

Второе, что свойственно российскому президентству, это его нереволюционный и не-репрессивный характер. Подводя итоги первого года существования российского государства в августе 1992 года, Борис Николаевич Ельцин заявил: "Мы избежали опасности революции...". Развивая эту мысль, скажем: избежали опасности смены политической и экономической элиты. Смена собственника прошла бескровно, и никакой класс не оказался наверху. Технологические управляющие и руководители - те, что называются "ганьбу" в Китае, "истеблишмент" - в англоязычных странах, в Западной Европе, - остались. Они приобрели другие системные параметры, но не произошло всеобщего иерархического перевертывания, которое обязательно сопровождается крахом личных судеб, кровью: когда человека загоняют в угол, он непременно берет в руки оружие.

Номенклатура не взяла в руки оружие, потому что ее руки были заняты, не вчерашами, естественно, а чем-то более существенным. Шел дележ государственной собственности, и хорошо, что перераспределение осуществлялось не между социально-экономическими группами населения, а между обществом в целом и государством в целом. Государство отдавало обществу то, что ранее изъяло в виде прибавочного продукта, налога, перераспределения, реквизиции, высасывания крови и пота. И поскольку в числе выигравших от этого первого перераспределения была и партийно-государственная номенклатура, то приватизация произошла без общественного сопротивления государству.

Когда проходила секуляризация монастырских и церковных богатств, - а началось это при Иване III - были конкретные лица, группы, организации, которые теряли при этом и корпоративно, и лично. Потери компенсировали, например, при Петре I, а позже при Екатерине II тем, что потерявшие собственность оказывались на государственном иждивении. Кроме того, земли отнималось у тех, у кого не было вооруженных сил и склонности брать оружие: главным собственником отчуждаемых земель было черное духовенство, монахи.

Впервые в роли добровольно выпустившего из рук колоссальное имущество оказалось российское государство. Деэтактизация собственности шла изнутри, ибо никакая внешняя сила не принудила бы государство поступиться своими колоссальными богатствами, кроме логики экономического состязания. Государство было обречено на поражение как субъект непосредственного хозяйствования. Поэтому, сбрасывая с себя хозяйственные функции, государство, в сущности, избавлялось от непосильного бремени. И хотя наиболее "сладкие куски", наиболее рентабельные виды деятельности оно до сих пор оставляет за собой, инфраструктурная часть экономики, нерентабельная по определению, уравнивает эти "сладкие куски".

В этот-то момент и происходит становление института президентства. Будь на его месте парламентская республика, отраслевой лоббизм не приобретал бы такие безобидные, бескровные формы, как сейчас. Парламенты - это обязательное равновесие различных корпораций, групп с четко выраженными классовыми интересами, парламенты - институциональное выражение классовых компромиссов. Экономическим арбитром не могло бы выступить и правительство, потому что пока оно - совокупность ведомств.

В России осуществлен не кабинетный, а отраслевой принцип формирования правительства, и мы не раз наблюдали, как межотраслевой, межкорпоративный конфликт приводил к министерским отставкам. Итак, функцию социально-экономического арбитра не могло выполнить ни правительство, ни премьер, ни, тем более, парламент. Нужна была политическая воля президентства.

В России при смене землепользователей всегда решающей силой был государь. Если бы Александр II не прекратил борьбу между феодальной и рыночно ориентированной частями господствующего класса, то она длилась бы еще лет 50. Казна взяла на себя выкупные платежи за отчуждаемые помещичьи земли. Государство вынуждено было пойти на такие колоссальные затраты: в конце 90-ых годов XIX века отказалось даже от взысканий с крестьян недоимок по выкупным платежам.

Сейчас мы приступаем к денежной приватизации государственной собственности, когда покупателем является не беднейшая часть населения, а люди, «рыночно состоявшиеся». И вот тут-то арбитражная роль президента становится еще более значительной, потому что борьба идет уже между сильными мира сего, которые, естественно, хотят овладеть наиболее привлекательными объектами, купив их подешевле.

В этом, кстати, секрет противостояния московской и общероссийской модели приватизации. Наиболее мощные силы московского торгово-финансового капитала в состоянии дать рыночную цену, а более слабый российский капитал, рассредоточенный по всей территории страны, не в состоянии выдержать состязание с мощным московским капиталом. 75% всех капиталов - в Москве. Плюс еще иностранный капитал входит на территорию России через московские ворота.

И в этих условиях роль президента, не связанного непосредственным хозяйствованием, особая. Мы помним период, когда он возглавлял правительство, а Гайдар был вице-премьером. Тогда все издержки оперативного руководства понижали рейтинг президента, уменьшая его политический авторитет, завоеванный в августе 1991 года. Тогда, в сущности, никакой социальной базы у правительства Гайдара не было, кроме одной могучей партии: она называлась «Ельцин». И этот партийный капитал, эта харизма были растрочены на цели не государственные, а хозяйственные.

Тем не менее первое президентство в России состоялось - несмотря на падение рейтинга, на колоссальные ошибки (Чечня - одна из них), на то, что реформы идут с большими издержками, чем могли бы, несмотря на внешнеполитические провалы, на неуклюжесть в протокольном поведении главы государства.

Президент в 1993 году ликвидировал систему Советов, не признающую разделения властей. И ... пошел на парламентские выборы буквально через несколько месяцев - поспешил создать себе противовес. Говорят: его заставил бы Запад. Это не так. Нет и не было у Запада реальных рычагов влияния на выбор российской государственности. Например, получив системный кредит МВФ, Россия не рассматривает его как решающий в финансовой стабилизации. Не было внешних принуждений. Но были внутренние, потому что само президентство - результат некоего договора государства с обществом и структур общества друг с другом.

Не случайно президент был инициатором Договора об общественном согласии. Казалось бы, сильный со слабым не должен договариваться. У нашего президента профессия - "герой". В условиях конфронтации, в экстремальных ситуациях он разворачивается во всю ширь и мощь русской природы. И, тем не менее, свой героизм он постоянно ограничивает оппортунизмом.

Оппортунист - это очень хорошее определение политика (от французского слова "opportuner" - соответствовать обстоятельствам). Большевики проклинали это слово, заклеивали им своих политических противников, потому что сами никогда не считались ни с чьими интересами, кроме своих, для них баланс интересов - что-то из непонятной для них сферы. Такая неограниченная ничем диктатура "передового" класса, в конечном итоге - парт-аппарата, ушла. Президент умеет маневрировать. А что такое политическое маневрирование, как не попытка расширить свою социальную базу?

Ельцина взметнула наверх демократическая волна. Говорят: его привела к власти партия "ДемРоссия". Ничего подобного. Во-первых, "ДемРоссия" не партия, а движение. Во-вторых, не единственное. В общедемократическом движении участвовали миллионы. Казалось бы, в интересах Ельцина сохранять ситуацию такого популярного человека - страна все жертвы прощает. Таких примеров в истории было сколько угодно. Сталин так действовал. Перед народом он всегда являлся как сила, которая учитывает народные интересы и всегда борется с народными врагами. Ими могли быть и "прихватизаторы", и "лица кавказской национальности". Ельцин устоял перед этим соблазном, соблазном властвовать цезаристским образом.

Ельцин не избрал ни цезаристский, ни бонапартистский вариант властвования, хотя и к тому, и к другому он весьма склонен: он - герой, он - победитель. Он действительно одерживал победы. И мы знаем, где были его Аустерлицы. Но он на это не пошел. Он избрал президентскую институцию, техноструктуру. Президентство - не просто команда. Это система учреждений. Как быстро обзавелся президент огромными - не штатом, не двором - структурами. Власть очень быстро структурировалась. Почему? Почему так быстро образовались те силы, которые сейчас успешно уравнивают колоссальную власть правительства? Потому, что президент унаследовал традиционный противовес - ЦК.

Не случайно администрация президента находится на Старой площади, не случайно президент в Кремле. Избавившись от идеологии, от номенклатурности в худшем смысле слова, он пришел - стихийно - ("стихийность процесса - признак его глубины" - писал Владимир Ильич Ленин) к тому, к чему приходят все буквально президенты. К тому, что в конце XX века нельзя управлять «с голоса», через телевизионный экран, на митингах. Управлять можно только с помощью профессионалов, организованных не по партийному, то есть идеологическому, программному принципу, когда руководитель партии и правительства связан идеологическими ограничителями.

Он отказался от государственной идеологии, хотя у государственной идеологии колоссальное преимущество. Она может дать такие рычаги, которых нет в деидеологизированном государстве, например, массовую поддержку. Такой идеологией могло быть, например, православие. Не случайно православные священники, верхняя часть клира, все чаще и чаще участвуют в неких государственных действиях. На подписании Договора о согласии рядом с президентом сидели два человека: премьер-министр и патриарх Алексей II. Это не потому, что уверовали наши руководители, а потому, что они опираются на общество в лице наиболее структурированных его частей.

Этот Договор задумывался как прообраз Общественного договора. Конституция, строго говоря, не общественный договор, а самоограничение государства, и принимает ее государство. Общество вовсе не навязывало ее государству - как мятежные бароны навязывали Хартию вольности Иоанну Безземельному. Конституция была предложена обществу для санкционирования, и общество санкционировало ее на референдуме 1993 года. Общественный договор - это приглашение создать некий базис, где будут учтены интересы не только государства и не просто общества, а различных групп общества. И государство, как мы сейчас наблюдаем, в президентской его части заинтересовано в как можно большем структурировании общества. И не заинтересовано правительство. Объективно. Президент же создает Общественную палату, где представлена мало-мальски структурированная часть общества, около тысячи общественных организаций, структур. И не только "общественных организаций". В палате представлены профсоюзы, казачество (это уже не общественная организация, а государственное сословие, военное), разные конфессии.

Президенту нужно прочное государственное здание, построенное не на песке, не на плывунах. Он - специалист по фундаментам. Он вообще строитель. Как строитель он понимает, что фундамент надо закладывать ниже слоя промерзания, там, где внешняя температура уже не влияет на плотность среды. То есть нужно найти такие базовые интересы, которые ниже оттаивания и замерзания, там, где температура не меняется: собственность, правопорядок, чувство безопасности, социальная защищенность. И как раз в этом-то правительство не заинтересовано, в том, чтобы общество в лице своих общественных организаций вмешивалось в его дела. Потому что общество все время норовит перехватить какие-то функции у управляющих, а это против логики любого бюрократического аппарата, построенного, тем более, по отраслевому принципу.

Современная демократия - это технодемократия. В условиях технодемократии либо надо становиться главным чиновником (премьер-министром), либо царем, либо совмещать представительские функции царя и оперативные полномочия премьера. Российский президент - нечто среднее между генсеком, царем, премьер-министром. И слава богу, что в этом ряду нет еще и народного вождя. В Кремле не было ни одного, слава богу, народного вождя.

Ни один не прорвался в Кремль. Я исключаю большевиков, но они не были народными вождями - это был мафиозный заговор своеобразной техноструктуры (орден меченосцев, как определял Сталин); номенклатурность у них была еще до революции определена, и на этой матрице они отпечатали и российское государство.

Когда стали приглашать людей с аппаратными навыками в президентские структуры, когда эти люди стали занимать посты и глав администраций, и представителей президента на местах, и в администрации президента, в этом усмотрели "номенклатурный реванш". Я же в этом усматриваю, - и не я один, а и многие аналитики, - благо, позитивность трансформации прежнего государства в соответствии новым реалиями. В отличие от прежних режимов, режим президентства российского родился не в огне войн и революций, он родился, хотя и на фоне потрясений - внешне, во весь рост встал президент в августе 1991 года - в довольно мирной обстановке, при состязании шести кандидатов, без распада государственности. Это не экстраординарный президент, который бы на плечах народных масс ворвался в Кремль. Он приехал на служебном автомобиле, и многие даже не помнят, когда это произошло.

Ельцин еще больший прагматик и оппортунист, чем Горбачев. И плюс - свободный от всяких идеологических обязательств. Антикommунизм он некоторое время педалировал, но сейчас вообще на эту тему не говорит, хотя коммунистическая партия сильнее сейчас, чем в 1992-1993 годах. Этот президент не "против", а "за", президент, который вроде бы добровольно отказался от преимуществ отрицания. В действительности он уже не может себе позволить эту роскошь, потому что обременен ответственностью. Он не может сослаться на злокозненных врагов, которые мешают ему осуществлять благие задумки, ибо обладает колоссальной властью.

Полагаю, что российское президентство состоялось. Но не могу сказать, что оно исчерпало свой потенциал, даже конституционный. Например, нет исполнительной дисциплины, властная вертикаль фактически не «под президентом». Губернаторов надо было назначать, иначе это не губернатор. А мы можем оказаться как бы пленниками догмы, пленниками американского образца, где губернаторов избирают. Там губернаторы – это фактически президенты первоначально самостоятельных государств (в начале штаты были государствами). С самого начала США были конфедерацией государств. А у нас - эволюция от первоначально унитарного к федерации, с опасностью конфедерации. В этих условиях президенту не надо было бы утрачивать контроль над властной вертикалью. Я прогнозирую, что придется отказаться от идеи выборов глав исполнительной власти. Это мертворожденная идея. Глава исполнительной власти, получивший мандат у мятущегося электората с несовпадающими интересами, и будет ориентироваться на него - то на одну группу, то на другую.

Перехожу к задаче трансформирования президентства. Это можно и нужно делать, не меняя ни буквы, ни духа закона. В Конституции все прописано. Президент должен иначе строить свои отношения с обществом, регулярно выступая, объясняясь с обществом, формулируя свою позицию не только в виде послания Федеральному собранию. Выступать не только в одни торжественные, а регулярно, как это делает американский президент. Появляться, давать интервью.... Я думаю, предвыборные состязания приучат его к этому.

Считаю, что трансформация института президентства вовсе не связана со сменой персоналий. Трансформация функционально предопределена. Во-первых, опыт показал, что надо реально работать с парламентом. Сегодня президент больше работает с верхней палатой, ему это ближе, потому что там почти половина глав администраций и представителей законодательных органов регионов. Там истеблишмент. Тем более, они туда пришли по «принципу формирования», а не представляя электорат. Они представляют власть. Власть легче всего ведет диалог с другими властями.

Итак, работа с парламентом. Подобно тому, как американскому президенту запрещено председательствовать в парламенте, даже участвовать в будничных дискуссиях, президенту российскому не надо, подобно Горбачеву, сидеть и наблюдать межфракционные драки

или выслушивать упреки в свой адрес. Он действительно должен работать с парламентом не через личное участие.

С любой структурой он должен связываться структурно. Кто лучше структуру понимает? Другая структура. У них есть функциональная сопряженность, общий язык, общая система ценностей, они договариваются.

Президенту, естественно, следует умерить давление на себя со стороны силовых структур. Он может стать заложником силовых структур, но Ельцин продемонстрировал умение управлять силовиками. И сказать, что они им манипулируют, я бы не рискнул. Их несколько, и они друг другу не подчиняются. Нет всеобъемлющей структуры, как было во времена КГБ. Когда Ельцин получит мандат на последний срок, а этот срок будет, он останется в истории, у президента будет меньше соблазна ориентироваться на групповые, корпоративные цели силовиков.

Алгоритм выработан. Ельцина избрали на следующий пятилетний срок. И все части истеблишмента должны ожидать своей очереди. Нарушив алгоритм, они закладывают мину под собственное президентство, а потому лично заинтересованы в том, чтобы алгоритм неукоснительно соблюдался.

Ритуал, раз найденный, должен тиражироваться, и не будет тех заинтересованных сил, которые бы требовали досрочных выборов.

Аргументов против демократии очень много. Черчилль любил находить эти аргументы, но, правда, заканчивал следующим: демократия - это действительно самый плохой тип политического управления, если не считать всех остальных. Президент обзавелся структурами, структуры действуют по принципу умеренности, а умеренность - это принцип «шаговости», осторожности, зондажа.

Сколько раз мы наблюдали, когда зондаж, сделанный помощниками или даже в каком-то его собственном выступлении, потом расценивался как совет, размышления вслух и от него отказывались, даже отменялись указы. Мало того, что президент умеет держать удар - российское государство всегда умело держать и наносить удары, этим нас не удивить. Он не только умеет держать державную паузу, но еще и умеет отступать, маневрировать, при этом, не разрывая линию фронта.

Он не сдает свою команду. Иногда это объясняют тем, что у него ностальгическая привязанность к прошлому, как разношенным тапочкам. Мы видели, как беспощадно он избавлялся от тех, сотрудничество с которыми оказывалось неэффективным, но при этом он старался не порывать с теми силами, которые стояли за этими сотрудниками.

Это как раз и отражает его стремление максимально широко держать поле для маневра. И это не показатель слабости, а инстинкт властвования: он владеет технологией властвования. Это удача для России, что он пришел из партаппарата, из секретарей обкома - ведь это же было маленькое государство. Первые секретари обкомов, особенно областей первой категории, к числу которых относилась Свердловская область, были президентами государств со всеми государственными функциями, за исключением только главнокомандования, да и то войска, дислоцированные на территории области, находились на партийном учете в том же обкоме партии. Опыт властвования делает институт президентства почти наследственным.

Старая власть всегда эффективнее молодой, молодая агрессивнее и легче проливает кровь. Почему на кровь не решилась номенклатура 75-летнего возраста, но легко пошла номенклатура молодая 37-го, 29-го, еще 17-го года? Потому что они не были обременены ответственностью власти. Литературной, театральной иллюстрацией этого является спектакль, который сейчас, к сожалению, сошел со сцены, - "Борис Годунов" в интерпретации Юрия Любимова. Там самозванец, пока был внесистемным и антисистемным элементом, лидером антицаристского движения, был разбойником, носил тельняшку, напоминая матроса, братишку балтийского. Когда он стал царем, у него появилась державная поступь, осторожность и взвешенность решений (это безотносительно к реальному прототипу) - такова обременяющая роль власти.

Тоже самое мы наблюдаем в российском президенте. Он редко появляется на публике. Может быть, он бы и демонстрировал турнир на приз "Большая шляпа" в Сочи, но он не хочет действовать так, как действуют американские президенты, где власть как бы домашняя. Эту власть избирали уже столетиями, американцы привыкли к ней. А Борис Годунов, поучая своего сына, говорит: "Редко ты должен говорить, и пусть твой голос звучит в дни торжеств и бедств народных". Горбачев очень много говорил, но российская власть не должна быть многословной. Так же как приказы не должны быть подробно мотивированы, они должны быть краткими.

Образу первого российского президента в не совсем демократической и политически неискушенной России Борис Ельцин соответствует в наибольшей степени. Мы пока не знаем других.

Тем более Президент должен озаботиться - между прочим, как заботились всегда государи в истории России - воспитанием преемников. Демократичнейшие страны готовят второй и третий эшелон. Например, институт имени Буера, институт войны, революции и мира 10 лет формировал Рейгана и "рейганомилку" - ничего плохого в этом, подчеркиваю, нет. И Клинтона так же готовили. Токийский университет готовит будущих премьеров, и очень многие лидеры страны - его выпускники. У нас же часто наверху оказывались люди, поднявшиеся в результате взрывной политизации масс, поэтому такие люди страдают "кессонной болезнью", у них при резком подъеме наверх "кипит кровь".

Кто такой был Владимир Ильич Ленин? Способен ли он был управлять государством? У него было два года трудового стажа, включая пять проигранных процессов, он, как говорил историк Волгогонов, кем прежде руководил? Надеждой Константиновной и узким кругом редакционного коллектива, который раскалывался, постоянно бунтовал против него. У него не было опыта управления большими человеческими коллективами. Такой опыт возникает постепенно и только в условиях преемственности власти, когда процедура смены поколений людей на должности осуществляется на основе какого-то общезначимого алгоритма, ведомого обществу.

Я бы перешел к завершению своих размышлений на тему эволюции российского президентства словами Гете из "Фауста". Мефистофель прибегает к такой самоаттестации: "Я тот, кто творит добро из зла, потому что его больше не из чего сделать". Демиург, он же демон российской истории, мог бы прибегнуть к этой же самоаттестации. Недостатки нашей прежней политической системы мы обращаем в достоинства. Элемент бывшей системы правления - не "старый конь, который борозды не портит", он пашет совершенно в другом направлении.

Власть, еще раз подчеркиваю, технологична. И президент, который не овладел профессиональными навыками управления, а профессионализм – это знание подробностей и мелочей дела, - обречен. Власть приобретают и теряют не потому, что человек плох или хорош. Свергают не плохого и выбирают не хорошего - это не сфера межличностных отношений. Тут другой этос, этос успеха.

Успех для президента - не столько успех реализации лозунгов, сколько успех удержания в руках и эффективного использования рычагов власти. Властью первый российский президент пользуется гораздо более эффективно, инструментально, осторожно, нежели все его предшественники. Мы видим, что государство сейчас осторожно, избирательно обращается с обществом, учитывая общественные реакции. Общество уже не пассивный материал, который государство как хочет, так и лепит, чаще всего по образу и подобию своему, подминая под свои ценности и цели.

И как нельзя лучше для новых взаимоотношений гражданского общества и правового государства подходит тертый, битый президент, наделенный достаточно большой властью и - сильными противниками. Вот уж у кого всегда есть сильные противники - у президента. Они были у Ельцина, пока он шел к президентству, сохраняются и поныне, и дай Бог, чтобы эти противовесы, ограничители, сохранялись. Время героев для России прошло, настало время подвижников.

Есть такое наблюдение: еретик, став во главе церкви, становится еще более ортодоксальным, нежели тот, кто его преследовал, и отправляет на костер с еще большим рвением, чем его предшественники.

Вероятно, протопоп Аввакум, став патриархом, сжигал бы еретиков не в меньшем, а в большем количестве. Такова особенность еретиков. А президент не может бунтовать против государства, президент не может нарушать законы, потому что под угрозой тогда главный закон - Конституция и закон о президенте. Нарушая один закон, он внушает недоверие и презрение к власти, а укрепляя и демонстрируя свою подчиненность закону, президент все более и более демонстрирует укрепление власти. Сейчас даже враги президентской структуры не могут отрицать, что опасность сепаратизма, например, практически исчезла, угроза распада государства - исчезла, краха государства как такового, когда просто в грязь все упало и в грязи эту власть вывалили, а потом подняли большевики, - тоже исчезла.

Заслуга президентской власти колоссальная. Не скажу, что это была единственная несущая конструкция технотруктуры в последние четыре года. Директорат, экономически активные люди, даже просто осколки министерств и ведомств, которые превратились в корпорации, акционерные общества - все, что я общим словом называю "технотруктура" - обеспечили сохранность государственной ткани (под ней лежит более уязвимая ткань социальная). И на этом, в общем, достаточно твердом фундаменте и было возведено здание новой политической системы, увенчанной президентом.

В традициях России наиболее значимые, главные соборы - многокупольные. Но у них общий фундамент. И замысел - общий. Я думаю, что мы сейчас присутствуем при уникальном явлении, когда на глазах летописцев, к которым мы себя относим, рождается новое здание, уже в тумане вырисовались общие контуры, идет достройка этажей, балкончиков, лоджий и так далее. Но общие очертания, зафиксированные в Конституции, уже появились.

Я уверен, что эта Конституция в обозримом будущем в своей фундаментальной части пересмотрена не будет, законодатель благоразумно затруднил механизм ее пересмотра.

Долго находиться у власти - в традициях России. В традициях России обычно смерть распоряжалась судьбой генсека. А когда переворот был, Хрущева отставили, то Россия выиграла? Трансформация Хрущева и его работа на реформаторскую идею была бы гораздо более эффективна, нежели свержение.

Все, кто насильственно свергали президентов, царей утверждали худшее, либо создавали прецедент и долго-долго не могли отвыкнуть от него и потом долго боролись с олигархией.

Я надеюсь, что от этой самоедской традиции мы впервые отрешимся в 1996 году - ведь уход первого президента СССР тоже был насильственный. (Там все было обречено. Не из этого теста президент был: мандат не народный. Все-таки в России инаугурация - это во все не присяга на Библии). А дальше - пять лет - президента руками не трогать.

Направление эволюции - меньше заниматься текущими делами, больше заниматься классическими государевыми заботами. На первом месте - безопасность, экономическая, правовая, экологическая, безопасность прав и свобод, защита прав человека. Вот функции высшей государственной власти, которые реализуют старую мечту россиян о великом князе Красном Солнышке.

**В.И.Бахитановский, А.Ю.Согомонов,
В.А.Чурилов**
**От дискурса к идеологической концепции
президентства (вместо послесловия)**

В околоакадемических журналах приняты адреса "От редколлегии", но не приняты «Послесловия». Нарушая норму, просим читателя принять в расчет то, что этот выпуск вестника «Этика успеха» задуман, организован и реализован как этап макропроекта "Кредо и кодекс российской власти", а потому допускает риск составления послесловия, "заключения" к тематическому циклу "Российское президентство".

"Заключение" следует взять именно в кавычки, потому что и по замыслу, и по итогу вестник «Этика успеха» являет собой, на наш взгляд, наглядную фиксацию того потенциала (в его "плюсах" и минусах"), с которым сегодня можно и нужно – *начинать* исследование феномена российского президентства. Но начинать не заново, а с учетом того, что авторы «Вестника» уже совершили для развития проекта, того, что они достигли и, тем более, того, что оказалось лишь задачей, которую еще только предстоит решить в дальнейших поисках. Тем более, если "заключение" отмечает, пусть косвенно, те аспекты замысла проекта, *меру* реализованности которых только сейчас и можно обнаружить и назвать необходимым условием продвижения проекта.

* * *

Конституция дает нам слишком небольшое знание о феномене российского президентства. Общество же законно хочет знать и понимать это, достаточно молодое явление российской власти куда лучше и, может быть, - гораздо глубже.

Президент - фигура наиболее популярная и примечательная во всем постсоветском публичном пространстве, несмотря на весьма редкие его "выходы в народ". Он - и воображаемый символ нации, и персонифицированное олицетворение высшей государственной власти, и гарант стабильности и порядка, и автор верховного политического решения, социальной справедливости, и т.п. Имидж президентства при этом рождается не только из "недр" правовой концепции высшей исполнительной власти, нового конституционного порядка, сообщений средств массовой информации, обыденных разговоров и слухов, коллективной памяти о персонах номер один из истории отечества, но и из индивидуально-групповых культурных и политических установок в отношении путей формирования и кодификации новых политических институтов в России.

Российское общество сегодня испытывает дефицит на президентский дискурс. Совершенно не очевидно - из единичного пока опыта российского президентства - как будет и далее развиваться этот властный феномен, какой баланс между личностным и институциональным началами установится внутри него, какой тип культурных взаимоотношений будет определять его интеракции с обществом и другими властными институтами. Список соответствующих вопросов можно было бы продолжить, тем более, авторы «Вестника» вряд ли смогли дать читателю все необходимые точные и ясные ответы. И это вполне естественно.

В российской политической культуре сегодня происходит коренная смена одной культурной парадигмы "верховного политика" на другую. Соответственно, познание и понимание президентства еще очень далеко от дискурсивно-логического завершения - символической кодификации явления в образах, понятиях и словах. Словом, нет и, видимо, еще не скоро сформируется в публичном дискурсе и в общественном мировоззрении новой России концепция президентства.

Мало того, что чисто политологического продвижения в теме для формирования президентологических идеологем явно не достаточно. Но и отечественная политология не особенно торопится с формированием российской политической концепции президентства. Поэтому именно в "заключении" мы и попытаемся, понимая меру некорректности в сравне-

нии высказать несколько соображений по поводу американского президентологического дискурса.

Что изучать - личность или институцию? Этот вопрос отнюдь не является праздным в американской президентологической литературе, поскольку никакое другое общественное или политическое явление не ставит этой дилеммы столь остро. Формула президентологического дискурса в этом смысле достаточно проста:

Личность + персональная роль + ситуация

Исходя из этой формулы, не сложно понять, что личность президента способна оказать сильное воздействие на институцию, правда, не столько вообще, сколько в зависимости от условий, в которых реализуется та или иная модель президентства.

При этом президентство действует как бы в шести дифференцированных сферах:

Принятие решений	Реализация политики	Отношения с публикой	Отношения с прессой	Отношения с парламентом	Отношения с другими странами
------------------	---------------------	----------------------	---------------------	-------------------------	------------------------------

В каждой из дифференцированных сфер реализация президентской модели вызывает культурное напряжение, проявляющееся, с одной стороны, в презентации президентством себя обществу, с другой, - в публичной апперцепции президентского действия в холистическом видении всего президентского проекта. Культурное напряжение, в свою очередь, порождает когнитивные теории президентства (т.е., конкурирующие друг с другом президентские идеологемы), подобно концепциям рационального выбора, теории амбиции и т.п.

Однако, и этот уровень понимания и концептуализации президентства еще недостаточен для его предъявления обществу с ожиданием обратного узнавания. Рудиментарные теоретические концепты нуждаются в символически смысловой обработке, доходящей порой до формирования президентских максим. Вербализованные символические смыслы, в свою очередь, являются способом легитимизации президентского проекта, оккультурации той или иной президентской модели, если угодно.

Ориентируясь на какую культурную модель президент формирует свой имидж (предвыборный, после избрания)? Кто советует президенту, как он поступает с этими советами? Президент - профессионал в управлении государством или в успешном проведении предвыборных кампаниях? Есть ли вообще универсальные критерии президентской успешности? Все эти и схожие с ними вопросы имеют как бы несколько уровней рефлексивных ответов, начиная с уровня народной идеологемной рефлексии и кончая чисто академическим анализом.

Впрочем, и печатная продукция по президентству, в изобилии представленная в американских библиотеках и книжных магазинах, адекватно отвечает этим весьма разным уровням президентологического дискурса. Президентоведение представлено, по крайней мере, тремя периодическими изданиями - журналами "Исследования президентства" (издается с 1978 г.), "Ежеквартальный вестник президентских исследований" (издается с 1970 г.), "Конгресс и президентство" (издается с 1973 г.), и это если не брать в расчет президентологическую линию в нескольких десятках политических и политологических журналов. Из монографических изданий упомянем лишь новейшие работы:

1. Barber J. The Presidential Character. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1985.
2. Bartels L. Presidential and the Dynamics of Public Choice. Princeton: Princeton University Press, 1988.
3. Berman L. The New American Presidency. Boston: Little, Brown, 1987.
4. Buchanan B. The Citizen's Presidency. Washington, D.C.: CQ Press, 1987.

5. Denton R., Hahn D. Presidential Communication. New York: Praeger, 1986.
6. Edwards G., Kessel J., Rockman B., (Eds.) Researching Presidency: Vital Questions, New Approaches. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1993.
7. Fishel J. Presidents and Promises. Washington, D.C.:CQ Press, 1985.
8. Greenstein F. (Ed.). Leadership in the Modern Presidency. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.
9. Kessel J. Presidential Campaign. Homewood, Ill.: Dorsey, 1984.
10. Kessel J. Presidential Parties. Homewood, Ill.: Dorsey, 1985.
11. Lowi T. The Personal President: Power Invested, Promise Unfulfilled. Ithaca: Cornell University Press, 1985.
12. Nathan R. The Administrative Presidency. New York: Wiley, 1983.
13. Neustadt R. Presidential Power and the Modern Presidents. New York: Free Press, 1990.
14. Pfiffner J. (Ed.) The President and Economic Policy. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issue, 1986.
15. Pfiffner J. The Statagic Presidency. Chicago: Dorsey, 1988.
16. Plowder W. (Ed.) Advising the Rulers. Oxford: Basil Blackwell, 1987.
17. Polsby N., Wildavsky A. Presidential Elections. New York: Free Press, 1988.
18. Ragsdale L. Presidential Politics. Boston: Houghton Mifflin Company, 1993.
19. Rose R. The Postmodern President. Chatham, N.J.: Chatham House Publishers, 1988.
20. Rosenstone S. Forecasting Presidential Elections. New Haven: Yale University Press, 1983.
21. Schlesinger A. The Imperial Presidency. New York: Popular Library, 1974.
22. Tulis J. The Rhetoric Presidency. Princeton: Princeton University Press, 1987.
23. Wayne S. The Road to the White House. New York: Martin's, 1988.
24. Williams W. Mismanaging America: The Rise of the Anti-Analytic Presidency. Lawrence, University of Kansas Press, 1990.

Разумеется, сравнивать продвинутость российского и американского президентологического дискурса по меньшей мере некорректно, но именно американский опыт формирования публичного дискурса на тему президентства говорит о том, что успешность явления в данной связи зависит от того, как президентство будет идеологизировано, оформлено символически и вербально кодифицировано.

В России проблема идеологического оформления президентской концепции еще далека от разрешения. Но уже сейчас видны контуры нарождающейся концепции. Несложно разглядеть их и в текстах настоящего «Вестника». Вопрос же заключается в том, как сделать идеологическую концепцию российского президентства разделяемой (пусть даже и не тотально), узнаваемой, прозрачной в обществе? Иными словами: как совершить искомое продвижение от президентологического дискурса к президентской идеологии? Нам кажется, что этот коренной вопрос оформления кредо и кодекса российского президентства решается ни однозначно, ни одновременно. В любом случае, первый шаг в этом направлении уже сделан, но чтобы он не превратился в "шаг в никуда", он нуждается в многоступенчатой экспертизе и широкой публичной волне.

Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР.

Выпуск 5. 1995.

Кредо и кодекс власти: Российское президентство.

Под. ред. В.И.Бакштановского, В.А. Чурилова.

Издание Центра прикладной этики и Финансово-
Инвестиционной корпорации «Югра»

Оригинал макет выполнен в редакции «Социологического
журнала»

Обложка М.М.Гардубей, Н.П. Пискулин.

Тираж изготовлен в МП «Информполиграф», г. Москва

Формат издания: 60-84/16. Тираж 999 экз. Заказ № 536